

С. В. КИРИКОВ

В ЛЕСАХ И СТЕПЯХ
ЮЖНОГО УРАЛА

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>

С. В. КИРИКОВ

В ЛЕСАХ И СТЕПЯХ ЮЖНОГО УРАЛА

*Путевые записки
зоогеографа*

Министерство культуры СССР — Главиздат

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1953

ОТ АВТОРА

Запомнилось с детства: на покосе, в обеденный отдых, попросили мы рассказать нашего односельчанина — бывшего матроса, какие места на земле понравились ему больше всего. Мы знали, что когда-то, перед русско-японской войной 1904—1905 годов, он совершил кругосветное плавание на крейсере «Громобое». Как моряк, он прежде всего вспомнил порты — Алжир с белой широкой лестницей, спускающейся к морю, австралийский Сидней, шумный и душный от зноя Коломбо. Хвалил он Полинезийские острова: «Круглый год лето, круглый год цветы цветут, а хлеб — бери прямо с дерева, как яблоко, и пеки; и люди все как на подбор — красивые, рослые». А потом, кончая вспоминать о далеком, посмотрел на нашу Рясну со старыми раскидистыми ракетами по берегам, на луг с гладкими прокосами, разделенными валами только что скошенной, еще не завядшей травы, на могучие красные сосны, под которыми мы отдыхали, и сказал: «А лучше нашей земли я не видел нигде».

Став взрослым, я побывал во многих местах нашей страны.

Вижу Полесье; белую, как ландыши, весеннюю ночь. Качалась, словно в люльке, луна на легкой зыби припятского разлива. «Кум-кум» — вопили жерлянки у берега, а вдали, за Дурным Ольсом, кричал филин: «Пу-гу, пу-гу».

Через три года снова Полесье, но осенью, такой переменчивой, что говорят о ней полешуки: «едет осень на пегом коне». Серая холодная мгла закрыла боры и широкие

гала¹ — того и гляди потеряешь направление и станешь плутать. Но вот стал расходиться туман, разорвались тучи и солнце заблестало всюду — на кустиках багуна, на сфагновых подушках, заплетенных кружевом клюквы, и вон там, на грабовой гриве, откуда уже стали откочевывать рябчики в темные ольсы. Какой поднялся тогда в багуне русак с серовато-вишневой грудью! И как скоро опять... нет солнца, грабы растопырили черные мокрые рогатины сучьев; прячась от дождя, забирались в дупла бойкие поползни...

Вижу южноукраинскую весну. Тюльпаны и ирисы цвели в степях Таврии — желтые, синие. Заливали степь озера миражей. На асканийском скотосбое, за Товарчийским колодцем, не отходя далеко от норы, кормились молодые суслики; взрослые отошли подальше и время от времени становились столбиками и свистели. И вдруг метнулась в воздухе светлая длинная фигурка, только раз успел пискнуть сусленок в зубах у степного хорька, уволокшего добычу в нору. Приложив ухо к земле, я услышал, как под землей урчали молодые хорьки, разрывая на части добычу...

Вспомнилась тянь-шанская осень. Шумел Нарын, разбиваясь о камни. Луна серебрила мутную бешеную реку и от века пустынные горы. Помню последний день, проведенный на Тянь-шане, когда раскачивались под ветром заснеженные поголубевшие ели, и маленький Тумесей, помогавший мне ставить ловушки на полевок и землероек, пришел ко мне в козлиных ичигах и полушубке. «Куда ты собрался, Тумесей?», — удивленно спросил я его. Смущенно и тревожно ответил он мне: «Икау барамыс Москва!» (Поедем вдвоем в Москву). Что мне сказать? «Москва далеко, а ты маленький: нельзя тебе ехать в Москву. Иди спать, а то я завтра рано уеду, и ты не встанешь меня провожать. А как вырастешь и захочешь учиться в Москве, — тогда приезжай, я тебя там встречу»...

Но первое мое путешествие было на Южный Урал. Красота горнолесной и лесостепной Башкирии очаровала меня, и первая любовь путешественника стала любовью навек. В течение многих лет южноуральская земля была для

¹ Гало — чистое моховое болото.

меня как бы большой природной лабораторией, где я изучал жизнь зверей и птиц, и чем дольше я там был, тем интересней становилась работа, тем дороже была уральская земля.

Еще недавно, лет тридцать назад, далеко от железных дорог, далеко от заводов, стояли в степи над р. Уралом редкие казачьи станицы — Магнитная, Кизильская, Уртавымская, Таналыкская — и маленькое городишко Орск. Лет 200 жила Магнитная станица скотом и хлебом. Рядом с ней, за Уралом, — гора Магнитная, гора железной руды. О ней писали в детских букварях, знали, какие огромные богатства в ней спрятаны. Но старая Россия была не в силах вскрыть их и отдать народу.

Джаман-кала (Злая крепость) — звали Орск казахи. Изнывая в тоске по свободе и Украине, томился там в ссылке Т. Г. Шевченко. Летом, когда дул ураганный степной ветер, в пыли скрывались дома и улицы, пыль засыпала и слепила глаза, скрипел на зубах песок.

Была Магнитная станица, — стал Магнитогорск. За 50 километров, с вершины Кыркты-тау, видны ночью огни крупнейшего в мире металлургического завода. По обе стороны Урала разросся город, и уже с трудом найдешь в нем приютившуюся на окраине старую Магнитку.

Окраиной стал и старый Орск. Огромные заводы и новый рабочий город выросли на правом берегу р. Урала.

Между Магнитогорском и Орском протянулась цепь рудников и заводов. Такая же цепь тянется и к западу от Орска. Недалеко от него — там, где когда-то Паллас видел стада сайгаков на плосковерхих холмах и увалах, — быстро вырос Ново-Троицк. А как только поезд, идущий на запад, перевалит через водораздел Урала и Сакмары и станет спускаться к р. Бляве, покажется еще один новый город — Медногорск.

На западе исхоженной мною территории тоже недавно возникли и растут новые города, но здесь другое — здесь нефть. О ней, как о Магнитной горе, знали давно. Добывать же башкирскую нефть стали лишь с 1932 года.

Советские люди, их труд изменили лицо Урала не только там, где они создали города и заводы.

Изменились приуральские степи. Между Сакмарой и верхним течением Б. Губерли всего лишь сто лет тому назад путешественник Рехенберг не видел ни деревень, ни дашен. Временно, на джейляу, сюда прикочевывали баш-

киры из аулов, расположенных по Сакмаре. А теперь, кто хоть раз побывал в этих степях, тому трудно представить их иначе, как простор бескрайних полей, где весной и осенью гудят тракторы, а летом движутся комбайны, срезая широкие ряды пожелтевшей пшеницы.

* *
*

Не раз приходилось мне вспоминать, что сказал нам когда-то перед лекцией Г. Н. Высоцкий, бывший в то время профессором Белорусского института лесоводства: «Я — не городской житель. Прошел лед на Свислочи, и мне пора уже из Минска; леса зовут меня в Жорновку» (в Жорновке была опытная лесная станция).

Как магнит тянет к себе железные опилки, так долгие годы манили и звали меня южноуральские леса и степи.

Весь Южный Урал — это громадная возвышенность, вклинившаяся между сыртовым степным и лесостепным Заволжьем и зауральской степной и озерной низменностью. Самые высокие вершины Южного Урала (Б. Ямантау, Иремель) покрыты горной тундрой. Там среди каменных россыпей, одетых лишайниками, вкраплены небольшие участки травяно-моховой и осоково-пушицевой заболоченной тундры, куда прилетает на лето глупая сивка. Ниже тундры, по россыпям, прижимаясь к камням и переплетаясь в густые куртины, стелются низкие (не выше двух метров) ели, образуя пояс стланика. За ним расположен пояс паркового криволеся, где среди горных лугов стоят светлые разреженные рощи то сибирских лиственниц, то елей и пихт. Еще ниже темнеют чащи горной еловой и елово-пихтовой тайги с сибирскими ореховками, с нарядными щурами, с кукшами.

А под горной тайгой расстилаются или сосняки и лиственничники (то чистые, то смешанные с березой), или широколиственные леса.

Там, где был я, нет ни тундры, ни еловой тайги. Горный Урал (на обследованном мною пространстве) почти весь покрыт лесами, но как не похожа западная часть горных лесов на восточную! На западе господствует чернолесье. В этой части Южного Урала, к северу от широтного изгиба р. Белой, где протянулся ряд почти параллельных хребтов — Ала-тау, Колу, Юрма-тау, Кибиз,

Масим-тау, Базал и другие, господствуют смешанные лиственные леса из осины, липы, ильма, клена и дуба.

Чистые дубравы здесь редки, и их можно встретить главным образом по тем склонам, что своим лицом обращены на юг, к солнцу. Но к югу от р. Белой, в западной части высокой выравненной возвышенности, называемой Южноуральской почти-равниной, дуба в лесах гораздо больше. В западных чернолесных районах сосну можно увидеть лишь на каменистых гребнях горных вершин и по крутым каменистым склонам рек и долов. Еще реже здесь лиственница.

Восточная часть южноуральского горнолесного пространства, в противоположность западной, занята краснолесьем и березниками, и чем дальше к востоку, тем все больше березы. Сосну и лиственницу в старое время беспощадно вырубали, и поэтому крупного краснолесья осталось мало, а места вырубок поросли смешанным сосново-березово-лиственничным лесом.

Таковы основные различия горнолесных ландшафтов Южного Урала, прежде всего бросающиеся в глаза при путешествии по нему.

С запада, юга и востока горнолесной Урал окаймлен предгорной лесостепью. Она тоже неоднородна: на востоке в предгорной лесостепи нет ни дуба, ни клена, и только на хребте Ирндыке в одном месте найдена липа; в Южном Зауралье ее больше нет нигде. В зауральских предгорных колках преобладает береза; кое-где обычна, как примесь, сосна, реже — лиственница.

Лесостепь же с широколиственными колками занимает не только западные предгорья Южного Урала — она окаймляет его горнолесной остов и с юга.

К лесостепным предгорьям с запада, юга и востока примыкают степные пространства. Ближе к предгорьям расположен ландшафт ковыльно-разнотравных и каменистых степей, а за ним — ландшафт типчаково-ковыльковых и каменистых степей.

В первые годы мне хотелось как можно больше путешествовать по Уралу; видеть, как горные боры сменяются дубравами, как горнолесные ландшафты переходят в лесостепь; узнать, где проходят границы распространения зверей и птиц; понять, почему эти границы идут так, а не иначе.

Потом пришли другие желания — узнать, как влияют на жизнь животных резкие отклонения от обычного хода сезонных природных явлений; изучить различия в образе жизни животных, вызванные различием тех природных угодий, которые они населяют; исследовать особенности жизни животных у предела их распространения и т. д. А для этого нужны были многолетние наблюдения над жизнью и размещением животных на участках, выбранных в различных природных ландшафтах. В нагорных сосново-березово-лиственничных лесах таким местом был Башкирский заповедник, в зауральской лесостепи — восточный склон Урал-тау и хребты Кыркты и Ирендык, а в предгорной дубравной лесостепи — район Шайтан-тау.

Наблюдения над образом жизни южноуральских птиц и зверей и их размещением по природным угодьям и ландшафтам были недавно описаны мной в отдельной книге¹. В ней было бы неуместно рассказывать о душистой свежести раннего весеннего утра в приуральских степях и о тамошних удушающе-томительных сухих грозах и черных бурях; о прозрачных и тихих осенних днях в золотисто-желтых березовых рощах Урал-тау; о том, как сходятся вместе горная даль Ирендыка и даль зауральских степей и словно тонут в синей дымке, уходя за горизонт. И также неуместно было рассказать там о людях, которые помогали мне искать «кладовые» слепушонок и стожки сеноставок, с кем мы вместе слушали глухаринные песни, с кем ходили по лосиным, волчьим и медвежьим следам, с кем изъездили и исходили уральские леса и степи от верховья Нугуша до Губерлинских сопок и от Кыркты-тау до Б. Ика. И мне захотелось написать иную книгу — книгу путевых записок о природе уральских лесов и степей и особенно о том, как она изменяется в разные времена года, заставляя и животных изменять свою жизнь и приспособляться к изменившимся природным условиям.

Глухарь и оляпка, тетерев и галка, слепушонка и лось, сеноставка и летяга — вот те уральские птицы и звери, чья жизнь интересовала меня, пожалуй, больше всего. Вот почему в этой книге я попытаюсь рассказать о том, как они живут и в стылую уральскую зиму, и в знойное красное лето. И не только от времени года меняется их жизнь.

¹ С. В. Кириков. Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала, 1952.

Иногда звери и птицы одного и того же вида живут в резко различных между собой природных угодьях и поэтому живут по-разному. В борах глухарь ведет себя как «домосед» и почти всю свою жизнь проводит обычно в пределах сравнительно небольшого участка, а в дубравных колках лесостепи он нередко покидает свой «дом», откочевывая на зиму в боры. Поэтому если зверь или птица живет и в горных лесах, и в лесостепи, и в степной полосе, то я буду говорить об их жизни — и лесной, и лесостепной, и степной.

В НАГОРНЫХ ЛЕСАХ И В ЗАУРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ¹

ИЗ ПРИСАКМАРСКИХ СТЕПЕЙ В ГОРНЫЕ БОРЫ

Осенью 1926 года ехал я в первый раз на горнолесной Урал, добираясь к нему с юга, из присакмарских степей. Железная дорога доходила тогда только до Орска.

В окно виднелись желтая степь, зеленая полоса темного леса по Сакмаре и туманные горы вдали, за рекой. Сквозь мелкую степную пыль, поднятую ветром и летевшую в окно, я увидел белое здание вокзала... Саракташ... Отсюда мне надо было ехать на север, в Кананикольск. За сакмарским бродом густой щеткой, как осинник после пожара, стоял молодой осокорник на галечных наносах низкой поймы. Крутой уступ отделял ее от высокой поймы с высокими стройными осокорями и раскидистыми вязами. С них слетали сизые кобчики и проносились в воздухе за стрекозами. Высокая пойма незаметно слилась с ровной степью, почти сплошь распаханной; по колючему жнивнику ходила стая крикливых грачей и галок.

Ровной степью мы ехали недолго; за с. Петровским показались увалы, то широковерхие, то с каменистыми заостренными гребнями, и круглые, как караваи хлеба, сопки. Дорога сначала лепилась по крутому косогору, по-

¹ Мои пути по нагорным лесам и зауральской лесостепи были так тесно связаны между собой, что все виденное в них я описываю в одном и том же разделе.

том ушла на дно глубокой узкой балки. Давно уже вошла луна, но из теснины ее долго не было видно; лишь вверху, по обрезу крутых и высоких увалов, густо-густо, как на новогодней елке, расселись звезды. Поздно ночью мы приехали на Долгий Хутор. За этим поселком дорога стала подыматься вверх по р. Акберде, и предгорная степь сменилась нагорной лесостепью. На юго-восточном склоне балки желтела степь с большими куртинами густого вишенника и чилижника. Противоположный ему северо-западный склон был покрыт мелкоколесьем. Вскоре дорога стала круто подыматься вверх между двумя отвершками Акберды.

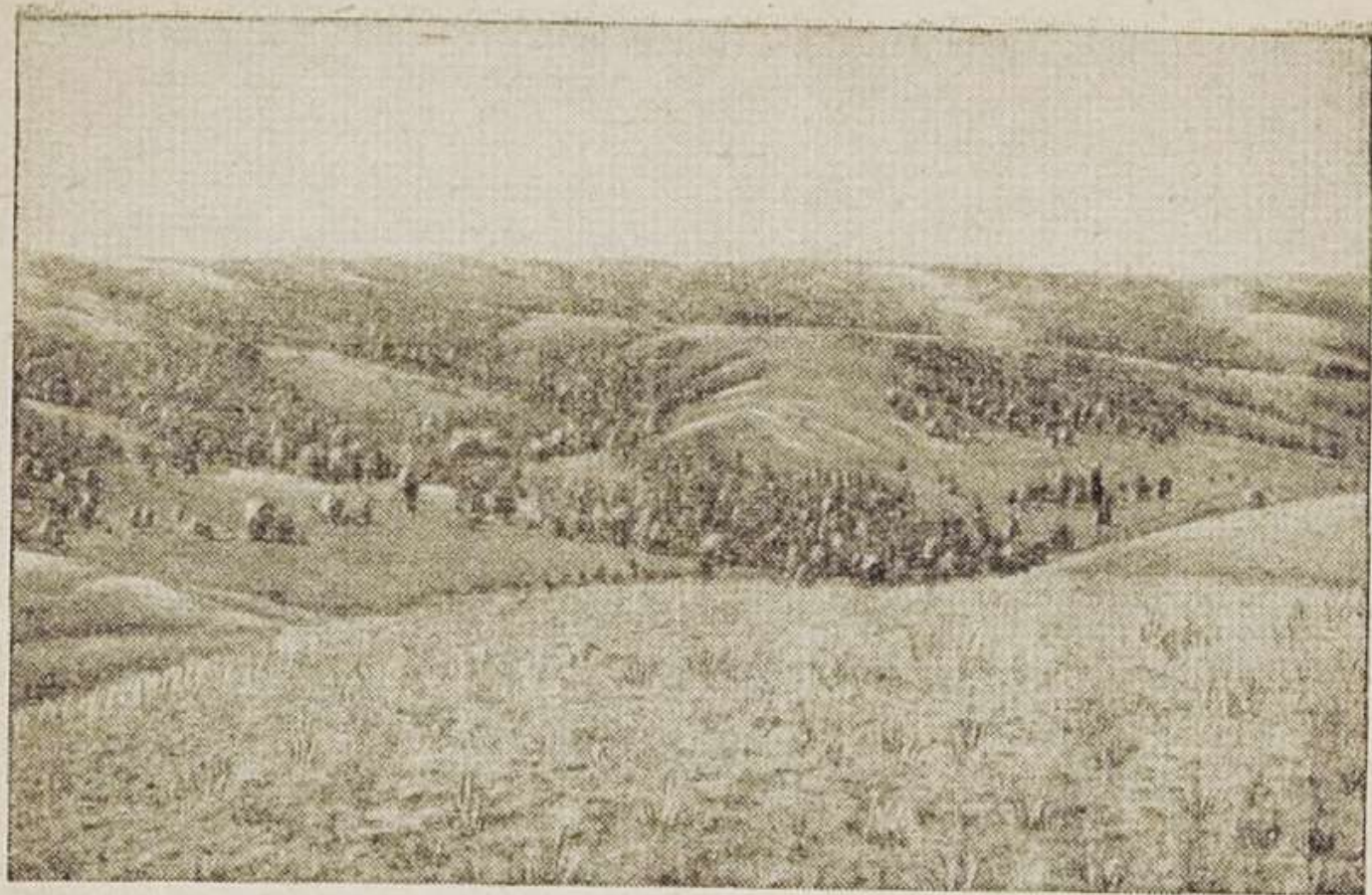
Когда подъем окончился, стало видно, что мы выехали на вершину каменистой гряды, отходившей языком от обширного выравненного пространства. Во многих местах выступал камень, расщепленный на мелкие ребристые дольки; на мелкой щебневатой почве желтели высохшие типчак и овсец; к ним примешивались шелковистая полынь, тимьян, низенькие кустики чилиги. Местами чилига, бобовник и степная вишня смыкались в большие куртины. По сторонам каменисто-степной гряды тянулись лесистые доли. Дубовые и березовые рощи вышли и на водоразделы, и скоро, к северу от д. Глинки, соотношение леса и степи изменилось; степь с типчаком, перистыми ковылями, овсецом, шелковистой полынью, земляными орешками и сон-травой, со слепушонками, выкидывавшими на дорогу землю из подземных ходов, осталась лишь на взлобках¹. Их окружали дубово-березовые леса с луговыми полянами, где качались высокие, как рожь, метелки вейника, подсыхали зонтики уральского порезника и володушки, было много пахучей душицы, девясила и земляных орешков.

Трава, густая и высокая, как в старых запущенных парках, росла и под приземистым дубравным шатром, над которым высились стройные острые пирамиды лиственниц, появившихся в лесу северней д. Глинки.

Напрасно я смотрел вперед, чтобы хоть вдали увидеть горные хребты: казалось, что мы ехали по такой же равнине, как где-нибудь в Смоленщине или Подмосковье.

Перед д. Сосновкой дубравы резко сменились борами. Начался горнолесной Урал. Кони быстро несли под гору,

¹ Небольшая выпуклая приподнятость.

Северная окраина дубравной лесостепи.

Фото автора.

и перед глазами мелькали красные стволы сосен и белые — берез, а иногда показывалась огромная, почерневшая снизу, перевидевшая на своем веку не один пожар, лиственница, уже начавшая желтеть.

Хребтов не было видно и здесь, но все чаще приходилось спускаться в глубокие и узкие долины речек, все тяжелей подымались лошади на кручи. И опять так же поздно, как на Долгий Хутор, приехали мы в Зилаир. В этом поселке улицы называются по порядку номеров — первая, вторая, третья и так далее. Избы размещены по строгим линиям прямоугольников и кажутся еще меньше и ниже от слишком широких улиц.

Зилаир — это бывший Преображенский медеплавильный завод, построенный в середине XVIII века. В зилаирских лесах я впервые увидел своими глазами то, что мне было известно из книг: на возвышенностях границы между природными зонами и переходными полосами выражены более резко, чем на равнине. Преображенский завод расположен в горных борах, но в 15—20 километрах к югу от него начинается предгорная лесостепь. В 1828 году в лесах вокруг Зилаира северные олени были так обычны, что за один день охоты, в которой участвовал путеше-

ственник Гельмерсен, было убито несколько северных оленей. А на выгоне за поселком, уезжая из Зилаира, я увидел тупоносые усатые мордочки слепушонок, выкидывавших землю из подземных ходов. Северные олени и степные слепушонки сошлись вместе на южной окраине уральских боров.

«Доедем мы сегодня до Кананикольска?», — спросил я возницу, когда мы выехали из Зилаира. — «Хоть ночью, а надо бы доехать. Осталось верст 70, да больно дорога плохая». Она и впрямь оказалась такой. Вскоре за Зилаиром нам пришлось сойти с телеги и помогать лошадям, с трудом взбиравшимся по узкому каменному желобу на высокую гору. «Крутец» — так называли ее зилаирцы. Кругом виднелись одни лишь сосны, росшие на камнях, покрытых тонким слоем почвы. Да и весь путь до Кананикольска шел больше среди боров и сосново-березовых лесов. Лишь местами боры отходили от дороги, уступая место березникам и осинникам. Березы стояли редко, как в парке, едва соприкасаясь кронами или не касаясь совсем. Как желтые бабочки, мелькали в воздухе осыпавшиеся с берез листья. А доли с хмурыми полосками ольховой урмы становились все мрачней и тесней.

ПЕРВАЯ ОСЕНЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Поздно вечером — горели уже огни в хатах — приехали мы в Кананикольск. Местные жители по старинке называли его заводом, хотя от заводских времен остался только пруд да большая насыпь шлака у плотины. Лет двести назад заводы на Южном Урале строились там, где было много леса и протекала река, пригодная для устройства заводского пруда. Так были построены Кананикольский, Преображенский, Покровский, Вознесенский, оба Авзяно-Петровские и Кагинский заводы. Ни один из них не сохранился до нашего времени.

В первую половину сентября простояли солнечные, тихие дни, но не раз уже по утрам сидели от инея скалы за Каной. Дождя давно не было, пруд сильно обмелел, и на его обнажившейся илистой отмели остановились последние пролетные стаи мелких куличков-чернозобиков, краснозобиков, песочников-воробьев и круглоносых плавунчиков. Прельстившись обильным кормом, они задержались здесь на несколько дней. Выросшие в тиши безлюдных

тундр, птички безбоязненно встречали мой приход к ним и шмыгали у самых ног, оставляя на липкой грязи цепочки мелких следов, переплетавшихся между собой, словно в кружевном узоре.

Мало боялись людей и таежные сибирские кедровки, во множестве налетевшие в тот год на Южный Урал. Бывало не раз: встретишься с ними на лесной дороге, где они ловили жуков-навозников, и всегда найдется среди них какая-нибудь особенно любопытная. Она залетит вперед, обернется, подпустит к себе чуть не вплотную и снова отлетит вперед на несколько шагов и ждет опять...

А в лесу все больше желтели лиственницы, и каждое утро за селом слышались частые глухие выстрелы из сибирских шомпольных винтовок по глухарям. Осенью, после заморозков, хвоя лиственниц становится лакомым кормом для этих птиц. Больше всех приносил глухарей лесник Иван Нестерович — лучший кананикольский охотник и самый меткий стрелок. Он рассказывал мне, что есть разные «породы» глухарей: есть «белопузые большой руки» и «чернопузые малой руки», глухарок он разделял на более темных «куриц-макушечниц» и более светлых «куриц-полудревниц»¹.

В начале октября ко мне зашел Михаил Степанович — специалист по заготовке и сплаву леса, родившийся и выросший на Южном Урале и прекрасно знавший его. Лесорубы и сплавщики высоко ценили его за исключительную честность и за верность сказанному слову. «От бобра бобренок», — отозвался о нем старый лесоруб, знавший еще его отца. «Завтра мне надо ехать в прибельские леса, в Иргизлинское и Авзянское лесничества, — сказал мне Михаил Степанович. — Не хотите ли поехать вместе со мной?» — Я охотно согласился и стал собираться в дорогу. Вместе с нами поехал и Иван Нестерович.

Целую неделю уже стояли холодные дни. Стучали подковы о застывшие каменные плиты сыртов; разламываясь под копытами, звенели льдинки на замерзших лужицах. Большая часть дороги от Кананикольска до Иргизлы проходит по водоразделу между Белой и Иками, сначала Большим, а потом Малым. В сухих каменистых борах, тянувшихся от Кананикольска до Кызляр-Берга-

¹ Оказалось (об этом расскажу далее), что это были глухари и глухарки не разных «пород», а разного возраста.

на — выселка, населенного кананикольцами, среди зелени сосен часто виднелись пожелтевшие лиственницы. На безлесных взлобках с выходами глинистых сланцев, расщепленных на мелкие ребристые дольки, желтели пучки волосистого ковыля и типчака, отцветали последние за-поздалые цветы душицы и горных астр и бурели полустлевшие листья сон-травы и горицвета. К таким взлобкам кое-где примыкали большие поляны; у Кызляр-Бергана они были разделаны под поля. На кызляр-берганском поле овес был убран еще не весь, и на нем сидела большая стая тетеревов, а на старых огромных лиственницах, словно маяки высившихся над лесом, там и сям виднелись глухари. «Эх, нет винтовки со мной, — пожалел Иван Нестерович, — сколько бы тут глухарей можно свалить!»

С высокого сырта за Кызляр-Берганом показалась вдали голубая широкая падь. «Там Белая, наверное?», — спросил я спутников. «Да, — ответил Иван Нестерович, — по утрам и вечерам ее сразу заметишь с сыртов; та распадка, где Белая, всегда синей бывает».

А за Белой стояли в снежных шапках Б. Яман-тау и Иремель.

Вскоре за Кызляр-Берганом сосново-лиственничные леса резко сменились дубово-осиновыми. Под деревьями лежали побитые морозом побуревшие листья аконита и сныти, торчали высокие стебли дудника. Светлосерым пятном мелькнула уральская неясность; вращая ушастой головой, смотрел на нас со старого дуба филин.

Дубовыми и осиновыми лесами ехали долго; потом переезжали через огромную поляну Кундор, где на стогах сидели канюки-зимняки, перелетавшие на зимовку из тундры в степь. И опять лес, безлюдье; никто не встречался, никого не обгоняли.

«Вот и Пугачевская гора»¹, — сказал Михаил Степанович, когда мы подъехали к крутому длинному спуску в ущелье. Впереди, между расступившимися облаками, показалось закатывавшееся солнце, багрово-красное, похожее на плывущую лодку, объятую огнем. У подножья Пугачевской горы, по берегу реки расположился поселок Иргизла, возникший на месте бывшего Вознесенского завода. Иргизлинское и соседнее с ним Мало-Икское лесни-

¹ По этой дороге весной 1774 года шел Пугачев из Кананикольского завода в Вознесенский.

чества образовались на месте старой заводской лесной дачи, называвшейся Вознесенским бором. Еще лет 80 назад здесь ходили стадами северные олени, потом они исчезли, но стало больше лосей. В нетревожимых человеком дубняках и липняках густая трава была притоптана медведями, словно скотом. В Иргизлинском лесничестве к нам подошел высокий худощавый старик башкир. «Это самый хороший охотник за волками по нашим местам, — сказал мне Михаил Степанович. — Он в Иткулове живет, на восточном склоне Урал-тау». — «А зовут его как?» — «Абсалям».

Под вечер я пошел по узкой береговой полоске вниз по Белой. По реке один за другим, то ныряя, то спокойно предаваясь течению, плыли крохали. Из высоких то темносерых, то белых, то синеватых каменных громад, между которыми течет Белая, били ключи и стекали по скалам, словно по стенам дома, у которого обрушились водосточные трубы. Со скалы сорвался и загремел¹ рябчик, кормившийся на камнях листочками горного очитка. Отлетел, пробежал немного по выступу соседней скалы и свистнул, а впереди отозвался другой. Из забельских березников то стайками, то по одному тянули тетерева на поля, расположенные по надпойменной террасе Белой, но опускались не сразу, а сначала рассаживались по одиночным березам.

«Давайте поставим шалаши, а завтра на заре придем охотиться с чучелами, — сказал Иван Нестерович. — Смотрите, как черныши осыпали поле». Для охоты с чучелами не надо строить шалаши так тщательно, как для охоты на токах, и мы быстро поставили пять шалашей — для нас троих и для иргизлинского лесничего с его помощником, которые тоже были охотниками.

Перед зарей, еще впотьмах, расставили чучела и расселись по шалашам. Тих и безмолвен осенний поздний рассвет. Только филин ухал в прибельских скалах да бурлила вода на порожистом перекате реки. Стало сереть, и вскоре невдалеке от меня в воздухе прошумели быстро пролетевшие птицы, а затем на макушке березы грузно уселось пять косачей. Не успел я просунуть ружье сквозь шалаш, как в соседнем сверкнула красноватая полоска огня и по-

¹ Поднимаясь, рябчик так шумно хлопает крыльями, что издавна стали говорить «рябчик загремел».

слышался выстрел. Вслед за ним упал тетерев и с моей березы; сидевшие близ него косачи слетели, но два других остались. Выстрелы слышались один за другим; лет тетеревов продолжался около получаса, а затем, когда совсем рассвело, они стали реже присаживаться к чучелам; часть косачей и тетерок кормилась на поле, а другие — на берегах. Около сорока косачей и тетерок — такова была наша добыча в то утро.

Из Иргизлы мы поехали в Авзяно-Петровск. Переправившись через Белую вброд, стали подниматься вверх по ключу, заросшему серой ольхой, черемухой и хмелем. Слева и справа от ключа высились крутые склоны отрогов, где серый цвет осинников перемежался с бурыми, еще не сбросившими всю листву дубняками. Срезая излучины Белой, мы ехали в нескольких километрах от реки, то спускаясь в глубокие доли, то поднимаясь на крутые высокие отроги хребтов. Напротив Миндягулова, на левом берегу Белой, виднелась широкая падь. «Там устье Каны, где мое детство прошло... — показал мне Михаил Степанович. — Сколько я там рыбы ловил! В Салазе, когда мне было лет 12, я за день налавливал целые курджумы¹ тайменей; ловил их в жаркие дни петлей, как щук. Попадались такие крупные, что приходилось на куканах вешать на луку седла».

Выравненное высокое пространство правобережья Белой в ее широтной излучине было покрыто сплошным чернолесьем, но на крутых каменистых склонах к реке и по верхней кромке береговых круч вместе с дубами росли и сосны. В Байназарове (расположенной в 70 км к северо-востоку от Иргизлы) дорога перешла на левый берег Белой. Между этой деревней и р. Ашкаркой дубовые и березовые рощи перемежались с такими обширными полянами, что местные русские называли их «байназаровскими степями». «Если отъехать отсюда к востоку километров 10, — говорил Михаил Степанович, — там и конец чернолесью, и опять сосновые леса с березой и лиственницей, как у Кананикольска».

К северу от Ашкарки пошли опять боры, переходившие и на правобережье Белой по склонам к р. Авзян, по берегам которой стояли два крупных села — Верхний и Нижний Авзяно-Петровск.

¹ Верховые переметные сумы.

В тот период Пугачевского восстания, который можно назвать яикско-уральским — по местности, охваченной восстанием, или казачье-заводско-башкирским — по народным массам, принимавшим участие в восстании, Авзяно-Петровские заводы были главным арсеналом повстанческой армии.

Под руководством Хлопуши на заводах срочно лили и исправляли «мортицы» (мортиры), «голубицы» (гаубицы) и «секретные единороги» и, «не теряя ни минуты часа», как о том писалось в приказах из Бердинской ставки, слали их с тысячами заготовленных ядер и бомб под Оренбург.

Авзяно-Петровские заводы в отличие от Кананикольского довольно долго существовали и после отмены крепостного права. Когда заводы закрылись, главными занятиями их жителей стали лесные промыслы и скотоводство.

«Авзянцы — лучшие плотовщики на Белой, — говорил о них еще дорогой Михаил Степанович, а вечером хозяин рассказывал о том, как шел сплав прошлой весной. — На Шершавчике три плота так притерло к шихану, что скрепы порвались и плоты раскидало на части. Пришлось в плесе ловить и опять вязать плоты. А на Коровушке¹ косную лодку разбило, — еле сами спаслись». — «Давно сказано, — добавил сосед, тоже гонявший плоты, — не верь лодке и жене молодке, а надейся на печь и на мерина». — «Перестанет скоро Коровушка реветь, — заметил Михаил Степанович, — взорвут ее скоро; аммонал туда уже подвезли».

Вечером того дня, как мы приехали в Авзяно-Петровск, пошел снег. Назад в Иргизлу мы ехали по старой дороге, но придорожные места выглядели по-другому. На белой ровной глади полян, запорошенных снегом, чернели стога; в густом влажном осиннике, заросшем высокими, в рост человека, медвежьими дудками, пороша была забрызгана грязью, уже успевшей застыть, — там пробежали кем-то потревоженные лоси; под большими дубами чернели взъерошенные и перевернутые листья — то глухари и косули искали опавшие желуди; на дороге пороша лежала гуще и ровней, и на ней ясно отпечатались следы медведя.

¹ Коровушкой назывался один из самых опасных для сплава порогов на Белой. Так называли его за рев воды, падавшей с крутого каменистого уступа.

В Иргизле мы застали Абсаляма и в Кананикольск возвращались вчетвером. Зазимок продержался недолго, стало таять. Обгоняя одна другую, падали капли с сосновых лапок; тяжелыми посеревшими комками сползал с сучьев напитавшийся водой снег. На дороге, оттаявшей сверху и мерзлой под верхним слоем, поскользывались лошади, а на спуске к ключу мой Серый упал на колени. «Юл яман, ат яман»¹, — выругал его Абсалям. Серый стал отставать и нахрамывать, а я в тумане не заметил, как мои спутники уехали вперед. Поторапливая Серого, я вскоре услышал голос Ивана Нестеровича: «Шуметь² надо: отстал где-то Сергей Васильевич». — «Догнал уже, не шумите, — подъехал я к ним. — Где мы едем?» — «Это вершина Гранной; осталось верст 12 до завода», — ответил Михаил Степанович.

Недалеко, вправо от нас, завыл волк, в стороне отозвался и завторил другой. «В Малиновом долу воет, — определил Иван Нестерович, — а тот, другой, на сырту у Карманихи. Это твои звери, Абсалям. Ты нынче будешь капканы ставить? — «Буду, конечно, — вздохнул старый, — если бы я молодым был, я бы бурю³ на лошади гонял. Вот это охота».

Только один день отдохнули мы в Кананикольске, а на завтра вместе с Михаилом Степановичем уехали в Бердяшское лесничество, смежное с Канским и расположенное в бассейне М. Ика.

Высоки серо-зеленые скалы над Иком. Глухо, как в подземелье, цокали подковы о камни на дне реки. Вода прибыла от стаявшего снега и подмочила переметные сумы, когда мы переезжали Ик вброд. Всю ночь шугукал⁴ северный ветер, разгоняя туман. Утром на застывшие сырты посыпался снег, покрывая их белой поземкой, и шел весь день.

К вечеру завыл буран на сыртах, забила в окна жесткая снежная крупа. За три дня намело столько снега, что назад нам пришлось ехать на санях, уложив на них седла, ставшие ненужными. Нам пришлось возвращаться другой, более дальней дорогой, так как Ик еще нельзя было переезжать по льду. В березовых рощах, за Айда-Булуном

¹ Дорога плохая, лошадь плохая.

² «Шуметь» по-местному значит звать.

³ Башкирское название волка.

⁴ Так говорят о ветре, дующем порывисто, с воем.

на опушках сидели косачи и тетерки. Их было так много, что отдельные деревья казались одетыми в траур. Слетая с придорожных берез, птицы стряхивали густой, медленно осыпавшийся иней, и в воздухе повисали узорчатые тончайшие занавеси.

В Кананикольске еще не спали, и избы, стоявшие на ко-согоре, издали были похожи на черные кубики с желтыми точками огней.

ПЕРВАЯ ЗИМА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Вскоре я покинул Кананикольск и Южный Урал и возвратился сюда через два года. Зимой я уехал, зимой и вернулся. Все мои знакомые продолжали работать в Кананикольске. Недели через две ко мне зашел и Абсалям. «Айда ко мне в гости в Иткул», — позвал он меня. Я еще не был на восточном склоне Урал-тау и охотно принял предложение Абсаляма. «Одевайся потеплей, мороз больно большой», — предупредил он меня.

От Кананикольска до Урал-тау дорога шла лесом, где больше всего было сосен. Но как только мы перевалили через хребет и выехали на восточный склон, сосны почти не осталось, и пошли чистые белые березники. Ветви деревьев сплошь обросли инеем, густым и пушистым, как хвост бурундука. Рощи перемежались с полянами, где на буграх покачивались под ветерком заиндевевшие метелки волосистого ковыля. Лошадь быстро бежала под уклон; затем дорога пошла на изволок¹ и с вершины небольшого увала я увидел аул, раскинувшийся вдоль речки. «Вот и Иткул», — сказал Абсалям; вскоре мы сидели с ним на низких нарах, застланных кошмой, у затопленной башкирской печки «миис» и пили чай. «Плохо у тебя, Серге, кровь гуляет. Ты к нам летом на кумыс приезжай. Больно хороший кумыс есть». В избу вошел черноволосый смуглый мальчик. «Мой старший сын умер; от него малайка остался — внук мой, Насибулла, — сказал Абсалям. — Он уже в школу ходит; читает мало-мало. Теперь в каждом ауле школа есть. Раньше не учился наш народ — негде было». Я попросил Насибуллу написать мне названия зверей, и он написал много слов: карагуж, япалак, кузгун, ирлян, юмуран, бурю, аю и другие.

¹ Пологий подъем.

Насибулле надо много узнать: приеду ли я летом в Иткул, есть ли у меня ружье, умею ли я ловить хариусов, много ли у меня крючков. Абсалям еле успевал переводить мне вопросы внука. Насибулла остался доволен, что я приеду и что у меня все есть.

Дня через два мы поехали назад в Кананикольск. Мороз все крепчал. «Какой большой мороз, — ежился Абсалям. — Вот в урман въедем, теплей станет: урман — вторая шуба».

Еще в первый мой приезд в Кананикольск я слышал от Михаила Степановича и Абсаляма, что в татарском селе Юлукове зимой бывает большая ярмарка и что там продают и ловчих птиц. «Не прошла еще ярмарка?», — спросил я дорогой у Абсаляма. «Нет, через 10 дён будет. А что?» — «Хочу туда съездить — посмотреть, каких там птиц продают». — «Беркут продают, аласын, карсага, ительге¹. Раньше много птиц привозили, теперь мало; забыл народ, как надо учить беркут и аласын».

В Кананикольске я узнал, что на ярмарку собирается ехать несколько человек. Вместе с Иваном Нестеровичем поехал и я.

Юлуково, как и Иткулово, находится в зауральской лесостепи; его окружают сопки и увалы, покрытые степями и березовыми колками. Все дворы в Юлукове были забиты сеном и скотом, приведенным на продажу. В каждой избе были постояльцы, и мы не скоро нашли пристанище. Утром зашумела ярмарка; башкирская речь преобладала, но рядом слышалась речь русских, татар, мордвы, казахов, а в птичьем ряду были даже узбеки и туркмены. Издалека — узбеки из Андижана, казахи с верховьев Эмбы, туркмены из Ургенча — приехали они в Юлуково за ловчими птицами.

«Два беркута — воз пшеницы, аласын и карсага — по мешку муки», — сообщил мне цены Иван Нестерович, переводя их на стоимость хлеба. Тогда я удивился, что птицы ценились так дорого, но позднее, когда я прочитал, что несколько лет назад туркмены, не колеблясь, давали верблюда за хорошего беркута², мне стало понятно, почему они приезжали за ловчими птицами в Юлуково.

¹ Аласын — сапсан, карсага — ястреб-тетеревятник, ительге — балобан.

² Г. П. Деметьев. Птицы Туркмении, 1952.

Суровые зимы обычны на Южном Урале, но зима 1928/29 года выделялась особенно большими и длительными морозами. В конце января и начале февраля две недели подряд стояли морозы по 40—42 градуса. Снег был мелкий, и поэтому ключи и речки во многих местах промерзли до дна. Вода по трещинам поднималась вверх и заливала дороги. Смоченные полозья, попав на мокрую наледь, затем обмерзали на жгучем морозе и шли тяжело, словно на тормозах. На лесовозных дорогах дежурили особые рабочие, прорубавшие в наледях канавки и отводившие в них воду, не давая ей заливать путь. В дни с особенно сильными морозами начали гибнуть птицы; Иван Нестерович и другие лесники стали привозить мне замерзших гаичек, долгохвостых синиц и, реже, снепирей, подобранных ими на лесовозных дорогах.

Птички замерзали даже в самом Кананикольске, где легче было укрыться и достать корм. На моих глазах снегушка, испугавшись проходивших ребяташек, вспорхнула и, пролетев несколько шагов, упала мертвой в снег.

В конце февраля опять вернулись морозы по 37—39 градусов. Вдобавок в середине этого месяца разбушевались бураны и завалило снегом вязолистный лабазник и другие лесные и пойменные высокие травы, семенами которых кормились чечетки и снегири. К морозу прибавился голод, и на дорогах все чаще попадались замерзшие снегири и чечетки. Лесорубы приносили замерзших птичек в избушки, отогревали их, давали им крошки хлеба и овес.

При вскрытии замерзших чечеток бросались в глаза их исхудавшие тельца; и зобы, и желудки часто были пустыми. Ослабевшие, больные птички продолжали гибнуть и позже, в марте.

В апреле загремели взрывы в верховьях Малого и Большого Ика, застучали ломы и топоры в каналах, прорубаемых в наледях. Каналы нужно было делать для того, чтобы можно было сплавлять лес. Оттуда Иван Нестерович привозил мне хариусов, гольянов, ельцов и пескарей, которых находили вмерзшими в лед.

Весной и летом того года я уезжал из Кананикольска в зауральскую лесостепь и первые мои впечатления о ней сохранились надолго.

Был конец апреля, когда мы выехали из Кананикольска в Иткулово. До самого Урал-тау был хороший санный путь, но, как только мы перевалили через хребет и въехали в березовые кожки, снег стал быстро убывать, и вскоре остался один ледок на дороге. В стороне от нее на вытаявших увалах паслись лошади. В деревне не осталось и ледка, и сани с трудом дотащились по грязи до дома Абсаляма.

На завалинке, словно вбирая в себя лучи весеннего солнца, сидел старый наш приятель, запахнувшись в тулуп. «Ты что такой бледный, Абсалям?» — «Хвораю. Кашель замучил меня. Мороз за спину залез; солнце даже не гоняет его». — «Мы к тебе в гости, на охоту. Много ли тетеревов около Иткулова?» — «Близко от Иткулова хорошего тока нет. Наш народ силком ловит кур»¹. — «А утки?» — «За утками на Сакмару гулять надо. На Сардак-куле лед стоит — утке сесть негде». Подбежал Насибулла, насквозь пропахший диким луком, и сказал, что по степи уже «гуляет ирлян» (хомяк).

Отдохнув и напившись чаю, мы разошлись в разные стороны; я ушел к Сардак-кулю — небольшому озерцу среди степи и колков березового мелколесья. В прозрачном весеннем воздухе звенели песни жаворонков. С звонким протяжным свистом взлетали кроншнепы и, пролетев над степью, плавно спускались вниз. С испуганным криком, похожим на хохот, поднялись из березника белые куропатки. Выстрелил по ним вдогонку, и снежнобелый петух с красновато-бурой головой и шеей упал в траву. На Сардак-куле потемневший лед был еще цел; лишь у берега образовались небольшие разводья. Поднявшись на сопку, я стал вслушиваться, не поют ли где тетерева на вечернем току. Редко взмахивая широкими могучими крыльями, пролетел карагуж (орел-могильник) и направился к старой березовой роще, где было башкирское кладбище. Сделав в воздухе несколько кругов, карагуж опустился на большое гнездо, устроенное на старой березе. Встречая орла, на гнезде приподнялась его подруга. Влево от кладбища забормотали тетерева, но голосов было мало, и пели они недружно.

¹ Башкирское название тетерева.

Вечером за чаем бросили жребий, куда кому итти. Мне и Ивану Нестеровичу выпало итти на ток; Михаилу Степановичу и другому нашему спутнику — пройти вниз по иткуловской речке и затем по Сакмаре. Нам надо было встать ночью, чтобы дойти до тока и сделать шалаш. Словно камушки, быстро скользившие по первому чистому льду, свистели крылья стремительно проносившихся гоголей; слышались одиночные крики цапель; дружно кричали казарки. Мы пришли слишком рано, и сильный мороз заставил нас отойти в сторону от тока и разложить небольшой костер. Наклонившись над ним, мы просидели до тех пор, пока на востоке не забелелась заря. Абсалям оказался прав: ток был разогнан. К полудню возвратились Михаил Степанович и лесник и сказали, что на сакмарских разливах, ниже устья иткуловской речки, много уток, а в степи слышны сильные тока, и что надо переехать в Нигаметовский аул. По дороге туда, в придорожных зарослях чилиги и в березовом мелколесье подымались белые куропатки, а на озерках в пойме Сакмары — нырки и утки. Стрельба по ним шла так дружно, что к вечеру мы расстреляли все патроны.

Рано уснул аул; спали бы и мы, но надо было зарядить патроны к следующему дню. Ночью я вышел из избы и увидел за Сакмарой огромное зарево — горела старая степная трава. Огонь шел к Сакмаре, но его еще не было видно за увалом. Потянул теплый ветер, и сразу зарево слилось с огнем, вспыхнувшим на вершине сопки. На мгновение, словно осматривая дорогу, огонь задержался на гребне, и затем, то обгоняя, то сливаясь друг с другом, потоки пламени полились вниз по склону, обходя темными языками влажные ложбины. Как огромное зеркало, загорелась река отраженным светом пожара, и тьма отступила от реки, ушла за заросли тальника. Облака побагровели, словно облитые кровью, а неосвещенная сторона их была черной, как в смоляной копоти. Прямо против нас на высоком и обрывистом берегу Сакмары огонь осветил колок березового мелколесья. Огненные языки охватили его сначала с боков, а затем слились вместе в широкую ослепляющую полосу. Из колка поднялись белые куропатки и затрепыхались в воздухе, то пропадая в темноте, то снова выбиваясь в полосу зарева. Догорали увалы и сопки. Снова почернела река, затух и пропал румянец на окнах, и опять стали видны звезды. Спать пришлось со-

всем немного, так как еще затемно мы с Иваном Нестеровичем ушли искать тока.

На черной шири глухо рокотавшей Сакмары блестел отражавшийся свет ущербленного месяца. Прошипел пролетевший над нами кряковой селезень и, мягко раздав воду грудью, опустился в кустах ивняка на старице. Вскоре мы отошли от Сакмары и стали подниматься вверх по краю суходола. Далеко от аула, в маленьком колке березового мелколесья, куда зимой бураны навеяли снежник, мы нашли непуганый ток. Около тридцати косачей, распутив крылья и чертя ими по насту, раскрыв, как платочки, белые подхвостья, токовали на снежнике. Подойти к ним было нельзя и поэтому мы решили не пугать их, а притти вечером и поставить шалаши.

Таяли последние снежники; по днищам распадок¹ струилась блестящая на солнце вода, протекая через частокол из зеленых, свернутых в заостренные трубочки листьев злаков. Для шалаша нужны были березки; как только я согнул и надрезал одну из них, в лицо мне брызнули мелкие струйки березовика, переполнившего сосуды. Пока мы сделали шалаши, пальцы пропахли смолистым налетом, покрывавшим набухшие березовые почки.

Еще не ушло солнце с вершин сопок и увалов, еще не успели мы закончить постройку шалаша, как в соседних стоковищем лесных колках и зарослях кустарников стали чуфыкать косачи. Быстро приставив к остову шалаша еще несколько березок и кинув туда рюкзак с сеном, я залез в шалаш. Тетерева чуфыкнули еще несколько раз, затем слышался шум, разрезающий воздух, и в пяти шагах от меня на снег опустились два черныша. Яркие черные глаза осмотрели сооружение, появившееся на току, но не такое весной время, чтобы быть осторожным. Глуховатые звуки «ку-ур» вырвались у одного, «ку-ур» — повторил другой, а на снежное токовище опускались, как самолеты на аэродром, один за другим черныши. Два токовика, что прилетели раньше всех к шалашу, пригнули к снегу раздувшиеся шеи, распушили хвосты и заходили полукругами один около другого с громким бормотанием, слегка похожим на голубиное воркованье. Вдруг один перестал бормотать, голова его поднялась, он взмахнул крыльями, подскочил кверху и чуфыкнул, опустившись в двух шагах от

¹ Небольшая падь.

другого. Тот тоже стих. «Ку-ур» — вырвалось у одного, «ку-ур» — ответил ему соперник, и они набросились друг на друга, как петухи. Еще строя шалаши, я просил Ивана Нестеровича не стрелять на вечернем току: мне хотелось посмотреть непуганый ток от начала до конца. Карминово-красные брови и белые подхвостья драчунов, сцепившихся друг с другом, мелькали не дальше, чем шагах в пяти от меня. Схватка продолжалась недолго; один из косачей ослабел и, увернувшись от когтей и клюва соперника, отскочил от него и отлетел на противоположный край токовища. Победитель приподнялся, чуфыкнул и, забормотав, опять закружил на снегу. На месте побитого и улетевшего тетерева появился другой. Драки возникали в разных местах токовища. «Как клубок подкатилась к шалашу одна пара, — рассказывал Иван Нестерович, когда мы шли домой. — Я уже руку стал сквозь ветки просовывать, хотел поймать, да один заметил и отскочил, а другой за ним бросился — решил, что его сила взяла».

Быстро проходит весна в зауральской степи, так быстро, что кажется: лето растопило снега. В тот день, когда мы приехали в Иткулово, в степи еще белели большие сугробы снега, а через шесть дней стало так жарко, что днем стали ходить в одних рубашках, а в ауле уже налаживали плуги, готовясь к пашне. На рассвете, когда я подходил к токовавшим белым куропаткам, из степи донесся зовущий голос перепелки «пить пойдем, пить пойдем», а в старой березовой роще на Нигаметовском кладбище закуковала кукушка.

В ГОСТЯХ У АБСАЛЯМА

Второй раз в Зауралье я был летом того же 1929 года, приехав в Иткулово во время отпуска. Абсалям с сыном Денисламом готовились уехать на покос и рассказали мне, что в окрестностях Иткулова хариусов больше всего на ключе Арту, у Кизил-яра. Надо было накопать червей. На мой вопрос «Кайда силяу бар?» (где черви есть) Насибулла начал быстро и много говорить, но я понимал только два слова: «силяу» и «Таулы» — речка, на которой стоит Иткулово. «Мин бельмей» (не понимаю), — с сожалением признался я Насибулле. Он опять начал было говорить, но, догадавшись, что все равно впустую, схватил меня за руку и, как слепого, повел через аул. Малайки

встречались и спрашивали, куда мы идем. Не останавливаясь и не убавляя шагу, Насибулла что-то бросал им наспех в ответ. Он привел меня к берегу Таулы, где у самой реки в низине лежал вывезенный зимой навоз. «Силяу бар, силяу коп бар» (черви есть, много червей), — и палкой стал разрывать навоз.

Арту — горный ручей. На перекатах так мелко, что камни наполовину торчат из воды, но у Кизил-яра оползень подпрудил ручей, и в ямках среди коряг были крупные хариусы, оставшиеся здесь после половодья. Осторожно пробираясь сквозь густую ольхово-черемуховую урему, переплетенную хмелем, заросшую снизу густой крапивой, подошли мы с Насибуллой к тому месту, где на повороте ручья перекат переходил в глубокую ямку, забитую корягами. Не успело грузило дойти до дна, как я почувствовал легкий толчок и подсек большого хариуса, с трудом вытащив его из-под коряг. Хариус был темный, как дно Арту.

В пяти ямках я поймал десятка два хариусов, и Насибулла с трудом тащил их по уреме. «Мин авыр тугыль» (мне не тяжело), — говорил он, когда я пытался взять их у него. Ниже Кизил-яра в ручье не было ямок, и мы пошли домой.

Абсалям убирал сено в вершине Арту, и на другой день Насибулла провел меня к деду.

В южных предгорьях Урала так много солнца и так редки дожди, что трава сохла в рядах; их не разбивали, как у нас на западе. И лопаточки для кос здесь были другие — самодельные, из белой глины и мелкого песка. Перед тем как точить косу, лопаточки спускали в маленький берестяной туес с водой. После полудня Насибулла стал возить копны, а Денислам увязывал их. Абсалям вбил шест в землю и приставил к нему в виде треугольной пирамиды толстые колья («баганы»), для того чтобы внутри стога оставалось воздушное пространство. К вечеру мы с Абсалямом сметали стог, и я остался ночевать на покосе. Лучшее лекарство от усталости — чай. «Чай — дохтур, — убеждал меня Абсалям. — Чаю нет, голова болит, сердце болит. Чай есть — глаза глядят, сердце работает». Мы напились чаю со сливками и свежими лепешками, испеченными в костре Денисламом. Кроме чая, был еще курдак — кусочки соленой, подсушенной, как сухари, баранины.

Темнело... Воздух, скатывавшийся по склону Урал-тау, принес прохладу; от ручья поднимался туман. Над поляной летали степные («болотные») совы; временами они хлопали в воздухе крыльями, и тогда слышались звуки, похожие на «болк-болк». Насибулла заснул у костра, и его уже сонного Абсалям перенес в шалаш и прикрыл чапаном. Мы лежали на кошме у костра, и Абсалям рассказывал, как много было зверя и птиц, когда он был молодым. «Вон на той елани, что за Арту, медведь хотел напасть на кобылицу, а лошади тогда косяками ходили, и в каждом косяке был свой жеребец. Могучий был жеребец у Сулеймана — его знали по Сакмаре от Темясова до Чингизова. Жеребец бросился на медведя, и сколько уж они бились, никто не знает. Только на другой день нашли мертвого израненного жеребца, и был у него полон рот медвежьей шерсти. А недалеко от жеребца лежал и медведь с переломанными ребрами, тоже мертвый... А как снег выпадет, я смолоду волков гонял по порошам. Втроем-вчетвером гоняли; лошади были такие, что редкий волк уходил от нас. В хороший день по пять-шесть волков привозили».

Мы заснули под турчанье козодоев и позванивание ботал, повешенных на шеи спутанных лошадей.

Поляна, которую косил Абсалям, не была еще окружена лесом и соединялась перемышкой со степью. На запад отсюда идут лесные чащи Урал-тау. Сам хребет виден на горизонте почти всюду, как ровная прямая линия; лишь кое-где она искривляется — там, где над выравненной поверхностью хребта возвышаются крупные скалистые нагромождения. Ближе всего к Иткулову та вершина, что башкиры зовут Казыр-елга-баш. Я пошел туда от абсалямова стана, когда немного обсохла трава. Чем выше я поднимался по Арту, тем гуще становилась трава, тем больше было влаги. В густой высокой траве косули протоптали тропинки, похожие на заломы во ржи. Впереди сквозь светлый березовый лес показались серые стволы осин. Зимой в осиннике стояли лоси, и все молодые осинки были сломаны, а вершины и ветви объедены; белые полосы «заедей» виднелись и на крупных деревьях.

Со скалы Казыр-елга-баш, когда смотришь на запад, видны почти одни леса; лишь кое-где среди них выделяются пятна еланей с более светлой зеленью. В дымчатой дали, на северо-западе, над лесными чащами поднимается

закругленная, как каравай, вершина Б. Яман-тау и острая пирамида Иремели. На востоке видно иное. До Сакмары островки лесов перемежаются со степью, а сопки и увалы чередуются с распадками; за Сакмарой расстилается ровная широкая степная полоса, а за нею серой стеной встает Б. Ирендык. Где-то там, у подножья Ирендыка, было оз. Толкас.

— Есть у тебя знакомый в Исянове? — спросил я у Абсаляма, спустившись с Урал-тау (Исяново стоит на берегу Толкас-куля). — Я завтра хочу сходить туда посмотреть степь за Сакмарой, Толкас-куль и Ирендык.

— Зайди к Карагужину; скажи, что Абсалям послал, у него переночуй. Далек только дотуда — верст 25 будет. Бери лучше лошадь и поезжай верхом. Я бы свез тебя на телеге, да косить надо.

— Нет, я пойду. Верхом увидишь мало. Я ведь буду норы и гнезда искать; охотиться буду.

Из Иткулова в Исяново ездят редко, и поэтому густые лучки ковыля росли между колеями. Раздавленный колесами, лежал земляной заяц (большой тушканчик), не успевший ночью свернуть с дороги, а по обочинам ее стояли рядами округленные конусы земли, недавно выброшенной слепушонками.

Солнце быстро поднималось и пекло все сильнее. Неумолчно стрекотавших кобылок было так много, что трава пригибалась, словно подкошенная, когда испуганные и подпрыгнувшие кобылки падали на нее сразу все. Из небольшой сосновой рощицы, расположенной близ дороги, с деревьев слетали чернолобые сорокопуты; трепеща крыльшками, они останавливались в воздухе, высматривали самых крупных кобылок и, схватив их, несли в гнездо.

Пустельги, реявшие в воздухе, тоже приостанавливали полет, высматривали добычу, падали вниз и, поднявшись с кобылками, ели их на лету, постепенно передвигая к клюву добычу, зажатую в когтях.

Дорога пошла под уклон; вскоре заблестела вода на плесе Сакмары. На тиховодье среди широких, словно лакированных листьев плавали крупные белые цветы кувшинки и неподвижно, как палки, стояли щучата. В затененных углублениях крутого глинистого яра сидели степные луни, а на галечной отмели ходили кулики-красноножки, чибисы и веретенники. За отмелью, по песчаным

и галечным наносам тянулась полоска тальника, откуда поднялся выводок белых куропаток.

За Сакмарой до самого Ирендька не было видно ни одного колка леса. Из зарослей чилиги и бобовника, подымавшихся зелеными островками среди ковылей, доносился звонкий свист степной сенокоски — «чив-чив-чив».

Отыскивая ее тропки, я наткнулся на широкие короткие дорожки, отходившие по разным направлениям от небольшой утопанной площадки. В конце одной дорожки, под густой чилигой, лежал соенок, испуганно вращавший большими глазами и щелкавший клювом; скоро я нашел и остальных совят. Стремясь укрыться от знойного солнца, они уходили в тень от сборной площадки, где раньше было их гнездо и куда теперь родители приносили им вечером и ночью добычу.

К опушке чилиговой заросли примыкал участок степи, румянившийся от множества душистой клубники. Собирая ее, я наткнулся на выводок тетеревят, тоже кормившихся клубникой. Отлетев, они попрятались в чилижнике и вишеннике. У вершины увала, куда вышла дорога, ковыли, степные кустарники и разнотравье сменились типчаком, степным мятликом, пустынным овсецом и тимьяном. Растения не смыкались вместе — между ними виднелись плешины мелкого щебня.

За увалом блеснуло на солнце маленькое озерцо, а через несколько минут на меня стремительно налетели кречетки; изламываясь в воздухе, они подлетали так близко, что лицо ощущало веяние воздуха, вызванное резкими взмахами крыльев. Птицы провожали меня почти до озерца, а возле него, на смену кречеткам, поднялись чибисы и веретенники. «Пии-и, пии-и» — надрывались чибисы; «казгатау, казгатау» — низко носясь над землей, кричали веретенники.

На самом озерце плавали плавунчики, похожие на маленьких игрушечных чирят, а у берега бродили по воде кулики-красноножки. Степной зной пригнал их к воде.

В д. Исяново я пришел к вечеру. Старик Карагужин только вернулся с озера, где он ловил на дорожку щук и окуней. Я сказал, что пришел к нему от Абсаляма. Жена Карагужина поставила самовар и стала жарить рыбу и печь лепешки.

Рано утром я ушел на озеро. Как хороши июльские дымчатые рани! Над Толкас-кулем двигался целый игру-

шечный лес из тумана; проплыли зонтики елочек, стройные сосенки. Проплывали и таяли на глазах, и вновь возникали и плыли другие. Низко, над самой водой, отлетели от берега чернозобые гагары, отдохавшие здесь ночью. Звонко посвистывали проворные зуйки, перебегая по гальке. «Перевези-перевези» — кричали кулики-перевозчики, пролетая над водой у берега. Не торопясь, мерно взмахивая крыльями и временами припадая грудью к воде, пролетали речные чайки.

Как огромное блюдо, лежит Толкас-куль у подножья Ирендыка. Высокий вал из гальки тянется вдоль его южного берега; илистой отмелью отграничено от степи озеро с северной стороны. С запада к озеру примыкает степь, летом сплошь занесенная пылью, поднимающейся с большой дороги. На востоке крутые склоны Ирендыка почти вплотную подходят к узкой береговой каемке из мелкого березника и олешника, за которой тянется неширокая тростниковая заросль.

Назад в Иткулово я шел напрямиком через степь, душистую от клубники и цветов. В одной из ложбинок стояли две молодые березки; с одной из них слетела пустельга и с криком стала носиться надо мной, пытаюсь отвести от гнезда. Мне хотелось посмотреть, большие ли птенцы, и я стал подходить к березке. На ней было не только гнездо пустельги, но и гнездо чернолобого сорокопута. В степи деревья редки, и птицы иногда устраивают гнезда в несколько этажей одно над другим. По пути зашел я и в ту сосновую рощу, где сорокопутьи накануне ловили кобылок. На каждой сосне были гнезда — где одно, где два: и сорокопутов, и дроздов-рябинников, а на одном дереве чернело большое гнездо сокола-балобана.

Абсалям убрал покос и стал следить за моим кумысным лечением. Он был доволен, что я теперь выпивал сразу большую деревянную чашку кумыса, но убеждал меня меньше ходить. «Кумыс пить — лежать хорошо, а ты, как шайтан, везде ходишь». Но Насибулла не соглашался с дедом и водил меня по всем ключам, где были хариусы.

Мой отпуск подходил к концу. Надо было уезжать от Абсаляма. «Ты долго в Москве не живи, ты к нам в Иткул приезжай», — говорил Насибулла. «Приезжай, не забывай нас, — говорил и Абсалям. — А если меня уже не будет, приди на кладбище, Насибулла покажет, где я буду ле-

жать». — «Не надо так думать, — убеждал я старого друга. — Я к тебе не раз еще хочу приехать. Кто меня будет поить таким хорошим кумысом? Самый ведь вкусный кумыс тот, которым угощает друг». — «Нет, мне мало осталось жить: кровь плохо гуляет во мне. Еще б хоть одно лето на солнышко посмотреть и на Урал!» Насибулле жалко деда, но в его годы не думают о смерти. «А когда приедешь, на Кизил-Яр пойдём хариусов ловить?» — спросил он меня. «Пойдём». — «И на Мятим-тамак?» — «И на Мятим-тамак». — «И на Арту?» — «На Арту, на Савалаир, на Таулы — всюду пойдём».

Насибулла задумывается. Я вижу — он вспоминает, куда бы еще он мог пойти со мной, и вдруг... торопясь, чтобы не забыть: «На Баимовском кладбище есть гнездо карагужа. Достань мне маленького орленка — я выкормлю его, и он будет ловить мне лисиц и зайцев». — «Карагуж — трус, — говорю я ему. — Трус и обжора. Лисицы он боится, а зайцев ловит только маленьких и больных. Для лисиц и зайцев нужен беркут, но ты такой маленький, а беркут такой большой, что он поймает и унесет тебя вместо зайца. Тебе надо достать аласына, чтобы он бил тебе уток и тетеревов» — «А где живет аласын?» — «На Ак Идыль¹, на утесах». — «Сегодня оттуда, с Ак Идыль, приехал Мажит, — сказал слушавший наш разговор Абсалям. — Он хорошо играет на курае² и придет в гости к нам».

Мажит пришел под вечер, когда уже сели чернецы по углам. «Сыграй Сергею наши старые песни, чтобы он не забыл Башкурдстана и старого Абсаляма», — сказал ему после ужина Абсалям.

Курай пел об Урал-тау, о Салавате Юлаеве. В одной из песен отразилось то время, когда одним из главных занятий башкир было звероловство, и северные олени были нередки в горах Южного Урала³.

¹ Башкирское название р. Белой.

² Башкирский музыкальный инструмент. Особый вид дудки. Башкиры делают ее из зонтичного растения (*Pleurospergum igalense*).

³ «К звероловству весьма склонны», — сообщал о башкирах И. Лепехин. (Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 2, 1772, стр. 4). Он же писал: «Но есть ли попадется им большой зверь, как, например, олень, лось, которые в горах нередки, то... гоняют иногда целую неделю за одним оленем» (стр. 5).

«Надо сделать что-нибудь большое и славное, чтоб гордилась мною Зейнаб», — думает Ашкадар¹, как всякий влюбленный. Поскрипывают лыжи на слежавшемся, уплотненном снегу; быстро бежит Ашкадар на ночевку в охотничью землянку, к шувалу. «Посмотри под ноги себе, Ашкадар, — на чьи следы ступят сейчас твои лыжи», — словно кто подтолкнул охотника. Видит следы он, слегка похожие на лосиные, но не совсем такие. Смотрит внимательно и узнает: это следы оленя, что иногда заходит в наш урман из далекого холодного края. Пять дней ходил по его следам Ашкадар, примечал, где ходит и отдыхает олень. И на пятый день к вечеру, завернув за скалу, увидел: с лежки взметнулся олень с такими же рогами, как у северных, но весь белый, словно лебедь, поднявшийся с озера. Не возвратился в эту ночь к шувалу охотник, свалил сухую сосну и ночевал у костра.

И рано утром, как только стало можно различать следы, погнался за оленем. Гибок и силен Ашкадар, упруги и ходки лыжи. Только ночью отдыхают олень и охотник, но мартовское солнце погубит оленя: все крепче становится настовая корка на снегу. И на третий день погони закрылся наст от обрезанных ног. Догнать бы до вечера, не дать отдохнуть оленю за ночь... Вечереет. К Белой реке, к скалам бежит олень, почти все время на виду у Ашкадара. Кровянится след. Тяжело скачет белый олень, и все ближе к нему Ашкадар. Или завтра принесет он Зейнаб белую шкуру и ветвистые рога оленя, или не принесет никогда: ветер переменился и несет с юга тепло и весну; в оттепель тяжело идут лыжи, и уйдет олень от охотника. Все чаще останавливается белый олень, на миг закидывая голову и со смертной тоской глядя на охотника, но помутневшие от страсти глаза Ашкадара не видят муки оленя.

Последние скачки... и сейчас остановится белый олень, и острым ножом прирежет его Ашкадар. Но что это? Словно белая огромная птица над снегом, летит олень и, не в силах сдержаться, — обманул вечер или уставшие от погони глаза, — в пропасть за ним падает и Ашкадар. Рядом легли олень и охотник, не видя друг друга, не видя больше ничего...

О последнем восстании Башкурдстана запел курай, об

¹ Есть и другие варианты этой песни.

одном из сподвижников Салавата — смельчаке Истамбуле. Мажит сказал, что это новая песня; может быть, он сочинил ее сам.

В Бурзянскую глухую волость, схоронившуюся в горах и ущельях между Нугушем и Белой, съехались вожаки Ногайской дороги¹ услышать, что скажет Хлопуша. «На Яике поднялся народ, чтобы добыть себе волю и вольную землю и отмстить своим злодеям. Помогите нам в войне против дворян. Наша воля вашей воле сестра». — «Иди к своим и скажи: башкирский народ вместе с вами», — отвечает Истамбул, сын повстанца, спасшегося от страшных казней, чинившихся князем Урусовым.

Уже не слышно ни топота, ни шума. Далеко от аула отряд всадников. Никто не сказал, что не вернется назад, но никто не дождался ушедших на смерть. Ни за что человек не страдал так много, ни за что не платил так дорого, как за волю, и потому цена ее всегда равна цене жизни...

Мутные волны Яика швыряют трупы казаков. В снегах под Татищевой², занесенные последними мартовскими бурями, оплаканные воплями метелей, лежали они до половодья.

На уральских заводских дорогах — еще недавно Хлопуша и Яков Антипов слали по ним пушки в свою армию — разбросаны казенные крепостные...

На казнь в Оренбург везут Истамбула. Без стога, без слов переносит он побои и издевательства и отказывается от еды. «Чисто каменный», — удивляются конвойные.

В Сакмарском городке последняя ночевка перед Оренбургом. В окно видна река, черная у крутояра, залитая лунным светом на широком плесе. Как сакмарская вода, протекла жизнь: быстрее, чем на перекате, промелькнуло светлое, радостное детство, в черный омут страданья и горя стекали последние годы и дни. Год назад в отряд Истамбула прискакал гонец: не выдержало тоски сердце матери и разорвалось. Через полгода Истамбул склонился к побелевшему от холода смерти лицу брата, убитого под Оренбургом.

¹ Башкирия в то время разделялась на четыре дороги — Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую.

² Под Татищевой повстанческая армия понесла первое поражение.

Серееет в окне рассвет. Еще немного, и зазеленеют листья на деревьях, зазвенят косы на сакмарских лугах.

Словно холодное железо коснулось сердца — Истамбул впервые узнал эту боль, когда опускали в землю брата, но на этот раз боль не отходит; все туже и туже, как в капкане, сжимается и леденеет сердце. В последний раз мелькнула зеленая ветка черемухи, закрывавшая верхний угол окна...

«Вот беда-то, не довезли ведь живого», — горевал начальник конвоя. В Оренбурге у мертвого Истамбула отрубили голову и посадили на кол у большой дороги...

Мажит перестал играть, и мы разговорились о Салавате, о том, как его возили по Уралу и били кнутом, о смерти на Рогервикской каторге, вдали от родной земли. «А теперь каждый малайка в букваре читает о Салавате», — сказал Мажит.

«Нынче летом, — продолжал он, — приезжали к нам, в Бурзян, ученые из Уфы. Говорили, что в Москву поедут лучшие наши музыканты, на курае будут играть в самом большом московском театре. Переменилось время. Раньше редко-редко какой башкир в институте учился. Теперь из одной нашей деревни двое в Уфе учатся: моя дочка доктором хочет быть, соседа сын на агронома учится».

«А ты кем хочешь быть?» — спросил я у Насибуллы; он тоже сидел с нами, не спал. «Я хочу, как ты, кош ловить и юмуран¹».

До полуночи играл на курае Мажит, а утром Абсалям повез меня из Иткулова в Кананикольск. К селу мы подъехали вечером. Лошади тихо подымались по кананикольскому косогору над прудом. Абсалям обернулся и посмотрел на меня... «Вот теперь ты хорош, Серге. Кровь у тебя хорошо гуляет. Совсем другой стал. Зимой какой был: прямо думал — помираешь ты. Ты никуда не езд, Серге. В Башкурдстане живи».

А утром на следующий день я простился с Абсалямом, выехав с ним за Кананикольск на иткуловскую дорогу. «Хош², Абсалям». — «Хош, Серге. Может не увижусь я с тобой, — опять как в Иткулове говорил Абсалям, — здоровье нехорошо стало». Абсалям сел на телегу, тронул лошадей. Они затрусили по берегу Каны, стали подыматься

¹ Птиц и сусликов.

² Прощай.

по столбовой дороге, и на повороте в лес в последний раз обернулся старый мой друг.

Это прощанье надолго сохранилось у меня в памяти. Зимой в Москве я получил от Денислама письмо, в котором он писал, что Абсалям ушел ставить капканы на Урал-тау и там у него сломалась лыжа. Чуть не всю ночь пробивался до дороги Абсалям по глубокому снегу и после этого захворал, проболел две недели и умер.

СНОВА В ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ЛЕСАХ

В 1939 году я покинул Ленинград и возвратился опять в тот край, куда звал меня вернуться старый Абсалям. Прошло больше 10 лет с тех пор, как я в первый раз был на Южном Урале. Как он изменился за эти годы! Там выросли новые города и заводы. Маленький березовый колок, стоявший у Магнитной горы, очутился внутри города и от него осталось одно лишь название «Березки». Там, где были типчаковые и ковыльные степи, затарахтели тракторы, загудели комбайны. Среди горных лесов появились новые рудники и разросся Белорецкий завод. Я ехал опять в горные боры, в Башкирский заповедник, находившийся километрах в ста к северу от Кананикольска.

Ближайшая от заповедника железнодорожная станция — Магнитогорск. Сюда и приехал за мной старый наблюдатель заповедника Шейхислам Багаутдинов — «Багауч», как его звали в заповеднике. Когда-то я подъезжал к горнолесному Уралу с юга, из приуральских степей, а теперь я ехал туда из тех же степей, но с востока. За Старой Магниткой, то есть за бывшей Магнитной станцией, дорога шла по высокой ровной степи, теперь распашанной и превращенной в сплошное огромное поле. Дальше к западу поднялись каменистые бугры и гряды с мелкими колками березника и осинника по вершинам оврагов. За ними стоял длинный увал, издали похожий на край взволнованного моря: седловины и разделявшие их холмы, расположенные на одном уровне, были похожи на вершины волн и на широкие впадины между ними. Этот увал башкиры называют Кур-Ятмас. «Тетерька не лежит» (тетерева не живут), — так перевел мне Багауч это название на русский язык.

За Кур-Ятмасом на горизонте встала серой стеной громада Кыркты-тау, что в переводе с башкирского означает

«Обрубленный хребет»: так круто обрывается он перед долиной р. Б. Кизил, отделяющей его на юге от хребта Б. Ирендык. На этом хребте скалы и каменные глыбы темнели среди каменистых степей, а по склонам каменистых оврагов, обращенным на север, зеленели колки березника и осинника; кое-где виднелись куртины сосны и лиственницы.

К вечеру мы успели доехать до подножья хребта Урал-тау и остановились ночевать у речки Казмаш. Ночью густой туман заполнил ее пойму; лошади паслись недалеко от костра, но их не было видно и только слышалось, как позвякивали ботала. «Болк-болк» — хлопали в воздухе крылья сов, летавших над лугом; неумолчно скрипели коростели.

К утру мелкие капельки росы холодной пленкой покрыли одеяло и расстеленную по земле палатку, на которой мы спали. На паутинках, протянутых по высоким травам, были нанизаны, как бусы, мельчайшие капельки росы.

От р. Казмаш начался подъем на Урал-тау. Вершина этого хребта была совершенно не похожа на каменистый гребень Кыркты-тау. Подымались-подымались, а выехали на выравненную поверхность, такую же ровную, как на Южноуральской почти-равнине у Кананикольска или у Зилаира. Ширина плосковерхой водораздельной поверхности Урал-тау в этом месте была около 3 километров. Дорога, пересекая Урал-тау, шла или среди чистых березников с густой травой и розовыми завитушками саранки, или среди смешанного леса, где между березами стояли толстые невысокие сосны с могучей раскидистой кроной и частыми сучьями, начинавшимися на высоте роста человека. В стороне от дороги были видны большие поляны — елани¹. Спуск с Урал-тау на запад более короток и полог, чем подъем на него с восточной стороны. У подножья хребта дорога подошла к истоку р. Б. Яман-елги², впадающей в Южный Узян (приток р. Белой). Вдоль речки тянулась узкая полоса березово-ольховой уремы, окаймленной с обеих сторон сырыми буйнотравными лугами, где выше всех трав подымались зонтики дудника и володушки и метелки вейника.

¹ Слово «елань», повидимому, вошло на Урале в русский язык от башкир, у которых «ялан» означает как поляну в лесу, так и степь.

² Дурная река.

Дорога по склонам к Яман-елге шла до самого ее устья; местами она проложена по еланям с гатями и мостами на топких мочажинах; местами дорога значительно отходила от реки и шла через сосново-березовый лес, срезая излучины. Там, где Б. Яман-елга впадает в Ю. Узьян, расположена д. Кулганино. Эта деревня лежит у восточной границы Башкирского заповедника и на восточной границе Бурзянского района. «Волость Бурзенская по Белой реке, и по Икам, и по другим речкам; горы и леса, поля небольшие; тележного пути за горами нет» — так описывалась старая Бурзянская волость в «реестре башкирских волостей», составленном в 1731 году в Уфимской провинциальной канцелярии.

В архиве Башкирского заповедника видел я фотографию: с группой сотрудников, у двух подвод, стоит академик А. Е. Ферсман. Он и другие геохимики исследовали горный массив Южного Крака, находящийся в Бурзянском районе. А в другом (западном) конце этого района почти в то же время вели исследования ботаники, изучали дикую башкирскую пчелу энтомологи, записывали старые башкирские песни и сказки этнографы и языковеды.

По предложению А. Е. Ферсмана и С. А. Северцова (внука знаменитого зоолога и путешественника Н. А. Северцова) и был учрежден в Бурзянском районе Башкирский заповедник.

Шумят в перемены ученики в десятилетней башкирской школе, построенной в д. Субхангулове. Растет первый сад, и смотрят бурзянцы, как расцветают невиданные ими раньше яблони — «алма». Неподалеку от другой деревни заложено опытное сельскохозяйственное поле. Изменился старый Бурзян.

Верховье р. Ю. Узьян отграничивает Урал-тау от Ю. Крака. Подъезжая к д. Кулганиной с востока, видишь прежде всего серовато-зеленые, почти голые холмы, у подножья которых протянулась деревня. Скучная растительность этих холмов была выбита скотом и обнажились перидотит, зеленоватый змеевик и другие породы, из которых сложен Ю. Крака. Этот горный массив не похож ни на Урал-тау, ни на хребты, расположенные к западу от него, за р. Белой. В Крака речки и крупные балки отходят не от одной водораздельной линии, а по всем направлениям, как бы по радиусам. От каждой крупной стержневой балки отходит несколько отвершков. В каждом из них есть

также свои стержневой лог и свои отвершки. Склоны южной и северной экспозиции, так же как и на Шайтан-тау, резко разнородны по растительности: северные — сплошной лес, на южных — горностепные растения, но, в противоположность Шайтан-тау, участки горностепной растительности покрывают южные склоны не сплошь, а лишь самые припечные места.

Первые дни по приезде в заповедник я провел в логах и хребтах, отходящих от р. Саргаи. Была середина июня. В устьевом участке этой речки воды оставалось уже мало; она шла под камнями и галькой. На Саргае, как и на большинстве других речек и ручьев, текущих в Крака, нет черемухово-ольховой уремы; ее пойма покрыта сосняком и березником, и лишь кое-где сосново-березовая лента разрывается, уступая место жестколистному вейнику или молодым галечным наносам, только начавшим зарастать тимьяном, ясколкой и другими растениями, растущими на каменистых участках.

Чем выше я шел по Саргае, тем теснее становился лог, по которому она текла.

На северном склоне под сосновым лесом еще белели цветы брусники. На южной окраине уральской боровой полосы — у Зилаира, у Крепостного — я не видел брусники совсем; у Кананикольска она очень редка — там, по видимому, проходит южная граница ее распространения на Урале; на Ю. Крака она растет во многих местах, но боров-брусничников немного и здесь. Черника попадалась гораздо чаще: она уже отцвела и была видна зеленая завязь. Но больше всего было таких участков, где под смешанным сосново-березово-лиственничным лесом росла густая трава с господством двух злаков — узколистного вейника и коротконожки. Местные жители называют коротконожку «широкоперкой» за ее широкие мягкие листья. На более влажных и ровных участках нижний ярус леса был покрыт почти сплошь снытью, лопушистыми надрезными листьями северного аконита и скердой; ее желтые цветы то тут, то там были объедены косулями.

Из березового «сломка» донеслось циканье молодых дятлов; оно не было похоже на назойливый писк больших пестрых дятлов, и я подошел посмотреть, чье здесь было гнездо. Желтое темя подлетевших к гнезду взрослых дятлов сразу указало, что это были таежные трехпалые дятлы. Эти птицы свойственны еловым лесам и редко где

гнездятся за пределами ельников; одним из таких мест был Башкирский заповедник — самое южное местонахождение трехпалых дятлов на Урале. Одного из птенцов я взял в коллекцию и, вскрывая желудок, нашел в нем большой белый камушек. Такой же камушек оказался и у второго птенца, который жил у меня в неволе, но потом заболел и умер. Камушки были, несомненно, принесены родителями и даны птенцам.

В 1920—1921 годах большие пожары прошли по всему Крака. На северных, более влажных склонах лес оправился быстрее, чем на южных, где еще не успели сгнить поваленные ветром сосны и лиственницы, засохшие после пожара. На мелкой почве, прокаленной огнем, быстро иссушаемой весной и летом, лес возобновлялся плохо; даже травы и цветов было мало, и только медные шлемы кукушкина льна смыкались в плотные густые колонны. Но верхние части южных склонов искони были безлесными и походили на огромный цветник. Как горный далекий туман, синели горные астры, рядом с ними розовели полянки приземистых сибирских васильков, протянувших по земле пушистые сизые листья; каменные гребни были покрыты темнозелеными подушками горной гвоздики с множеством белых цветов, таких душистых, что их запах растекался по склону на десятки шагов; среди типчака и степного мятлика, нитевидные листья которых были собраны в плотные пучки, покачивались на ветерке бронзовые метелки овсеца Шелла и серебрились пушистые нити ковыля, словно паутинки, соединенные в пряди. На южных склонах виднелись также и заросли кустарников — чилиги, степной вишни, таволги, раkitника; не было только бобовника: граница его распространения проходит значительно южнее.

Но степных зверьков и птиц почти не было в этих горностепных островках Ю. Крака, окруженных со всех сторон сплошными лесами; не было видно земляных холмиков слепушонок; только один раз за семь лет заметил я сеноставку, но и сейчас не могу понять, как могла она очутиться здесь одна.

Наблюдения над жизнью и размещением животных в самом заповеднике и в прилегающих к нему других природных районах горных боров чередовались с выездами на Урал-тау и его лесостепной восточный склон, а также в прибельские широколиственные леса.

ЗНАКОМСТВО С МУХИТДИНОМ

До приезда в заповедник я провел три весны и одно лето на южной окраине уральской дубравной лесостепи, в районе Шайтан-тау. Там в 1934 году я впервые познакомился с Мухитдином — башкирским мальчиком, оставшимся круглым сиротой и жившим у родственников в д. Сакмагуше, где я останавливался в эти годы. Он окончил начальную школу и помогал мне ставить ловушки на зверьков, раскапывать норки слепушонок, отыскивать дорожки сеноставок и гнезда птиц. Через четыре года я опять приехал в Сакмагуш и пробыл там с ранней весны до конца лета. Мухитдин уже работал в колхозе, пас овец, но я часто встречался с ним и рассказывал ему, как живут степные зверьки. Ни осенью, ни зимой я не мог поехать на Шайтан-тау, но там оставался Мухитдин, обещавший мне наблюдать за сеноставками, жизнь которых меня очень интересовала.

В сентябре пришло первое письмо: «Саркильдак¹ начал ставить стог 15 августа. В стогу есть разный трава; какая трава — я пошлю тебе... Отгрызают ветку у бобовника, кладут на дорожке сушить. Как высохнет, так таскают на стог. У каждого стога живут две саркильдак...» В конце письма была приписка: «Пишу, что со мной случилось. Я пошел шамбы² ловить и овец потерял. Два дня искал. Третий день нашел на Белекей-зилге. Теперь боюсь отходить от овец шамбы ловить».

Не раз после этого жаловался Мухитдин на овец и телят. «Я сейчас овец и телят пасем, их нельзя бросать: люди ругают. Если бы я телят не пас, я все знал о саркильдак». В письме, написанном в середине ноября, описывалось, как начали зимнюю жизнь сеноставки. «Я кончал пасти овец и телят 12 ноября, теперь каждый день буду ходить саркильдак смотреть. Тут снег начинал 11 ноября. В Ленинграде есть снег или нет?.. Саркильдак — они хорошо живут; они под снегом ходят — дорожка есть. Саркильдак начинал есть из стогов, два листочка возьмут и пойдут в нору, в норке ашает³. Они друг дружке пойдут. Саркильдак молодой — он сейчас стал большой». В конце

¹ Башкирское название сеноставки.

² Налим,

³ Ест.

письма Мухитдин просил прислать пороху и пистонов и, спрашивая, «как живет ленинградский народ?», писал: «сакмагушинский народ нынче живет хорошо: моя за овец и телят получил от колхоз 27 пудов... Сейчас мне свободно: куда хочу, туда и пойду; хочу смотреть саркильдак, — пойду смотреть; хочу кататься, — пойду кататься. Хожу урман: пять зайцев поймал капканом. Хуир¹ не видать».

Шла зима; забушевали на Шайтане бураны. «Был буран; никак не ходишь по улице. Сем дён капканам не ходил; восьмой день искал и не нашел».

Мухитдин часто писал письма и просил о том же меня. «Пиши письма чаще, а то моя сердца не терпит; если от тебя письма получаю, то будет хорошо. Все малайки сказали тебе поклон. Хош бул, исян бул»².

Приехав в заповедник, я послал письмо Мухитдину и сообщил ему свой новый адрес. В ответном письме Мухитдин написал, что дядя его умер и что он хочет куда-нибудь уехать из Сакмагуша. В конце письма он добавил: «Я писал в Ленинград, письмо назад пришло. Там написано было: «Сергей уехал из Ленинграда, на Урал пошел».

В тот же день я рассказал директору заповедника о Мухитдине и просил принять его на работу в заповедник. «Он быстро научится препарировать и будет помогать мне на полевых работах». Директор согласился, и я написал Мухитдину письмо о том, что он может приехать в заповедник и здесь работать.

Ответ пришел скоро: «Хочу ехать к тебе. Напиши, туда ходить пешком можно или нет. Или на поезде ходить надо в Башкирский заповедник?» Послав ему денег на дорогу, я подробно написал, как надо ехать по железной дороге до Магнитогорска и как добраться оттуда в заповедник.

Через несколько дней после отсылки письма Мухитдину я уехал вместе с Филиппом Леоновичем Сальниковым (наблюдателем заповедника) и препаратором на Уралтау, наказав, чтобы Мухитдина поместили в моей квартире, если он приедет до нашего возвращения.

Спускаясь с последнего увала перед д. Кулганино, мы увидели шедшего нам навстречу паренька в зеленой ру-

¹ Башкирское название глухаря.

² Прощай и будь здоров.

башке, с маленьким узелком на палке за плечами. Это был Мухитдин.

— А вещи твои где? — спросил Филипп Леонович.

— Вот, — показал Мухитдин на узелок.

ОСЕНЬЮ НА УРАЛ-ТАУ

Я подумал, как быть — возвращаться назад в заповедник или взять Мухитдина с собой. «Садись, поедем. Поживи сначала на Урал-тау. Заодно увидишь, где Сакмара начинается» (его родная деревня была расположена в среднем течении этой реки). Я ехал туда наблюдать осеннюю жизнь глухарей и охотиться на них. На южной окраине хребта Урал-тау господствуют березовые и смешанные березово-осиновые леса. Лиственница здесь очень редка; отдельные деревья или небольшие куртины ее растут далеко друг от друга — где на полкилометра или километр, а где и больше того. Два дня подряд были сильные утренники (2,5—4° мороза) и в светлой зелени лиственниц показались желтые ветви. Никла и прилежала к земле трава. Слабый родничок, из которого начинается Сакмара, был засыпан листьями ольхи и черемухи; упавшие ветви и сучки перегораживали русло истока, еле пробивавшегося среди узкой, но густой полоски уремы. Мы расчистили родник и ручей, поставили палатку, накосили высокого пожелтевшего вейника на постели, а потом ушли делать шалаши, чтобы охотиться на глухарей. Осенью, после заморозков, глухари кормятся главным образом хвоей лиственницы и прилетают почти каждое утро и каждый вечер на редкие деревья, раскиданные по Урал-тау.

Две старые лиственницы стояли в километре от нашей палатки, вниз по Сакмаре, среди березово-осинового леса. Туда пошел препаратор. У самой дороги, шагах в 300 от палатки, стояли еще две лиственницы — там я оставил Мухитдина, показав ему, где и как поставить шалаш. Сам я ушел на водораздельную вершину Урал-тау, где на окраине небольшой поляны стояли три огромные лиственницы, почему и само урочище называлось «Юсь карагас» (Три лиственницы).

Глухарей долго не было. За то время, пока я сидел в шалаше, солнце уже ушло с полянки и золотило лишь макушки берез. За полянкой пересвистывались рябчики, и, когда я стал отвечать, маня на голос самца, один из них

подлетел к шалашу; настороженно переступив несколько шагов по березовому сучку, он остановился и пропел: «тии-тии-ти-ти». Подождав немного, он пропел еще раз, а затем вспорхнул и отлетел туда, где посвистывала рябушка.

Попискивая, прошмыгнули в траве у самого шалаша землеройки; покачнулась ветка рябины от присевших на нее дроздов. А глухарей все не было. Они прилетели незадолго до захода солнца и сели все трое так, что их совсем скрывали сучья и ствол лиственницы, и я не мог стрелять. Слышался шорох отрываемой хвои, медленно сыпались сверху чешуйки и отдельные хвоинки, а самих глухарей не было видно. Но вот один глухарь перепорхнул и уселся на другой сук; сквозь зелень хвои показался его бок с белой отметинкой у сгиба крыла. Верная цель!.. Глухарь упал. После выстрела два других глухаря улетели, и я пошел на стан. Мухитдин еще сидел в шалаше и вылез оттуда с глухаркой в руках. «Быть тебе охотником», — подумал я, глядя на его радостное лицо и слушая рассказ, как он боялся повернуться в шалаше, увидев прилетевшую глухарку. Это был его первый выстрел по глухарям.

На следующий день мы прошли по Урал-тау от истока Сакмары к истоку Б. Яман-елги, чья вода стекала уже в Белую, а не в Сакмару. Осторожно, стараясь как можно меньше шуметь, шли мы с Мухитдином по старой заброшенной дороге, каких много на Урал-тау (они остались от того времени, когда на еланях Урал-тау кочевали башкиры). Местами сквозь светлый, залитый солнцем и пожелтевший березник проглядывали окрашенные в тусклый багрянец рябины. Тяжело отрываясь от земли, поднялся с дороги глухарь; пройдя немного дальше, спугнули второго. «Почему глухари выходят на дороги?», — спросил Мухитдин. «За камушками, — ответил я ему, показывая на кварцитовые зерна, белевшие, как рис, на каменистых местах. — Запасают их на зиму, камушки останутся в желудке, чтобы легче в нем перетиралась сосновая хвоя. Глухари ведь зимой только и будут есть, что ее да лиственные почки».

В прозрачном воздухе безветренного, свежего и светлого осеннего дня далеко были слышны все звуки — и стук желны, долбившей осину, и «рявканье» козла¹, и посви-

¹ Самец косули.

стывание рябчика: По звукам козлиного рева можно было догадаться, что он идет по направлению к нам, и мы засели за густой куртиной рябины. Прошло минут двадцать, пока мы увидели крупного, уже одевшегося в серую зимнюю шерсть козла. Он шел медленно, время от времени опускал голову и обнюхивал землю. Нас он не заметил и прошел мимо шагах в сорока. «Зачем не стрелял?», — спросил Мухитдин. «На них охота запрещена. Разрешение можно было взять, но их мне жалко стрелять. И их, и лосей жалко. Красивые звери, и мало их очень стало», — пояснил я ему.

В густой уреме по истоку Яман-елги чернели гроздья черемухи. Много ягод уже осыпалось и лежало на земле. Юркали в траве рыжие лесные полевки, один за другим взлетали рябчики; с громким шумом поднялся глухарь, задевая крыльями за ветви деревьев. Всех их приманила сюда черемуха. «Пора уж и назад, — сказал я, посмотрев на часы. — Пока вернемся да пообедаем, — пора уж и под лиственницы, глухарей стеречь».

ЗАЗИМКИ И ЗИМА В ЮЖНОМ КРАКА

Зазимки начались рано. В ночь под 13 сентября побелели от снега вершины Крака; мелкий сухой снег прикрыл замерзшую колоть на дорогах. Вслед за этим, оправдывая башкирскую и казахскую примету «турна¹ боится морозу», с курлыканьем потянулись на юг журавли, покидая уральские елани.

В конце сентября и начале октября снег выпадал несколько раз, но, пролежав сутки или двое, стаивал. В первые октябрьские дни, суетливо крича и сбившись в огромные стаи, пролетели галки и грачи. 8 октября на сухих каменистых лугах по Саргае появились тундровые рогатые жаворонки. Через несколько дней после этого в кронах берез послышалось тихое щебетанье чечеток, выбравших семена из сережек, а над лесом и полянами закружились канюки-зимняки. Прошло еще два дня, и появились пуночки; чаще всего их можно было увидеть на пустырях у башкирских деревень и по луговым дорогам.

В один из последних дней октября на рассвете пошел мелкий снежок; не переставая, как мука на мельнице, он

¹ Башкирское название журавля.

сыпался весь день и половину ночи. Утром печатная пороша звала смотреть звериные нарыски. Недалеко от усадьбы я наткнулся на свежие волчьи следы. Волки прошли целой семьей. На берегу Узяна они катались по снегу, вытирали старую шерсть. Волчица сидела на кочке и отбрасывала мордой наскაკивавших на нее разыгравшихся волчат. Затем волки перешли по старым кладям речку, поднялись в гору, срезали лесную луку Узяна и вышли на поляну, где в этом году сеяли овес. Мышкуя и разрывая полевочки норки, они рассыпались по полю. Оттуда следы потянулись к лесу.

Окладывать волков в светлых горных борах очень трудно: звери ложатся на вершинах увалов и спят очень чутко; в разреженных сосново-березовых лесах они видят далеко вокруг и, заметив человека, уходят из круга. Но на этот раз волки легли в густом молодом сосняке за Узяном, и их удалось обложить.

Короток октябрьский день, и пока я сходил в заповедник, пока пришли оттуда и затянули флажками круг, солнце уже стало заходить. В дальнем, противоположном от линии стрелков углу оклада послышался легкий стук обухом топора по сушине. Филипп Леонович стронул с лежки волков. Через несколько минут широкая лобастая голова высунулась из сосенок; в упор перед глазами старой изжелта-серой волчицы раскачивались яркочерные флажки, четко выделявшиеся по краю лога. Волчица повернулась и пошла вдоль линии флажков на соседний от меня номер¹. Пробитая картечью, она рванула зубами окровавленную шерсть, припала было на колени, но тотчас же вскочила и на махах пересекла лог. Послышалось еще несколько выстрелов по другим волкам. Облава закончилась; мы пошли по следам раненой волчицы и нашли ее мертвой; она лежала, повернувшись мордой в пяту; тонкий мутноватый ледок уже прикрыл ее глаза.

В конце октября установилась ясная погода с большими ночными морозами. Шла шуга², на камнях под водой нарастал подводный лед, застывали крепкие забереги, а днем искрились на солнце разузоренные густым инеем березы. Мороз крепчал день ото дня. Лед сковал плесы, стали замерзать перекааты и исчезал подпруживавший их

¹ На облаве стрелки становятся по жребью: кому какой достанется номер.

² Шуга — ледяное сало, идущее по реке перед ледоставом.

подводный лед. Вода на реке спадала, но припаянный к берегам лед еще не обломился, и плесы были похожи на огромные ледяные блюда с покатыми краями. Потом ледяные припай стали обрушиваться и в подсухах (пустотах между берегом и приподнятым над ним и еще не обрушившимся льдом) открылись тропки норок с недоеденными и брошенными налимами.

Оляпки покидали мелкие ручьи и переселялись на незамерзающие перекааты Саргаи, Узяна и Каги. Нырнув в студеную стрежу и поймав на дне личинку ручейника, они подымались на поверхность, как пуховые поплавки. Потом отдыхали, усевшись на крупных, торчавших из воды камнях и распевая песенки, как весной.

Светлые и тихие морозные дни простояли до половины ноября. Потом скрылось солнце, серые низкие тучи сплошь закрыли небо, касаясь вершин Крака; полдень казался сумерками. После нескольких таких дней, наконец, посыпался мелкий, как крупа, снег, покрывая белым ровным слоем ледяную гладь плесов и запорашивая сухую пожелтевшую траву.

Мы шли с Мухитдином по пойме Узяна, охотясь за рябчиками в ольхово-черемуховой уреме. С утра было тихо, слышался только шорох: то крупинки снега ложились на сухие покоробившиеся ольховые листья. Потянул ветер, снежинки стали крупней и полетели косыми рядами. Зашатались и зашумели сосны на склонах. Снежная пыль расстилалась по лесу, как дым. Рябчики и гаички покидали урему, улетая в лес под защиту густых сосняков. Начался первый зимний буран.

В декабре 1940 года я уехал в Москву в отпуск и командировку. Зима 1939/40 года была еще суровей, чем зима 1928/29. В январе морозы в Ю. Крака достигали 48 градусов. Мухитдин писал, что в особенно большие морозы погибали «маленькие синицы с черной головой» и «птички с долгим хвостом». Вместе с препаратором он сделал несколько тушек замерзших птиц, и по ним я узнал, что гибли лесные гаички и долгохвостые синицы.

Обе эти зимы (1928/29 и 1939/40) были на редкость суровыми в большей половине Европы, захватив не только Урал, но и ее центральную и западную части. Правда, в странах Западной Европы таких больших морозов, как на Южном Урале, не было, но птиц и зверей погибло гораздо больше, чем на Урале. Почему же это произошло?

Во-первых, потому, что на Южном Урале морозы в 35—40° бывают почти каждый год, и обе зимы, о которых идет речь, отличались от остальных лишь тем, что большие морозы держались дольше, чем обычно, и несколько (но сравнительно на немного) превышали морозы других зим. Местные южноуральские птицы и звери в течение ряда веков приспособились к суровым зимам, и лишь гаички, длиннохвостые синицы и еще немногие птицы погибали в эти исключительные зимы.

В Западной Европе, где мягкие зимы обычны, местные животные не приспособлены к жестоким продолжительным морозам, и поэтому в зимы 1928/29 и 1939/40 гг. погибло множество зверей и птиц. Уместно напомнить, что в одной только Венгрии зимой 1939/40 года погибло около миллиона зайцев-русаков, а на Южном Урале не отмечено ни одного случая их гибели в эту зиму.

Другая причина кроется в том, что в Западной Европе остается на зиму гораздо больше видов птиц, чем на Южном Урале, и притом таких, которые совсем не приспособлены к необычно суровым зимам, какими были в Западной Европе обе названные зимы.

ВЕСНА В ЮЖНОМ КРАКА

В заповедник я возвращался в конце марта. В степи, между Магнитогорском и Абзелиловом, дула северка и холод забирался под тулуп. Тундровые птицы, зимовавшие в степи, еще не трогались в обратный путь: стайками взлетали с дороги пуночки, на выдувах кормились чечетки, полярная сова сидела на бугорке и выслушивала, не зашуршит ли в бурьяне полевка.

В заповеднике Мухитдин и Филипп Леонович рассказывали мне о новостях. С 21 марта забормотали тетерева, но не на токовищах, а где попало, — там, где они кормились. «Зачертили» и глухари, но на токах их тоже не слышно, а пора бы. «Завтра надо проверить три токовища, — сказал я им. — На Устубаш пойду я, Мухитдин — на Малый Башарт, а тебе, Филипп Леоныч, надо сходить на Абдиян».

Ни одна из охот не увлекала меня так, как охота на глухариных токах. Мое знакомство с глухарем началось с книг. С далеких юношеских дней помню рассказ Куприна «На глухарей», и не раз читал я его и после. «Я не

Могу себе представить, какие ощущения в мире могут сравниться с тем, что испытываешь на глухаринной охоте, — писал автор «Олеси». — В ней так много неожиданного, таинственного, трудного и прелестного, что этих впечатлений не забудешь никогда в жизни».

А потом за охотой пришла другая, еще более сильная страсть — исследовать в жизни этих птиц то, что еще не было известно. Зимой, изучая, как изменяется организм глухаря в связи с возрастом, я заметил, что у него, в противоположность многим другим птицам, некоторые кости черепа долго не срастаются. После полутора лет срастаются заднеглазничный и височный отростки, после двух лет — нёбные и носовые кости и т. д. И теперь мне хотелось узнать, какие (старые или молодые глухари) начинают весной петь первыми, какие кончают токовать последними, токует ли годовалые глухари.

Задолго до рассвета постучал я в окно к Филиппу Леоновичу, попросив его разбудить и Мухитдина, а сам ушел на Устубаш. Бесшумно двигались лыжи по снегу, еще не успевшему покрыться настовой коркой. На гриве, разделяющей отвершки Устубаша, я остановился и стал ждать. Ветерок сдувал с сосновых лап комья снега; падая вниз, они ломали тонкие сухие сучки. Вместе с ветром лица коснулись крупинки снега. «Видно, не будут токовать», — подумалось мне, но я решил подождать, пока совсем рассветет. Вдруг ухо уловило знакомый глухой звук. Его трудно передать словами. Одни говорят, что эти звуки похожи на «ка-ду, ка-ду», другие — на «тэ-кэ, тэ-ке». Но чтобы это было действительно похоже, надо произносить эти звуки не так, как обычно, а с открытым ртом и касаясь нёба кончиком языка. Глухарь «кадукнул» и смолк. Минут через пять звуки повторились; потом промежутки между ними стали короче, и, наконец, «кадуканье», или «тэканье», сменилось второй частью песни, которую я пытаюсь передать звуками «скжиги-скжиги-скжиги». Пел только один глухарь. По одному глухарю пело и на тех токах, где были Мухитдин и Филипп Леонович.

На следующий день (30 марта) погода резко изменилась, подул теплый ветер и пошел дождь, ливший, не переставая, двое суток. Туманы («затопил леший баню», — сказали бы на родине) поползли по логам. Ночью не подмораживало. На Устубашский ток, расположенный за рекой, пройти уже было нельзя. Кое-как можно было до-

Токующий глухарь.

Фото С. И. Огнева.

браться до тока на М. Башарте. Глубоко, почти по пояс проваливаясь в мокрый снег, три зари я торил тропинку к токовику, успевая сделать под песню один только шаг. На четвертое утро еще затемно я подошел по наторенной тропке к окраине токовища и стал ждать, осторожно отоптав снег под ногами. Тихи ночи в начале весны. Кто-то чуть слышно прошуршал на березе. Я поднял голову и стал слушать. Чешуйки от березовых почек коснулись лица, и я догадался, что там, надо мной, кормилась летяга. Вдалеке, у истока Башарта, провыл волк. Ночь уходила... Стала бледнеть полоска неба на востоке, но то-

Ковик в то утро стал петь позднее, чем обычно. Он долго не пел по-настоящему, а только ронял глухое «ка-ду, ка-ду» и смолкал: видно, он слышал, как я подходил к току, и остерегался. Наконец, он запел, но в это время начало уже светать, а по глубокому снегу быстро не пойдешь. До глухаря оставалось шагов полтора, как вдруг он слетел с дерева и опустился на снег недалеко от токовой площадки. Ночью несколько не подморозило, и грузная птица проваливалась в снег. Вот он идет, потихоньку касаясь снега концами опущенных крыльев, выбирается на плотный снег и, почувствовав прочную опору под ногами, распускает веером хвост, учащает «ка-ду, ка-ду» и заканчивает полной песней. Но участок плотного снега невелик; растоковавшийся глухарь быстро начинает второй круг танца и с хода вступает в ноздреватый снег; лапы его проваливаются, он оседает на распушенных крыльях, и песня обрывается. Подойти к глухарю, токующему на земле, всегда очень трудно, а здесь было просто невозможно, и я решил только наблюдать за ним, спрятавшись за кустом можжевельника. Глухарь зашел за гребень и скрылся из виду, но песня его была еще слышна, потом она стала звонче, и вот он вышел на вытаявший бугорок неподалеку от меня, то приостанавливаясь во время «кадуканья», то быстро переступая и чертя крыльями снег во время заключительного колена, то подскакивая кверху, как тетерев. И все ближе и ближе к можжевельнику, за которым я сидел; уже видны мне яркокрасные брови и каждое перышко на судорожно подергивавшемся во время песни подбородке. Глухарь повернулся ко мне боком, я прицелился в белую отметину на сгибе крыла и выстрелил...

Весна шла дружно. К 6 апреля лога сплеснулись водой и превратились в темносерые зажоры. В это время началась обратная перекочевка лосей с зимовок «на родину», в широколиственные леса к западу от Белой. Лоси шли небольшими группами, оставляя четкие, печатные следы и паволоки на сыром плотном снегу. Расталкивая и расплескивая насыщенный водой снег, перебирались сохатые через зажоры, как через топи, превращая места переходов в наполненные водой траншеи.

Прошло еще два-три дня, и зажоры стали прорываться одна за другой. По крутым логам и ущельям с шумом, похожим на гул приближающегося урагана, проносились огромные, шедшие стеной потоки воды и затопленного

снега, оставляя за собой обмытые, словно причесанные, берега и белые поля наледей. В этот год Белая вскрылась рано; уже 6 апреля прошел лед. Неудержимо стремились лоси на родину и бросались вплавь даже в то время, когда по реке шли льдины, наползая одна на другую, сталкиваясь и кружась в водоворотах у утесов и нагромождаясь в заторы. В одной из деревень, расположенных у Белой, мне рассказывали, что вода снесла двух лосей далеко вниз от устья ключа Аюды, куда они стремились попасть, прибила к отвесным утесам левого берега Белой, и выбившиеся из сил сохатые утонули.

С каждым днем все больше и больше новостей приносила весна. Запели рябчики; подняв хохолок, распушив перья на шее и расправив веером хвост, задорно выбегали они по утрам на зов соперника и на скакивали друг на друга. На старой дуплистой лиственнице, стоявшей на окраине поселка, громко ворковал клинтух, выводя однообразное «уу-у, уу-у». Несколько раз к этому же дуплу подлетал и кружился крохаль, но так и не занял его. 6 апреля на склоне, почерневшем от проталин, покрытом побуревшими молодыми березками, запели дрозды. На следующий день с опушки леса, окружающего усадьбу заповедника, донеслись песенки зябликов. На березах у домов присели отдохнуть скворцы, но, как и раньше, не остались в горных борах, а улетели дальше на восток, в лесостепь.

К середине апреля стаял снег на полянах, а в лесу, на ровных местах, оставался лишь пятнами. Пора было идти слушать, — не начинают ли глухари петь вечером. Вдвоем с Мухитдином мы ушли на новый, недавно найденный мною ток. Солнце садилось за увал. Макушки сосен были еще освещены, но на прогалы, где весь день звенели песни лесных коньков, уже легла тень. Отойдя от токовища, мы стали выбирать место для ночевки и наткнулись на свежие медвежьи следы. Загрязненные лапы четко отпечатались на снегу, — но и там, где медведь шел по проталинам, можно было разобрать его следы. Наткнулись на раскиданный медведем муравейник, потом на другой, третий. Ранней весной, когда еще нет дудника и других съедобных трав, когда трудно поймать косулю или лося, медведи ходят по лесу, отыскивая муравейники. Оттого-то издавна появилась примета, что на Южном и Среднем Урале медведь выходит из берлоги, когда «мураш закипит». Но нам

некогда было долго ходить по медвежьим следам, надо было поскорее срубить сухостойную сосну для костра.

Смолкли дрозды, певшие дольше всех других птиц. Село солнце. Уже несколько раз протянул вальдшнеп. Недалеке от нас, меж сосен, вытянув шею и часто взмахивая крыльями, пролетел к токовищу глухарь. Слышно было, как он шумно захлопал, садясь на дерево, и несколько раз «крякнул» — словно проскрипели разошедшиеся ворота. Не успел этот глухарь усесться, как в разных сторонах токовища стали опускаться на посадку другие глухари. Тот же, что прилетел первым, перелетел на другую сосну и запел. Следом за ним запели еще трое; глухаринные песни смолкли, когда стало темнеть.

Некрепок и чуток сон в весеннюю ночь у костра. Пригретые его теплом, мы уснули, но когда дрова прогорели, я озяб и проснулся. Ухал филин за логом; неподалеку кричал воробьиный сычик. Капля за каплей падал в кружку березовик, стекая по лотку, белевшему в свете костра.

Чем ближе к рассвету, тем все чаще просыпался я и смотрел на часы, — скоро ли итти на ток. Если ночуешь близко от токовища, то итти на него нужно сейчас же после того, как протянет вальдшнеп. «Курпасык¹ пролетел, — разбудил я Мухитдина. — Пойдем».

В это утро пело восемь глухарей, да пытались петь еще два глухаря, сидевшие у окраины тока. Сначала они издавали глухие звуки, похожие на первое колено глухаринной песни, но затем, когда надо было начинать «скжиги-скжиги», у них словно застревало в горле, и они выдавливали какое-то непередаваемое словами кряхтенье. Мне вспомнилось, как Иван Нестерович рассказывал о токах глухарей, когда я был в Кананикольске. «У глухаря большой руки на току голос нежный, а у глухаря малой руки на току голос грубый». Тщетно я пытался подойти к такому «грубоголосому», не умевшему петь глухарю: он не теряет слуха, в отличие от поющего токовика, который во время «скжигиканья» не слышит ничего. И лишь случай помог мне: в самый разгар тока, когда глухари слетели с деревьев и стали петь на земле и появились глухарки, прилетел к центру токовища не умевший петь «крэкатень»² и сел на сосну в расстоянии верного вы-

¹ Башкирское название вальдшнепа.

² Так зовут в Полесье не умеющих петь глухарей.

стрела. «Сам прилетел», — сказал Мухитдин, поднимая его с земли.

Как я и думал, убитая птица оказалась молодым глухарем выводка прошлого года: у него еще не срослись заднеглазничный и височный отростки. Зоб этого глухаря был наполнен почти наполовину крупными пушистыми бутонами сон-травы.

18 апреля я увидел первые распутившиеся сон-цветы, похожие на крупные колокольчики. В это же время сквозь старую желто-серую ветошь пробивались острые ростки вейника и «широкоперки». Стали зеленеть южные безлесные склоны Крака. По утрам на них паслись косули, набирая силы после тяжелой зимы, после отчаянных гонок. А от тех, кто отставал или был загнан волками в глубокий снег, к весне остались лишь клочки шкур, валявшихся по логам.

Выгнали в горы скот. На третий день с Алакбара примчались с неистовым ревом коровы и прибились к дворам. Но прибежали не все, двух не было. Пошли их искать, и на опушке леса заметили какую-то кучу из сучьев, ветоши и мха. Неподалеку была и другая такая же. Там лежали убитые медведями коровы. По следам было видно, как медведи подкрались из лесу к коровам, как бросились и погнали их вниз по склону, как упала на колени одна из коров под страшным ударом медвежьей лапы, как пыталась подняться... но второй удар расколол ей череп и выбил глаза. А потом медведи поволокли обеих коров по косягу еще дальше в лес и завалили их хворостом, старой травой и мхом.

Почти весь апрель простояла теплая погода, но неровно, порывисто проходит южноуральская весна, и 24 апреля над вершинами Ю. Крака поползли тучи и холод спустился в долины. К утру следующего дня густой иней лег на молодую траву и цветы, побелил застывшие дороги. Мелкие, как пыль, водяные брызги, поднимавшиеся от бурлившего ручья, прикоснувшись к нижней поверхности кладей, быстро смерзались, и к утру из них выросли длинные сосульки, перегораживавшие ледяным частоколом пространство между кладями и водой. Утренники доходили до 8 градусов. А потом подула северка, запорхал снег и к утру легла пороша.

Неровным был и весь май. 1 и 2 мая лил теплый дождь, поднялась вода на Узяне и снесла мостки, а 3 и 4 мая

опять порхал снег. 5 мая резко потеплело. Вчетвером мы ушли ночевать на Бир-Тыш, где была башкирская летняя избушка. Мухитдин и Алексей Иванович (директор заповедника) ушли строить шалаши на тетеревином току и стоять на тяге, а я с Филиппом Леоновичем искали места, где мог быть глухариный ток. Мы пришли раньше и стали собирать дрова. Издали были слышны частые выстрелы. Уже стемнело, и в шувале весело запел огонь, когда возвратились с тяги охотники. У Алексея Ивановича в сумке было пять вальдшнепов. Мухитдин был смущен и неохотно отвечал на расспросы Филиппа Леоновича, который все допытывался, сколько раз он стрелял и почему не убил. «Окаянный курпасык, — наконец, разговорился Мухитдин. — Цик-цик, хор-хор — летит, нос длинный, только прицелюсь, уже и хвоста не видно, стреляю — дальше летит... Не знай, как в лет стрелять».

В уреме пересвистывались недавно прилетевшие совки-сплюшки. «Сплю, сплю», — словно переговаривались они между собой; башкиры же передают их посвистыванье словами «хак-суп, хак-суп» и саму птицу называют тоже «хак-суп». «Было когда-то два брата Хак и Суп, — стал рассказывать старую сказку Мухитдин. — Они так сильно и долго ссорились между собой, что Аллах призвал их и, сказав «вы никогда больше не встретитесь», сделал их птицами. И прошла у них злоба; вспомнили оба, как майкама купались на Сакмаре и ходили по горам — весной за луком, а летом за вишней, и стали они звать друг друга: «Хак», — зовет один, «Суп», — ищет брата другой. И остается совсем уж немного, вот-вот подлетят и сядут вместе на дубу, но вдруг сразу появляется между ними гора, и опять они разъединены, и опять зовут и ищут друг друга. То старая злоба вырастает горой. Нельзя братьям ссориться — так старые люди у нас говорят», — закончил сказку Мухитдин.

Когда мы возвращались на следующий день, нежная сквозистая зеленая дымка окутала молодые березки на горах, но по логам они еще долго (почти две недели) стояли бурыми. В этот же день закуковала кукушка. Прошло еще два теплых дня, а потом, к вечеру, сразу похолодало, а на следующее утро поникли, побитые морозом, все цветы, высаженные в клумбы, даже осока и та пожелтела по узким глубоким долам, где заморозок был особенно велик. «Минус девять и три десятых», — ответил

метеорологический наблюдатель, когда его спросили, большой ли мороз.

Холода продержались три дня и опять резко сменились теплом. 12 мая была первая гроза; вечером от логов поднялся туман, а утром на остроконечных, еще свернутых в трубочки листочках злаков заблестели первые капельки росы. В душистые березовые ночи прилетела иволга и засвистела, как флейта: «Утябика, бия хау!» (Утябика, начинай кобылицу доить!). С прилетом этой птицы башкиры начинали готовить кумыс. Лесные дорожки были усыпаны соцветиями осины; издали они казались толстыми, серыми, волосистыми гусеницами. У гнезда глухарки, за которым я наблюдал, на фиолетовых цветах сочевичника раскачивались, как на качелях, шмели. Рябина протягивала разрезные, не совсем еще распустившиеся, полусложенные листья, похожие на тонкие руки в серых перчатках.

Спадали и входили в трубу речки. «Узян стал не такой толстый», — рассказывал сынишка Филиппа Леоновича, придя домой. Серели заиленные берега; облепленные илом, низко пригнулись к земле соломинки канареечника и вейника.

Вспомнилось, как в детстве ловили мы весной раков на родине, как горела огнями наша Рясна в теплые ночи, и я попросил у Филиппа Леоновича смолистой лучины. На покрытых водой травянистых берегах, шевеля усами, ползали раки. Осторожно подойдя к ним по воде, надо было наклониться, потихоньку подвести руку и прижать рака к земле. Но уральские раки гораздо мельче средне-русских (разные виды), попадалось их мало, и охота к ночной ловле скоро пропала.

А на безлесных склонах Крака расцвели белые душистые зонтики таволги и золотисто-желтые лодочки чилиги; через несколько дней забелелись, как рассыпанные снежинки, цветы степной вишни. Закричали по лугам коростели, а дня через два на большой поляне Карагас-Юрт я услышал отрывисто-отчетливый зов перепела.

И казалось уже, что нет возврата морозам, что вот-вот придет лето, но 28 мая подула северка и сразу стало прохладно. В тот день мы с Мухитдином поднимались по одному из отрогов Крака; мне хотелось узнать, какие птицы населяют чистые лиственничные леса, растущие кое-где по вершине этого горного массива. Только что мы вы-

шли из леса на каменистый открытый гребень, разделявший глубокие доли, как увидели темную тучу, быстро приближавшуюся с северо-запада. Ее передний край, как белая завеса, повис над нами. Стемнело, как в сумерках. Хлопья густого снега замелькали в воздухе. «Скорей — вон под ту большую сосну, — торопил я Мухитдина. — Костер бы успеть развести, а то промокнем насквозь». Хоть на вершине Крака много соснового и лиственничного сухостоя и валежа, но едва-едва мы успели развести огонь и собрать сухие дрова, как повалил густой мокрый снег, засыпая цветы и молодую траву. Снег шел, не переставая, часа три; побелели сплошь, словно в зазимок, вершины Крака. Возвращаясь домой, Мухитдин катал бабы из снега и спускал их с круч. Внизу снега не было, он шел там попеременно с дождем и таял, упав на землю. Но к вечеру стало морозить; холода продержались и 30 и 31 мая, побив почти все, что взошло на огородах.

В конце мая и начале июня я особенно внимательно наблюдал за тем, что происходило на глухариных токах. Глухарки давно уже сидели на гнездах, но глухари по-прежнему каждое утро собирались на токовища; они пели так же, как и раньше, но реже слетали на землю; драки между ними прекратились совсем, и только ссадины да кровоподтеки и вырванные на голове и шее перья напоминали о прежних ожесточенных боях. В последний раз глухари токовали 5 июня. Они уже начали линять, и у глухаря, убитого мною в последний день токованья, не хватало нескольких рулевых перьев.

НА ВОСТОЧНОМ СКЛОНЕ УРАЛ-ТАУ

Весной, как только начали просыхать дороги, Мухитдин и Филипп Леонович стали спрашивать, скоро ли мы поедем в лесостепь. Об этой поездке мы не раз говорили зимой. Вскоре после того, как закончились наблюдения на токах, мы уехали в лесостепь, наметив следующий путь: восточный склон Урал-тау — хребты Кыркты и Б. Ирендык и восточный склон Южноуральской почти-равнины от Иткулова до Юлукова. Первая наша остановка была на восточном склоне Урал-тау, у истока ключа Дыникая, в том урочище, которое по-башкирски называется Кара-Киштау, что в переводе на русский язык означает Черная Зимовка.

В лесостепи перемежаются лесная и степная растительность, и лесные животные живут бок о бок со степными. На восточном склоне Урал-тау, в том месте, где мы остановились, отроги хребта чередовались с логами и ложбинами. По северным склонам отрогов тянулись березники и смешанные березово-сосново-лиственничные леса с примесью осины. Вверху лесные полосы расширялись и смыкались со сплошными чащами Урал-тау; внизу они суживались в узкие клинья, разделявшие предгорные степи на отдельные участки. Степи каменисты и сухи. На буграх и крутых склонах тонкий слой почвы местами отсутствовал совсем и там серели ребристые каменистые плиты; на мелкой почве, смешанной со щебнем, преобладал типчак; кое-где белели душистые зонтики земляных орешков, алела смолка с ее липким стеблем, словно обмазанным дегтем. По пологим склонам и особенно на «прилавках» трава была гуще и выше; волнуясь от малейшего ветерка, серебрился на солнце ковыль, а рядом, почти сомкнувшись, краснели головки лесного клевера; над широкими, как лопух, листьями зопника вытянулись его высокие стрелки с невзрачными лиловыми цветами.

Редкие конусообразные кучки земли показывали, что здесь жили слепушонки. По их последним поселениям на восточном склоне Урал-тау можно провести точную пограничную линию, отделяющую горнолесной ландшафт от нагорной лесостепи. В лесостепном поясе проходила граница распространения другого степного зверька — малой, или степной, сеноставки, но она не подходила так близко к сплошным лесам Урал-тау, как слепушонка. Резкий свист сеноставки мы услышали ниже нашего стана, на сопке, заросшей степной вишней и чилигой. «Какая это птица так свищет?», — спросил Филипп Леонович, не видевший еще ни разу сеноставок. «Это не птица, а зверек, похожий на маленького зайчонка. Завтра мы его поймем», — ответил я ему.

По днищу Дыникая струился ручеек, скрывавшийся в густой уреме из черемухи и серой ольхи, перевитых хмелем. На уремной опушке вспорхнул выводок маленьких рябчат — «поршков». Рябушка беспокойно металась возле них. Тут же на косогоре, на кучках сухой земли (старых выбросах слепушонок) лежали перышки рябчиков, купавшихся в сухой, нагретой солнцем земле. Немного дальше в сосново-березовой роще мы подняли глухарку с вывод-

ком и услышали крик глухой кукушки, похожий на звуки «ху-ху, ху-ху», а в осиновой куртине на многих деревьях белели полосы лосиных заедей.

Невдалеке от нашего лагеря протекала речка Казмаш. Она начиналась у самой вершины Урал-тау, спускалась между его отрогами по восточному склону и впадала в Б. Кизил. Я знал, что в этой речке и ее притоке Багры водится форель, и мы с Филиппом Леоновичем пошли удить ее. Мухитдин не любил ловить рыбу и пошел ставить ловушки на слепушонок.

Багры в переводе на русский язык означает «Форелевый ключ». Эта рыба живет на Южном Урале лишь в речках и ключах с прозрачной родниковой водой, да и то не во всех. Багры, перекатываясь через черные камни, покрытые водорослями, почти под прямым углом впадала в р. Казмаш. В этом месте образовался омут с глубоко подмытым берегом, куда весной вода нанесла коряги, застрявшие между корнями старой ольхи. Потихоньку подошел я к ямке и стал на колени: форель осторожна и, заметив человека, не берется на удочку. Не успел крючок дойти до дна, как леска дрогнула, и рыба повела ее в сторону. Форель берет жадно, заглатывая насадку, как окунь; подсечь ее легко, но вытащить трудней, так как сильная рыба сразу бросается в коряги. Надо не допустить ее туда и утомить. Обычно первой всегда берет самая крупная форель, потом начинает брать помельче. Поймав несколько форелей в устье Багры, я пошел вниз по Казмашу, где ловил Филипп Леонович. Очень трудно пробираться с удочкой в одной руке и связкой рыбы в другой по густой уреме, где кусты черемухи и ивы переплелись между собой, а в густой заросли крапивы, разросшейся, как конопляник, не видно ни коряг, ни промоин.

Из-под крутого берега выпорхнула белогрудая, покрытая плотно пригнанными перышками оляпка. Гнездо ее было устроено так, что я не сразу его отыскал. В обрыве, между корнями черемухи, из стебельков и корешков травы, вымытых и принесенных внешней водой, оляпки свили гнездо с толстыми стенками, похожее на игрушечную копну сена. Пологий вход в гнездо затем обрывался резким уступом в гнездовую камеру, где сидело пять больших, уже оперившихся птенцов. Когда мы возвратились, в костре уже было много углей, и пока Филипп Леонович варил уху, я запекал форель, плотно обернув ее

газетной бумагой и положив в угли. Верхний слой бумаги обгорает, но нижний прилипает к чешуе и спекается вместе с нею в панцырь, в котором рыба печется в собственном соку. Ни одно рыбное блюдо не сравнится по вкусу с хорошо испеченной в углях форелью.

НА КАРА-ТАШЕ

Лесостепной склон Урал-тау примыкает непосредственно к лесному поясу. На Кыркты-тау и Ирендыке, вытянувшихся узкими хребтами далеко в степь, лесные колки отделены один от другого и окружены со всех сторон степными пространствами.

Чем отличается животное население лесостепного склона Урал-тау от лесостепного пояса Кыркты-тау?

Чтобы решить этот вопрос, надо было побывать в наиболее хорошо сохранившемся участке Кыркты-тау. Таким было урочище Кара-таш. Туда мы и переехали с Кара-Киштау. У западного подножья горы Кара-таш¹ мы переехали р. Ниязы. Вода в ней такая прозрачная, что на дне отчетливо были видны все камушки, и такая холодная, что в ней, как и в Багры, нельзя было купаться². В омутках была видна форель, но ловить ее было некогда, — надо было подниматься к вершине хребта. За узкой лентой приречного леса — местами ольхово-черемухового, местами березового — тянулась почти такая же узкая полоска луга, то влажного, с кровохлебкой, василистником и щучкой, то остепненного, с земляными орешками и клубненосным зопником. Кровохлебково-василистниковые луга встречались и выше — почти до самой вершины Кара-таша, и занимали там те участки склонов, где были близки подпочвенные воды. Но луговых участков на Кара-таше немного. Здесь, как и повсюду на хребте Кыркты, преобладали каменистые степи. Гребни, взлобки и крутые скаты были прикрыты «репками», горным очитком, седовато-зелеными подушечками горной гвоздики, сибирским васильком, тимьяном, типчаком и некоторыми другими растениями, что могут жить на сухой и щебнева-

¹ Кара-таш — самая высокая вершина Кыркты-тау; высота ее 1 119 метров.

² В самые знойные дни температура воды в Багры и Ниязы не подымается выше 5 градусов.

той почве. Местами среди типчака и сибирских васильков чернели огромные листовничные пни, показывавшие, что здесь степь образовалась на месте срубленного леса. По выравненным «прилавкам» и по сухим пологим склонам среди ковылей, начавших выпускать пушистые ости, виднелись горный клевер, клубника и другие растения, свойственные ковыльно-разнотравной степи.

Узкие впадины, протянувшиеся, как желоба, по каменистым склонам, заросли чилигой и степной вишней. Густые заросли этих же кустарников окаймляли россыпи под скалами. Из кустарников и степей доносились звонкие голоса сеноставок; этих зверьков на Кара-таше, как и в других урочищах Кыркты, было гораздо больше, чем на восточном склоне Урал-тау. Еще больше было слепушонок: их поселения встречались, начиная от остепненных лугов по р. Ниязы и кончая вершиной Кара-таша. По бортам глубоких каменистых долов, пересекающих западный и восточный склоны хребта, зеленели березники и осинники; кое-где к ним были примешаны сосны и листовницы. В одном из самых крупных колков Кара-таша на осинах виднелись потемневшие полосы заболони, обнажившейся после лосиных кормежек. В этом же лесу я вспугнул выводок рябчиков, еле-еле умевших летать. Но ни белок, ни глухарей — ни их самих, ни следов их пребывания, не было видно на Кара-таше. «Сейчас их можно и не заметить», — ответил я моим спутникам, спросившим, живут ли глухари и белки на Кыркты, — приедем сюда осенью, тогда будет видней».

ОТ КАРА-ТАША ДО ЮЛУКОВА

Оставаться на Кара-таше больше трех дней было некогда. Перевалив через один из отрогов Кыркты, мы спустились по глухой, еле заметной дороге к речке, поднялись оттуда по круче на вершину Кыркты-тау и спустились по его восточному склону к Абзелилову, где на выгоне у дороги свистели рыжеватые суслики — степные грызуны, которых не было на восточном склоне Урал-тау, у Черной Зимовки.

У восточного подножья хребта Кыркты протекала речка Идяш, совсем не похожая на горные речки, стекающие с Урал-тау или Кыркты. Ее пойма, поросшая ивняком и заболоченным березово-ивняковым мелколесьем, местами была очень широкой, и невольно казалось, что здесь

когда-то находились соединявшиеся протоком степные озера, постепенно мелевшие и зараставшие и, в конце концов, исчезнувшие совсем.

В долине речки, между кочками, были видны наброды птиц; по перьям, утерянным при линьке, можно было установить, что чаще всего тут ходили белые куропатки и тетерева.

Недалеко от устья Идяша дорога отошла к Б. Кизилу. Эта река, прорываясь сквозь горы, разделяет хребты Кыркты и Ирендык. Здесь же мы выехали на старый тракт, шедший когда-то из Оренбурга в Верхне-Уральск, и по этой дороге поднялись на Ирендык. В северной, наиболее высокой части Ирендык очень похож на Кыркты и лишь на немного ниже его. С Кузгун-таша (Вороновой скалы) — одной из наиболее высоких вершин Ирендыка — видно было, как далеко на восток уходили увалы, тянувшиеся параллельно Ирендыку. Спустившись с вершины Ирендыка, мы опять выехали на старый тракт и отправились дальше к югу, по присакмарской степи.

До самого Юлукова дорога шла по западной окраине предгорной зауральской лесостепи, то спускаясь к Сакмаре, то срезая ее излучины и поднимаясь на увалы. Рыжеватые суслики, припав к земле, перебежали дорогу и затем юркали в норки или вытягивались, стоя на задних лапках, чтобы дальше видеть. С придорожной полосы, заросшей типчаком и полынью, взмывали кверху и заливались песенками жаворонки — и полевые, и сибирские белокрылые. Дул теплый ветер в лицо. Колыхалась серебряная волна ковылей. «Неба как много тут», — сказал о степном просторе лесной житель Филипп Леонович.

По Сакмаре виднелись узкие прибрежные каемки ивняка по отмелям да крутые глинистые обрывы; сплошной уремной ленты не было, и лишь кое-где зеленели маленькие черемуховые рощицы. У одной такой рощицы мы и остановились ночевать.

Сквозь прозрачный и душистый воздух к нам доносились из деревни песни башкирских девушек. «Как легко дышать тут, — опять заметил Филипп Леонович. — У нас в Авзяне воздух тяжелый, как в яме, — не знай от назёма¹, не знай от пыли». Речные крачки с белой, как

¹ Назём — навоз.

кипень, грудью пролетели над рекой и, взмахнув широкими крыльями, поднялись вверх. «Тут юмуран¹ есть, сейчас видал», — подбежав ко мне, показывал Мухитдин на куртину черемухи, под корнями которой были вырыты норки.

На другой день мы повернули на запад, куда уходил старый тракт; за Юлуковом большие поляны и каменистые степи перемежались с березовыми рощами. Уменьшались поляны, реже и реже свистели на них кроншнепы; березовые рощи смыкались впереди в непрерывную линию леса; среди светлой зелени и берез показались темнозеленые сосны. Начинался горнолесной Урал.

В то лето мне нужно было побывать еще и в лесах Урал-тау, и в прибельском чернолесье, и мы заторопились назад, в заповедник. Пробыв там несколько дней, мы отправились на Урал-тау.

НА УРАЛ-ТАУ И В ПРИБЕЛЬСКОМ ЧЕРНОЛЕСЬЕ

Когда-то из больших русских поселков — Верхнего и Нижнего Авзяно-Петровска и Каги — шла большая дорога в степь, называвшаяся «Темясовским шляхом». Впоследствии по нему перестали ездить. Буйной высокой травой заросли и те дороги, по которым когда-то ездили башкиры на свои кочевки². На опустевшие елани наступал лес, и по колеям старых дорог густыми рядами, словно в питомнике, засел березник. Редко-редко заглядывали теперь на кочевки люди, и еле видны были в густой траве и молодом березнике камни на могилах близ покинутых башкирских кочевков. Ушли люди; пришли лоси. К востоку от р. Суваняка начались места, где зимует много лосей.

Придорожные мелкие березки были обкусаны сплошь, словно их подстригли ножницами, как деревья на городских улицах. Белели на осинах лосиные заеды последней зимы; черные старые заеды были окружены толстыми наплывами, выросшими по краям уцелевшей коры. По дороге кучки лосиных орехов были так часты, словно тут проходил их тракт.

¹ Суслик.

² В горнолесном Урале они прекратились в конце 20-х годов текущего столетия.

Летяга.

Фото И. С. Турова.

Старая дорога вышла на выравненную поверхность Урал-тау. Сплошные березовые и осиновые леса; ни одной сосны, ни одной лиственницы. И ни следа человека; только широкая дорожная полоса да огромные копцы на поворотах напоминали о шумном когда-то большеке.

Суванякские леса привлекали меня не только зимовками лосей: я знал, что близ истока этой речки, на Суваняк-таше, года за три до моего приезда в заповедник была добыта садовая соня — зверек, характерный для полосы европейских широколиственных лесов. Восточная граница распространения его проходит по Южному Уралу, и мне хотелось увидеть самому, в каких местах живут эти зверьки в самой крайней восточной точке их распространения, какой был Суваняк-таш. Он представляет отрог Урал-тау, вытянувшийся узкой грядой между долами, из которых брала начало речка Суваняк. Гряда эта поросла смешанным березово-сосново-лиственничным лесом и заканчивалась на западной окраине безлесной каменистой площадкой, обрывавшейся отвесной стеной. Не отрываясь, долго смотрели мы отсюда на уральские пади и горы, укрытые сплошным шатром лесов; лишь кое-где урман расступался и давал место еланям. Ловушки мы расставили в разных местах — и в лесу, и на безлесной пло-

щадке, и в расщелинах каменистого обрыва, заросших малиной, насадив на сторожки свиное сало. К утру в ловушки, стоявшие в щелях скалы, попались две садовые сони. В тот же день, идя от Суваняк-таша на Урал-тау, я заметил, как серая распластанная фигурка пролетела в воздухе, словно планер; зацепившись лапками за комель сухой сломанной березы, она быстро поднялась по стволу и исчезла в дупле. Застучав по дереву, мы быстро выгнали из дупла старую летягу, а вслед за нею выскочили три молодые и одна за другой спланировали по воздуху вниз. По земле они бежали гораздо медленней белки, и не успела первая из них взобраться на дерево, как Филипп Леонович поймал ее. Вторую поймали немного позже, стряхнув ее несколько раз с тонких березок, куда она забиралась.

«Наша сторона народ не знает усар тыин», — сказал Мухитдин, когда я спросил, видел ли он раньше летучую белку. Есть звери и птицы, жизнь которых особенно тесно связана с отдельными видами растений: глухарь — с сосной, тетерев — с березой, клесты — с хвойными деревьями. К этой же группе животных принадлежит и летяга. Целый год прожили в лаборатории заповедника летучие белки, пойманные нами на Суваняке. Самой любимой их пищей были: летом — листья березы, а осенью и зимой — ее почки и сережки. И на воле летяги тоже запасали на зиму березовые сережки и почки, складывая их в дуплах.

Речка Суваняк начинается у подножья Суваняк-таша; спускаясь к ней за водой, мы увидели вместе с маленькими, испещренными темными пятнышками хариусами и других каких-то рыбок. Это были мальки тайменей. Суваняк — одна из немногих южноуральских речек, куда из Белой приходит на нерест много тайменей¹. От истока и до впадения в р. Узян Суваняк течет среди густой ольхово-черемуховой уремы, по краю которой проходила старая дорога, то и дело пересекавшая речку. Выехав к устью, мы остановились там на ночевку. Мухитдин остался у палатки, а мы с Филиппом Леоновичем пошли с удочками на устье Суваняка. На натянутых быстрым течением лесках то и дело слышались сильные толчки хариусов, хватавших червей. Десятка два этих

¹ На Южном Урале таймень живет только в р. Белой и ее притоках, да и то не во всех; в р. Урале и его притоках тайменя нет.

рыб уже лежало на берегу. Потом Филипп Леонович подсек такую крупную рыбу, что не смог даже вывести ее к поверхности, как она оборвала леску. Запасной у него не было, и на это место я забросил свою (а лески у нас тогда были волосяные, не жилковые). Вскоре и меня постигла такая же неудача, и я смог лишь увидеть красный хвост большого тайменя, оставшись с оборванной леской. Со мной еще была блесна, на которую я иногда ловил щук. Я привязал шнур к длинному удилицу и стал забрасывать блесну на середину Узяна, ведя ее поперек суванянской струи. Вскоре я почувствовал резкий толчок, а затем бешеный рывок в сторону. Таймень метался по реке, то уходя в глубину, то стремясь натянуть шнур по прямой и вылетая из воды. Я боялся, что без катушки мне не справиться с ним, но в конце концов полупудовый красавец таймень выбился из сил, и Филипп Леонович, зашедший в воду, подхватил его руками у берега и выбросил на гальку.

На следующий день Филипп Леонович отыскал сухостойную смолистую сосну и наколол лучины, собираясь ночью лучить рыбу в Суваняке. Достав из кошеля четырехлучевую острогу, он насадил ее на древко и попробовал, сподручна ли снасть. Пошли мы с ним, когда уже стемнело. Я никогда еще не бил острогой и шел с факелом.

Хариусы стояли на стрежах почти неподвижно, слегка пошевеливая плавниками. Как ни осторожно мы шли по воде, но рыбы часто замечали нас раньше, чем Филипп Леонович успевал ударить острогой, и уходили, взмутив со дна песчинки. Но немало их попадало под удары остроги; тупой удар означал, что рыба на остроге; более резкий звук указывал на промах или на то, что рыба была только слегка задета и зубцы остроги стукнулись о камни. Впереди в ярком свете огня показалась излучина речки, где течение вымыло омуток. «Тут может крупная рыба стоять», — шепнул Филипп Леонович, и мы пошли еще медленней и осторожней. В глубокой воде трудно было увидеть, что таилось на дне омутка, тем более что там лежали крупные камни. Но вот впереди большого угловатого камня, из подмоины, уходившей под толстое наклонившееся дерево, выдвинулась тупая голова тайменя и снова подалась назад. Филипп Леонович замер с острогой в руке. Время шло так медленно, словно на глухаринном

току, когда насторожившаяся птица смолкает и слушает. Возле ног тихо передвигались личинки ручейников, одетые в футляры из крупных песчинок. Голова тайменя показывалась несколько раз, но рыба вскоре опять уходила в подмоину. Наконец, таймень вышел на свет почти весь, вплоть до красноватого хвоста. В ярком свете смолистого факела было видно, как все ниже склонялись над ним зубцы остроги. Удар!.. Филипп Леонович налег на древко, содрогавшееся от толчков бешено рвавшейся рыбы, и прижимал тайменя ко дну. «Не уйдешь теперь», — громко сказал Филипп Леонович и вытащил на остроге крупного тайменя.

С Суваняка нам надо было ехать в нагорные широколиственные леса на хребты Базал и Масим-тау, расположенные к западу от Белой. Переехав вброд Узян, мы поднялись на водораздел между нижним течением этой реки и Белой. Водораздел этот был покрыт дубово-осиновыми лесами с примесью клена, ильма, березы и липы. Местами густой мелкий липняк, придавленный навалами снега, загораживал старую глухую дорогу, и нам приходилось рубить его в два топора. К Белой спускались по узкой каменной стрелке — такой крутой, что пришлось затормозить оба задних колеса. Не менее крутым оказался и подъем на Базал, но дорога туда шла не по узкому гребню, а по каменному жолобу среди липово-ильмово-осиновых чащ. По самой же вершине Базала тянулся каменный гребень, местами обрывавшийся отвесной стеной. Мы хотели остановиться у вершины хребта, но поблизости нигде не было видно воды, и поэтому пришлось ехать дальше и стать у речки Курагас, текущей между хребтами Базал и Масим. Застучали топоры, врубаясь в толстую сухостойную сосну: ее решили свалить для костра. Хоть лошади и не любят стоять всю ночь у телеги и кормиться скошенной травой, но пустить их «в ночное» мы не решались: в лесу повсюду виднелись колоды, перевернутые медведями, да и у речки на мелкой гальке, смешанной с песком, виднелись следы недавно прошедшего крупного зверя. «Чуть не две четверти», — измерил след Филипп Леонович.

А на другой день к нашему лагерю подъехал местный лесник и рассказал о погроме, который медведи учинили его бортям. Бортевое пчеловодство в Башкирии сохранилось главным образом в глухих широколиственных лесах

между Белой и ее притоком Нугушем. Башкирские бортики выдалбливают ульи в огромных соснах высоко вверх, под самой кроной, взбираясь туда по зарубкам с помощью перекидного пояса. Устройство борти осталось точно таким же, каким оно было и во время путешествия И. Лепехина¹.

Дикие башкирские пчелы, сохранившиеся в прибельских огромных и глухих широколиственных лесах, заселяют и борти, но большинство их живет в старых дуплистых деревьях. «Летом медведи, а зимой куницы обижают пчел, — жаловался лесник. — Куница, как найдет мед, так и будет ходить туда, пока весь не прикончит. Наши охотники знают это, и как только убьют куницу, так вскрывают желудок и смотрят, нет ли в нем воска. Есть воск, — значит где-нибудь неподалеку надо искать и дупло с медом». — «А у нас в заповеднике я за две зимы только один раз след куницы видел», — сказал Филипп Леонович.

Были и другие различия в животном населении прибельского чернолесья по сравнению с животными, населявшими сосново-березовые леса восточной части Южного Урала. Каждый день мы расставляли с Мухитдином ловушки на мелких грызунов, и каждое следующее утро третью часть нашей добычи составляли крупные желтогорлые мыши. На Урал-тау же и в Ю. Крака этот зверек так редок, что за несколько лет там поймали только одну желтогорлую мышь.

Красная сибирская полевка — самый обычный и многочисленный грызун в сосново-березовых лесах восточной части Южного Урала — на Масим-тау не попала нам ни разу, и мы ловили здесь только рыжих европейских полевок.

¹ «Лазят они на дерево, имея из тонких ремней сплетенной шириною в три пальца и нарочито упругой канат, к ирям. В дереве делают небольшие зарубки, к иртык, так чтобы ножные пальцы могли в оные вместились. Когда хотят лезть на дерево, тогда оное обняв к ирямом скрепляют концы в петлю, и, положив его через левое плечо и поясницу, упираются ногами в дерево и вешаются на канате навзничь. Потом руками взбрасывая канат кверху, и лежа на оном, удобно могут лезть кверху и вниз спускаться. Для предостерегания меду от медведей нарочито смешные выдуманы способы».

(Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 1, 1768—1769. СПб., 1771, стр. 192—193.)

Всю остальную часть лета 1940 года я пробыл в самом заповеднике. В этом году оно было особенно сухим и знойным; в горных южноуральских борах такое лето бывает не чаще, чем один раз в 8—9 лет. За полтора месяца, с середины июля до конца августа, прошел лишь один дождь. Высохла и пожелтела трава на южных склонах; побурели докрасна куртины вишенника и кизильника. Вейник, густо разросшийся на широких противопожарных просеках, желтел, как ржаное поле, и его соломинки стали жесткими, словно проволока. Узян обмелел; местами тростник очутился далеко от воды и выпустил длинные, 5—10-метровые плети, тянувшиеся к реке.

Жизнь глухарей не переставала интересоваться меня, и я часто думал, будут ли они токовать летом. О летнем токованье этих птиц почти ничего не было известно, кроме того, что оно наблюдалось когда-то, как очень редкое случайное явление в Альпах и на Среднем Урале. В августе 1939 года Филипп Леонович, ночуя на покосе, на рассвете услышал токованье глухаря и сказал мне об этом. Я убил того глухаря и прежде всего стал определять, молодой он или старый. Оказался молодым, 14—15-месячным глухарем, выводка прошлого года. Других летних токов в 1939 году найти не удалось, но в 1940 году я наблюдал летнее токованье от начала до конца. С двадцатых чисел июля я стал посещать глухариные токовища, отправляясь туда перед рассветом или ночуя вблизи них. Проходив как-то весь день в горах Крака, мы с Мухитдином остались ночевать на хребте, отделяющем р. Кагу от р. Саргаи. Село солнце. В поздние сумерки густой белый туман стал наполнять долину Каги. Поднялась луна, и еще белее стал туман: словно нестаявшая полоса снега лежала внизу под хребтом. Вскоре туман пополз вверх по логам. Перед рассветом я проснулся и увидел, что вершина хребта, где мы ночевали, стала небольшим темным островком. К югу, за Узяном, таким же островком выделялась вершина Авдыкты-тау, далеко за Белой темнела черная громада Масим-тау. Все остальное пространство было скрыто под пеленой беловатого густого тумана. Под лучами взошедшего солнца туман стал садиться и уходить вниз, но долго еще белели наполненные туманом глубокие и узкие долины Белой, Узяна и Каги.

Назад, в усадьбу заповедника, мы возвращались по речке Саргае. Она начиналась небольшим ручейком в глубоком долу, под плосковерхим хребтом, разделяющим бассейны рек Каги и Южного Узяна. Ручей извивался по узкому (в несколько метров шириной) днищу то между высоких кочек, поросших осокой, то в сыром березнике с густым и высоким вязолистным лабазником. Приняв несколько других ручьев, Саргае выбилась из кочек и заструилась по камням и гальке. Показались в ямках мальки хариусов, а еще ниже, за крутым скатом, по которому вода сбегала, как по мельничному лотку, мы увидели белорудых оляпок. Они то ныряли, доставая ручейников, то присаживались для отдыха на большие камни, торчавшие посреди речки.

Стараясь сократить наш путь, мы стали срезать излучины Саргаи и, поднявшись на отрог, наткнулись в сосново-лиственничном лесу на выводок бурундуков. Один из них взобрался на сосну и, вытянувшись вдоль сука, смотрел вниз. Вспомнив, что его можно поймать петлей, как ловят щук в жаркий день, я сказал об этом Мухитдину. Он сделал из лески волосяную петлю и, привязав ее к длинному тонкому шестику, старался надеть ее на шею бурундука, но зверек отводил лапкой петлю от мордочки. Наконец, Мухитдину удалось надеть петлю, и он резко дернул ее, пытаясь стянуть бурундука с дерева, но зверек крепко уцепился за сук, и петля оборвалась. После этого испуганный бурундук взобрался так высоко, что его нельзя было достать.

В июле глухари не токовали ни на одном токовище. 3 августа мы ушли ночевать к истоку одного из ручьев, впадающих в Узян, и расположились на гривке между отвершками. Ночью меня разбудил Мухитдин: «Сергей Васильевич, идет кто-то к нам». Просыпаясь, я услышал, как хрустнули сучки под чьей-то тяжелой поступью. «Зажги смолье, посвети», — сказал я Мухитдину, подымаясь от костра и меняя патроны с глухариной дробью на пули. Смолистая лучина быстро вспыхнула, Мухитдин поднял факел кверху, и мы пошли. Круг яркого света еще не дошел до того места, где были слышны шаги, как кто-то бросился назад в темноту, и шаги стали удаляться. «Видно, медведь подходил, я его следы часто видел в последнее время и на Бир-Тыше, и тут», — сказал я Мухитдину.

И опять стало тихо, турчали козодои да посвистывала одиночная сплюшка. В это утро на косогоре за ручьем запел глухарь. Подходить к нему надо было через густую траву и валежник, и Мухитдина пришлось оставить у костра. По логоу росла густая высокая трава, и холодная роса заливала меня, как дождь; не раз натыкался я на высокие кочки, не видные в тумане. Наконец, выбился на косогор; там подходить стало легче. А полоска неба на востоке становилась все белей и белей, уже можно было различить не только темные очертания крон, но и отдельные ветви на лиственницах. Глухарь пел, сидя вполдерева, на самой вершине косогора. До него было уже недалеко, но косогор был так крут, что не раз под ногами оползала земля или камень, и я падал на четвереньки, оставаясь неподвижным до следующей песни. Неожиданно глухарь замолчал, склюнул несколько хвоинок и слетел вниз на другую сторону косогора. Бесшумно, пригнувшись к земле и выбирая места, где было больше мха, поднимался я к гребню. Вдруг за рекой слышались — «бак-бак-бак» — звуки пролетающей над лесом глухарки. Сейчас же вслед за этим за гребнем слышалось хлопанье крыльев, и глухарь сел опять на ту же лиственницу, с которой он слетел несколько минут назад. Вновь сначала было слышно только редкое «ка-ду, ка-ду», но затем глухарь запел, и через несколько песен я был под лиственницей. Не закончив последней песни, глухарь упал, ломая сухие сучки.

Исследование летнего токованья было самым главным моим занятием в августе того года. Возникали вопросы: случайное ли это явление или оно бывает ежегодно? Где токуют летом глухарь — на тех ли токовищах, где они токут и весной, или в других местах? Каков возраст глухарей, токующих летом? Вылетают ли глухарки на летние токовища? Спариваются ли они с глухарями?

Надо было побывать на всех весенних токовищах и добыть для определения возраста и для других целей хотя бы 5—6 глухарей. «Завтра тебе экзамен, — сказал я Мухитдину после того, как началось летнее токованье и мы побывали на двух токах. — Сходи один на Саптаратский ток. Теперь ты знаешь, как надо подходить». Ясно помню и сейчас, как возвратился Мухитдин с Саптарата и, войдя в лабораторию, снял рюкзак и вынул из него глухаря. «Два пело, — сказал он. — Как ты учил, так я подходил».

В то лето глухарь токовали почти на всех токовищах,

где они пели и весной. Там же наблюдалось летнее токованье и в следующие годы. Раз так, раз оно правильно и ежегодно повторяется, — значит оно не случайное явление. Но каково же его значение в жизни глухаря? Чем оно вызывается?

Весеннее токованье неразрывно связано с размножением. Но летом глухарки на токах почти не бывают: за 7 лет, в течение которых я вел наблюдения на летних токах, я видел глухарок только три раза. Я стал определять возраст глухарей, убитых на летних токах. Оказалось, что все они были сверстниками: все они были птицами, появившимися на свет в предыдущем году; возраст их равнялся 14—15 месяцам. Это были, повидимому, те годовалые глухари-«крэкатни», которые на весенних токах только начинали петь. Летом они как бы заканчивали свое первое токованье, начатое весной. Больше того — глухари, токовавшие летом, были способны к оплодотворению; это показало исследование их семенников.

Но почему глухарки почти не появляются на летних токах? (Конечно, не те глухарки, у которых были выводки, а холостые; такие глухарки встречаются каждое лето, и нередко.)

В природе существует закон: потомство у диких зверей и птиц появляется в то время года, которое наиболее благоприятно для жизни и воспитания детенышей зверей и птенцов птиц. Поэтому там, где хорошо выражены времена года, потомство появляется периодически, а не круглый год. Если бы глухарки спаривались с глухарями летом, то глухарята появились бы на свет осенью и, несомненно, погибли бы все поголовно.

ОСЕНЬ В ЗАУРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В том же году, в золотую осень с солнечными тихими днями и с заморозками по утрам, мы приехали опять в лесостепное Зауралье и снова наша первая остановка была на восточном склоне Урал-тау, у Черной Зимовки. Как груды рассыпанного червонного золота, желтели березовые колки; в огнистые шубы оделись лиственницы; краснела калина среди посеревшей, понурой ольхово-черемуховой уремы по Казмашу и Багры.

Близ нашего стана было одно из самых крайних поселений слепушонок, выдвинувшееся дальше всего по на-

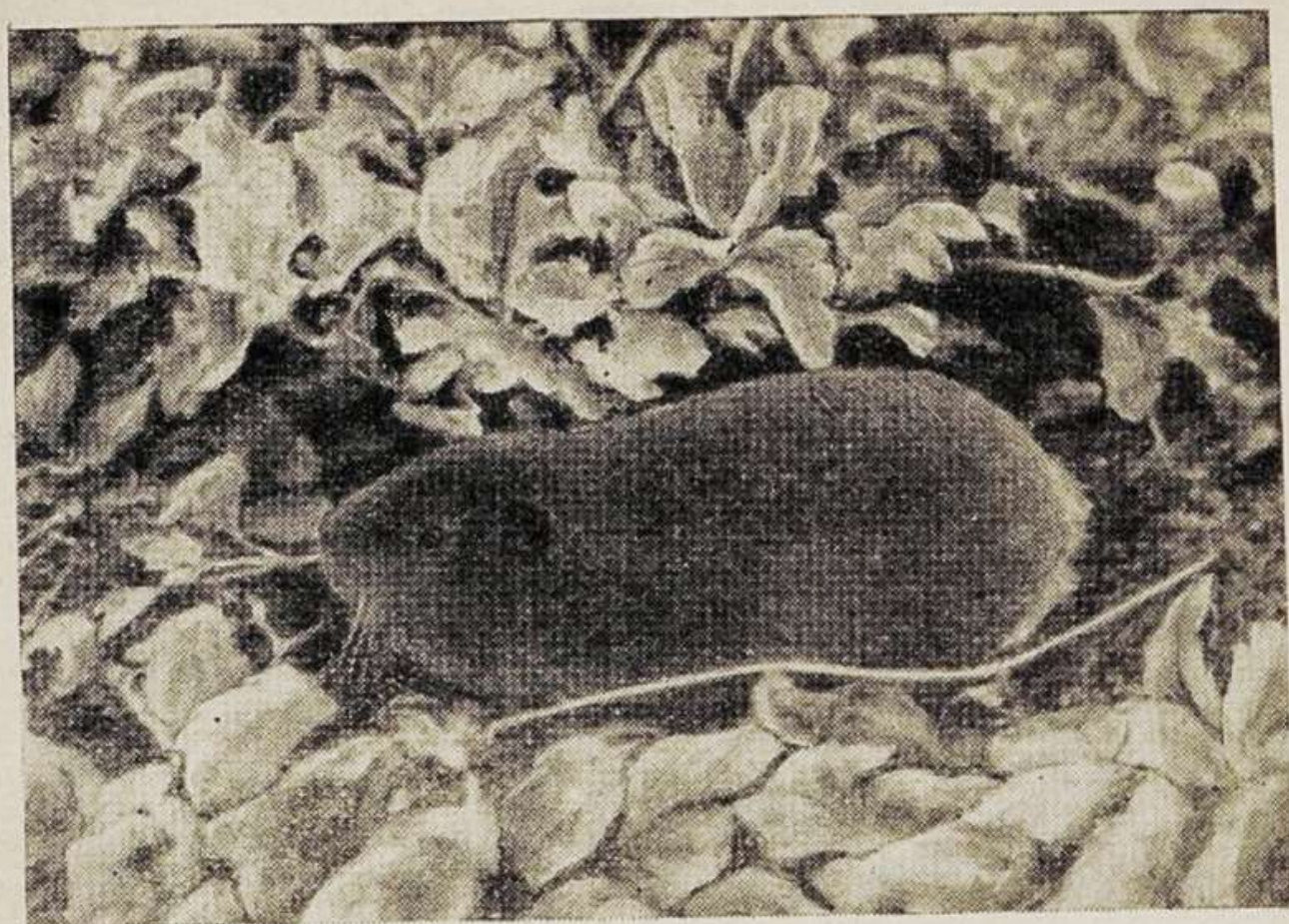
правлению к лесному поясу Урал-тау. Сколько слепушонок живет в самых крайних, не смыкающихся друг с другом, поселениях? Молодые или старые зверьки заселяют эти форпосты? Одинаковой ли масти¹ зверьки или нет? Что едят здесь слепушонки? — «Вот что нам надо узнать», — рассказывал я Филиппу Леоновичу и Мухитдину, когда мы ставили палатки. Трех зверьков, живших здесь, мы поймали очень скоро, поставив обыкновенные мышеловки-давилки поперек подземных ходов и натянув нитку между крючком, на который насаживают приманку, и гвоздиком, вбитым в край ловушки. Слепушонка, бегущая по подземному ходу, натывается на нитку, и ее прихлопывает проволочной рамкой. «Тут камагуа² нет. Что тут ест хукыр сыскан?» — спросил Мухитдин. «Здесь дикая картошка есть и земляных орешков много», — ответил я Мухитдину и показал ему зопник с большими, в голубиное яйцо, клубнями и земляные орешки — главную пищу слепушонок на восточном склоне Урал-тау. Кроме того, здесь росли сибирский порезник и горный клевер, корневища которых тоже поедаются слепушонками.

В поисках корма зверьки должны продвигаться под землей. Каждый день надо прокладывать новые ходы, чтобы найти пищу; каждый новый шаг они делают, лишь прогрызая для него предварительно землю резцами и откинув ее лапами назад. Но скоро откидывать становится некуда; тогда слепушонка прогрызает ход из-под земли наружу, загребает передними лапками порцию земли, придвигает к отверстию и быстрым толчком выбрасывает на поверхность. Когда вся земля из нового хода удалена, слепушонка крепко-накрепко забивает землей выход на поверхность, никогда не оставляя его открытым. Поэтому змеи не могут проникнуть в их поселения.

Сколько земли прокапывает и выбрасывает слепушонка за одни сутки? Чтобы решить этот вопрос, мы с Мухитдином окружили проволочной сеткой небольшой участок степи, опустив сетку глубоко в землю, чтобы слепушонка не могла подкопаться и уйти из ограды. Посреди площадки в ямку пустили слепушонку и закрыли углубление дерном, чтобы зверек не вылезал наружу. Через

¹ На восточном склоне Урал-тау есть и темносерые, и совершенно черные слепушонки; последние более редки.

² Башкирское название тюльпана Биберштейна.

Слепушонка.

Фото И. С. Турова.

36 часов мы измерили объем выброшенной земли; он равнялся двум с половиной куб. дециметрам. Почти та же цифра (2,466 дцм³) получилась, когда я измерил объем хода, прорытого слепушонкой в степной почве (его длина равнялась 210 см, а диаметр — 4 см). Следовательно, за одни сутки слепушонка должна прогрызть в земле ход длиной в 140 сантиметров и выбросить земли около полутора куб. дециметров. Огромная работа для такого маленького зверька! И вряд ли слепушонка смогла бы выполнять ее каждый день. Но они живут не поодиночке, а поселениями. В центре их колонии проложены по всем направлениям подземные дороги — труд всех слепушонок, живущих в поселке. По этим дорогам слепушонки уходят на поиски пищи, по ним они возвращаются домой. Ход, проложенный одной из них, используется другими; участок почвы, богатый пищей (клубнями и корневищами) и найденный кем-нибудь из зверьков, становится доступным для других. Труд каждого зверька — необходимое условие существования для всех членов данного поселения. В том поселении, где мы ловили слепушонок, их было немного, и на другой день ловушки оказались нетронутыми, а под-

земные ходы — не засыпаны землей; следовательно, все зверьки в этом поселении были пойманы. Мы нашли еще несколько островных поселений, расположенных по границе с лесным поясом Урал-тау, и в двух из них тоже выловили всех слепушонок. Потом мы выварили и очистили их черепа, и я стал определять возраст попавшихся зверьков¹. В первом поселении из шести пойманных слепушонок две (самец и самка) принадлежали к группе взрослых второй категории, а остальные четыре были полувзрослыми. Во втором поселении были пойманы взрослая самка, взрослый самец и три полувзрослые слепушонки. В третьем поселении оказалось шесть молодых полувзрослых слепушонок и пара взрослых.

Когда я сказал об этом Мухитдину и Филиппу Леоновичу, то они сразу предположили то же, о чем думал и я: крайние форпосты поселений слепушонок, выдвинувшиеся наиболее далеко из лесостепного пояса к сплошным лесам Урал-тау, заселены отдельными семьями этих зверьков. В первой семье все слепушонки оказались темными (черными и дымчато-черными), а в двух других — пепельно-желтоватыми.

С восточного склона Урал-тау мы переехали в долину р. Б. Кизил — туда, где эта река разделяет хребты Кыркты и Ирендык. На ровных и повышенных местах кизильской поймы среди растений обычны земляные орешки, смолка, перистые ковыли и лишь западины были покрыты осокой и вязолистным лабазником. На высокой пойме всюду, кроме западин, были видны холмики слепушонок. Мы раскапывали их норы, искали кладовые, но больших запасов не находили; нам попадались небольшие расширенные отнорки с клубнями зопника и земляными орешками; весь запас весил по 300—700 граммов.

По Кизилу тесным строем плыли длинные вытянутые листья серебристых ив, похожие на игрушечные лодки-душегубки, и плотные, словно пропитанные воском, листья осоколей. Утром, когда я шел умываться, с черемухи слетел рябчик, отлетел, пробежал немного по земле и свистнул: «тии-тии-ти-ти». Впереди отозвался другой. Это была вторая встреча с рябчиками на Кыркты — Ирендыке. Здесь было два выводка: один то кормился в ольхово-

¹ Возраст слепушонок определяется по зубам (подробнее об этом написано в моей книге о птицах и зверях Южного Урала).

черемуховой уреме по Кизилу, то удалялся от нее в небольшую березово-сосново-лиственничную рощу, а второй не выходил за пределы уремы по р. Кирдасу.

Неподалеку от устья, несколько лет назад р. Кирдас проложила себе новый путь к Кизилу. Старое русло ее превратилось в каменистое обсохшее ложе, скрытое в густой уреме; новый же проток еще не успел обрасти ни черемухой, ни ольхой и шел, как глубокая канава, среди остепненных лугов. Жители соседней деревни время от времени запруживали новое русло и пускали воду по старому, выбирая рыбу в обмелевшей речке. То же самое решили сделать и мы. Филипп Леонович остался в устье речки и поставил там вентерь, а мы втроем устроили плотину из дерна и земли и пустили воду по староречью. Вода быстро уходила, и вскоре заплескались на мели форели и ельцы, а налимы и гольцы, оставшиеся в колдобинах, пытались прятаться под камнями.

Ночью по безлесному каменистому склону к Кирдасу свистели сеноставки. «Как у нас на Шайтан-тау», — вспомнил о родине Мухитдин. Утром мы пошли искать их стожки. Первый найденный нами стожок был сложен под навесом очень большого камня; сеноставка начала ставить его совсем недавно, вероятно накануне, и под камнем лежало по несколько хорошо высушенных веточек раkitника, степной вишни, горицвета и полыни. Под камень с обеих его сторон шли норки, а под навесом было сделано и открытое логово из сухой травы, похожее на гнездо степного конька.

Третьим местом наших осенних наблюдений над природой лесостепного Зауралья был Кара-таш. Рябчики, еле перепархивавшие в июне, уже стали почти взрослыми. Кроме того выводка, который мы нашли в начале лета, нам встретился и другой, державшийся в уреме по речке Ниязы. Рябчики оказались очень редкими птицами на Кыркты — Ирендыке: только четыре выводка нашел я здесь летом и осенью 1940 года. Не раз бывал я на этих хребтах и в другие годы (1941—1945), но, кроме Кара-таша и устья р. Кирдаса, рябчиков я не видел нигде. Не нашли мы на Кыркты — Ирендыке ни глухарей, ни белок. Не было здесь медведей и рысей; не было садовой сони и желтогорлой мыши. Но больше, чем в горных лесах, и больше, чем на восточном склоне Урал-тау, было барсуков, лисиц и косуль.

Жаркое, засушливое лето сменилось долгой золотой осенью. Весь сентябрь стояли светлые, солнечные дни; во второй половине его были часты большие утренники; словно в первую порошу, белели от густого инея луговые западины, ломалась под ногами замерзшая кровахлебка, дружно падали листья с прибрежных деревьев и плыли по речке густыми рядами. 3 октября на окнах расцвели первые узоры от инея, а вслед за этим пришел первый заморозок; побелели луга по Узяну и поляны в лесу, лишь желтые метелки вейника да побуревшие стебли дудника и порезника торчали над снежной пеленой. Заморозки следовали один за другим.

Пока зима не пришла совсем, мне нужно было съездить в прибельское чернолесье, побывать в пещерах, узнать, какие виды летучих мышей там зимуют, и окольцевать этих зверьков. В начале октября вместе с Мухитдином, Филиппом Леоновичем и препаратором мы уехали в прибельские леса и остановились близ устья Узяна. В тот год желудей уродилось столько, что лесные дорожки были засыпаны ими почти сплошь, но мышей, полевок и белок было очень мало, и желудями кормились главным образом сойки, глухари и косули. Мы заметили, что два дня подряд утром и вечером над нашим станом пролетала стайка тетеревов и направлялась в то место, где было много крупных дубов. «Тетерева, наверное, присядут к чучелам, если их поставить на этих дубах», — сказал я, следя за перелетом, и Мухитдин с препаратором решили попытаться счастья и поставили чучела. Охота с чучелами в дубняках оказалась недобычливой; сама стая тетеревов была небольшой, около тридцати штук, да и присаживались они к чучелам редко, а садились врассыпную по дубам с неосыпавшимися еще желудями или искали их на земле. За утро или вечер удавалось стрелять не больше двух раз, а то и ни разу.

Зайцы уже сильно побелели и были видны издали в голом чернолесье. Холодные дни с морозящими дождями заставляли зайцев искать убежища в больших колодах с выгнившей сердцевиной. Весь день не было просвета в низком сером своде неба; бездомно глядело чернолесье сквозь черные рогатины сучьев; вечером сырая мгла опускалась на лес и поляну и начинал идти мелкий дождь,

Широколиственный лес у речки Емашлы.

Фото автора.

продолжавшийся всю ночь. Он прогонял нас от костра в палатку на утомительно долгую, безмолвную, промозглы-сырую осеннюю ночь, и поэтому, как только начинало светать и стихал дождь, мы торопились уйти в лес. На дубах сидели бурундуки, умывая лапами мордочки; шумно рас-саживались по вершинам деревьев глухари; суетливо вер-телись сойки; проворно и бодро, то подымаясь спиралью вверх по стволам, то соскальзывая вниз, очищали деревья от яичек и куколок насекомых поползни; рядом с ними порхали по сучьям и ветвям пухлые черноголовые гаички. Уже слышны были голоса недавно появившихся снегирей; пролетали над лесом мохноногие канюки.

Наконец, в первый раз за целую неделю мы увидели звезды. Утро было ясное, с морозом. Надо было воспользо-ваться прекратившимся ненастьем, и мы заторопились уехать к Каповой пещере — одной из самых больших пе-щер Южного Урала.

Поздно вечером мы приехали в д. Ак-Булатово и оста-новились у Мустафы Газизова. Он сказал нам, что к Ка-повой пещере можно проехать двумя дорогами: одна, более далекая и тяжелая — по ней ездят редко, когда нельзя

переехать Белую вброд; сейчас Белую можно переехать у хутора КулаMAT, туда нам надо и ехать. На следующий день мы были на Белой и остановились возле устья р. Шульган. Эта речка почти весь свой путь течет глубоко под землей; вода в ней летом холодна, как в роднике, а зимой не замерзает. Речка выбивается на поверхность из-под каменной стены, у самого входа в Капову пещеру и, пройдя всего около 200 метров, впадает в Белую. Но воды в Шульгане столько, что ее хватало на то, чтобы приводить в движение маленькую мельницу.

Для ходьбы по пещере надо было заготовить факелы, и Филипп Леонович с Мухитдином ушли искать сухостойную смолистую сосну, а я решил осмотреть Шульганское ущелье. Прямо от пещеры попасть в него нельзя: путь преграждала высокая отвесная каменная стена; надо было подняться на гору, а оттуда уже спуститься в глубокое ущелье, запорошенное снегом, — солнце редко заглядывает туда. В куртинах молодых березок, прилепившихся по уступам скал, пересвистывались рябчики; часто поднимались они и с совершенно безлесных скалистых склонов, куда их привлекал горный очиток; осенью рябчики охотно едят его листья. То с подхода, то приманивая на пищик, я убил несколько рябчиков и вдруг наткнулся на свежий след рыси, направлявшийся вниз по ущелью. Перед скалой, стоявшей на повороте теснины, я услышал, как по склону покатались камни, и бросился вперед, но опоздал: на снегу виднелись отпечатки прыжков рыси, скрывшейся за скалами. Рысь дошла до обрыва, которым заканчивалось ущелье, и повернула обратно; не стреляя я рябчиков, мы наверное встретились бы с ней.

Когда я возвратился, Филипп Леонович и Мухитдин кололи у палатки смолье, и затем мы пошли в пещеру. В 1760 году в первом этаже этой пещеры был П. И. Рычков. Через 10 лет ее посетил И. И. Лепехин, исследовавший не только первый, но и второй этаж. В основном пещера осталась такой же, какой она была при посещении ее Лепехиным, оставившим подробное описание, но местами, повидимому, произошли обвалы. Пещера начинается большим высоким залом. В переднюю часть его проникал солнечный свет, но дальше стало темно, и мы зажгли факелы. В задней части зала весь низ пещеры был завален грудой каменных глыб и больших угловатых камней. По ним довольно долго приходится идти до следую-

щего зала. Пройдя его, мы вступили в узкий и низкий проход, за которым вошли в третий зал. На его потолке, на высоте 15—20 метров, виднелось отверстие, а на полу валялись остатки полусгнившей лестницы, по которой когда-то можно было подняться на второй этаж. За третьим залом пещера так суживалась, что нужно было идти согнувшись. Тесный и низкий проход выводил в четвертый, последний, зал, заканчивавшийся тупиком.

Летучие мыши уже впали в спячку; прицепившись задними лапками за неровности камня, они висели на стенках пещеры. Местами их можно было достать рукой, но чаще темные комочки были видны высоко вверху, и мы снимали их оттуда длинным шестиком. На зимовку в пещеру собрались три вида — ушан, двуцветный кожан и усатая ночница. Больше всего оказалось усатых ночниц, за ними шли ушаны; кожанов поймали лишь двух.

После Каповой пещеры мы осмотрели еще две небольшие пещерки, которые нашел Филипп Леонович, отыскивая смолье. Вторая из них была узкая щель; шагах в пяти от входа она расширялась настолько, что мы могли свободно стоять на коленях и вынимать из углублений висевших там ушанов и ночниц. Дальше опять пошла узкая щель, по которой можно было только ползти. Пробираясь вперед с факелом, я заметил, что он начал гореть очень тускло и стало тяжело дышать. «Полезай скорей назад», — сказал я Мухитдину и тотчас же потушил факел, отнимавший у нас кислород. Но до самого расширения, где мы ловили мышей, дышать было тяжело; зато с каким наслаждением вдыхали мы свежий воздух, вылезши из щели и лежа у ее входа...

К вечеру густые тяжелые облака поползли с гор. Быстро стемнело. Под нависшими низкими тучами еще чернее казался мрак ущелья, еще дороже были свет и тепло костра, и мы долго сидели у него. Препаратор спросил Мухитдина, где ему лучше — в заповеднике или там, где он жил. «В нашей стороне сейчас тепло, арбузов много. У нас дождь неделю идет, за один день сохнет. У вас дождь один день идет, за семь дён не сохнет. У вас урман хорош, глухаря много, илик¹ много. Мне в заповеднике хорошо жить, а о своем ауле скучаю все-таки». Заморосил мелкий дождь; среди дождевых капель, как мел-

¹ Башкирское название косули.

кие ночные бабочки, замелькали в свете костра хлопья мокрого снега. Пришлось уйти в палатку. К утру ее полотнища провисли под тяжестью выпавшего снега. Снег продолжал опускаться, присыпая желтизну неопавших листьев смородины и румянец рябин.

«Как теперь уехать отсюда?» — должно быть у всех нас одновременно мелькнула одна и та же мысль. Из-за снежницы, густо плывшей по реке, вода в Белой поднялась настолько, что переехать ее вброд нечего было и думать. Хотели было подниматься по круче, где шла тропинка от мельницы к сыртовой дороге, но там лошади не могли подняться с телегой. К счастью, к нам подъехал Мустафа, приехавший верхом на мельницу и привезший молоть рожь. «Мустафа! Как нам выбраться отсюда?» — «Через урман дорога есть на Шульган — там крутого места нет; как-нибудь до деревни доехать можно. Я мало-мало хлеб мелю, с вами пойдем». Мустафа показал нам дорогу и поехал вперед один, так как наши лошади еле тянули телегу. К ее колесам налипал снег, и мы то и дело стучали по ним обухами, стряхивая пристывшие пласты снега. От Каповой пещеры до д. Шульган всего лишь 8 километров, но это расстояние мы одолели только за 6 часов. Немногим легче была дорога от Шульгана до Ак-Булатова, куда мы приехали к вечеру. Снег не таял; стало морозить. Ночью скрылись последние облака. Утром нам пришлось оставить телегу в деревне и уехать оттуда на санях, достать которые нам помог Мустафа.

Темная тяжелая вода Белой была перемешана с ледяным салом, медленно плывшим по реке и похожим на затопленный снег. Паром обледенел и осел так глубоко, что десять человек с трудом передвинули его с одной стороны реки на другую. По Белой шел огромный косяк подустов становиться в ямах на зимовку. Рыбы было так много, что дно реки казалось серебряным, когда подусты повертывались и ложились на бок. А ниже парома, среди Белой, среди шуги, ныряла и плавала стайка крохалей, ловивших рыбу; немного подальше расположилась стая морянок.

НЕОБЫЧНО МНОГОСНЕЖНАЯ ЗИМА 1940/41 ГОДА

В эту зиму снег лег очень рано — 22 октября. Такой многоснежной зимы, какой была зима 1940/41 года, я не видел на Южном Урале ни до нее, ни после. Уже 2 ноября

начали ходить на лыжах. Косулям стало трудно копытить траву из-под глубокого снега, и поэтому стога уже в начале ноября были истыканы мордами косуль, достававших сено.

С 21 по 23 ноября шел густой мокрый снег, налипая тяжелыми грудками на кронах деревьев. В белые арки сгибались молодые деревья в частом березнике, гнулись в дугу тонкие сосенки, а те, что были толщиной в жердь, ломались пополам. Еще больше поломалось хрупких ольх, неспособных к сгибу, и целые участки ольховой уремы превратились в сплошной поллом.

В начале декабря по делам заповедника мне надо было съездить в д. Субхангулово. На высоком водоразделе между Узьяном и Белой на полянах закурилась поземка и стала засыпать дорогу, наползая на нее снежными языками. Посыпался снег, зашумел лес. В дальнем краю поляны поднялись и закружились снежные смерчи. Вот они наклонились, упали было, но снова выпрямились и понеслись через поляну в лес. Вой ветра сливался с гудением телеграфных столбов.

Спуск к Белой так крут, что обычно сани приходится тормозить, но буран перевеял дорогу, и надобность в тормозах отпала. Буран так разбушевался, что нам пришлось прожить три дня на Белой и только на четвертый день мы тронулись дальше. За поворотом реки — там, где каменная стена ущелья обрывалась и в Белую впадала горная речка Аюды, — в сером рассвете неясно чернели очертания каких-то крупных животных. «Лоси», — шепнул мне Филипп Леонович. Лоси стояли в двухстах шагах от дороги, повернув головы в нашу сторону. Подождав, пока мы проехали, они спустились на Белую, пересекли ее широким размашистым шагом, оставляя на снегу глубокие паволоки, и стали подниматься в гору. На следующий день мы возвращались из Субхангулова, но я решил ехать более далекой дорогой, чтобы посмотреть, сколько лосей перешло за эту ночь через Белую на участке от Субхангулова до Байназарова (между этими деревнями по Белой около 35 км). Ночью выпал небольшой снег, и следы были ясно видны. Двести семь лосиных следов насчитали мы, пока доехали до Байназарова.

Каждый год в начале зимы лоси переходят из чернолесья, расположенного к западу от р. Белой, на восток, в сосново-лиственные леса. Там они останавливаются на

зимовку в разных местах, но больше всего — в глухих, редко посещаемых лесах Урал-тау, особенно в верховьях р. Суваняк. Что же заставляет лосей покидать их родные места и уходить на зимовку в восточные леса?

Главных причин этому, повидимому, две. В западной части горнолесного Южного Урала снега выпадает значительно больше, чем в восточной. В прибельском чернолесье снег глубиной в метр обычен в середине или конце зимы. Передвигаться по такому снегу очень трудно даже лосям. Да и укрываться в голом чернолесье им хуже, чем в сосново-лиственных лесах. Чем больше выпадает снега в начале зимы, тем раньше начинается откочевка лосей на зимовку. В конце ноября 1940 года снег в лесу был глубиной в полметра (в среднем). В эту зиму первые лоси, откочевавшие из прибельского чернолесья на восток, были замечены 29 ноября¹.

Снежный покров имеет огромное значение в жизни и размещении многих видов животных. В такую исключительно многоснежную зиму, какой была зима 1940/41 года, было особенно интересно проследить, как отражается глубина и плотность снега на животных не только в уральских лесах, но и в степи. Для этого в декабре 1940 года мы с Мухитдином прошли на лыжах от Урал-тау до увала Кур-Ятмас, что расположен в степи к востоку от хребта Кыркты. На плосковерхой вершине Урал-тау лыжи на целую четверть тонули в рыхлом перемерзшем снегу, а снегомерная рейка глубоко уходила в него. Густая тяжелая снежная навесь («куржак») окутывала кроны сосен. Лоси во многих местах исходили Урал-тау. В густых молодых осинниках они кормились; там же они становились и на отдых или же, в жестокие бураны, забирались в куртины частого молодого сосняка. Но косули к этому времени уже покинули Урал-тау; по такому глубокому снегу им трудно передвигаться, и они ушли на восток, в предгорную лесостепь.

На восточном склоне Урал-тау снега было значительно меньше, чем на вершине хребта. Особенно мало было его на сдувах, по каменистым взлобкам. Лосиных следов на восточном скате хребта почти не было видно, но на смену им появились следы и тропки косуль. По следам было

¹ В малоснежную зиму 1944/45 года перекочевка лосей из прибельских лесов началась на целый месяц позже.

видно, что косули бродили по мелкоснежным степным местам, срывая неосыпавшиеся листья раkitника и степной вишни, или разрывая копытами снег и доставая из-под него полынь, типчак, девясил и другие травы. У Черной Зимовки следы соединились в торную тропинку, приводящую нас к стогу. Снег вокруг него был притоптан и перемешан с объедками сена. Косули, видно, уже давно стали кормиться у стога, и он начал походить на гриб, так как верхняя часть его нависала, как шляпка, над нижней: так сильно объели его косули.

Еще больше косульих следов было на хребте Кыркты, где ветры сдували снег с крутых каменистых склонов, сметая его в глубокие щели и лесные колки. Мощность снега на западном склоне Кыркты была примерно такой же, как и на восточном склоне Урал-тау. И Урал-тау, и Кыркты-тау (с его южным продолжением — хребтом Ирендык) служат резкими природными границами: Урал-тау отделяет глубокоснежные нагорнолесные районы от менее снежных районов предгорной лесостепи, а Кыркты и Ирендык — предгорную лесостепь от малоснежных степных районов.

Глубина снега начала заметно убывать уже на восточном склоне Кыркты, а когда мы поднялись на увал Кур-Ятмас, то увидели ходивший по степи табун заиндевевших, одетых в густую зимнюю шерсть, лошадей. Глубина снега в степи была в два раза меньшей, чем на Урал-тау, и почти всюду над тонким слоем снега подымались пушистые от инея метелки ковылей и седовато-серые головки полыней, а на сдувах серела стылая истрескавшаяся земля. То сопровождая копытивших¹ лошадей, то отдельно от них, по степи летали стайки рогатых жаворонков и пуночек. Эти птицы в нагорнолесных ландшафтах появляются осенью и затем, с углублением снега, покидают их и переселяются в степь, где и живут всю зиму.

За Кур-Ятмасом мы свернули в сторону к ометам пшеничной соломы, где летали мохноногие канюки. Часть их сидела на ометах, выслушивая шуршавших в соломе полевок и мышей. «Смотри — ак япалак² сидит», — указал мне Мухитдин на полярную сову, безбоязненно сидев-

¹ Копытитъ — разбивать снег копытами и доставать из-под него траву.

² Белая сова.

шую на кургане. Но косульих следов в степи не было: на открытой ровной степи им было бы трудно укрыться зимой от врагов, и они избегали заходить в степь. Зато здесь было много следов русаков, которых мало в лесостепи и почти нет совсем в нагорнолесных ландшафтах Южного Урала.

Восточней Кур-Ятмаса мы перестали измерять снег и повернули назад. Да и пора было возвращаться. Стал потягивать ветер, и на дорогу, как тень, тихо ползла поземка.

Лыжи быстро скользили под уклон с Кур-Ятмаса, но впереди был крутой подъем на Кыркты, и он задержал нас. Вершина хребта зашумела, как море в непогоду; полетел мелкий снег, сливаясь с поземкой в белесую мутную пелену. «Поскорей бы в Казмаш добраться, к Хасану», — торопил я Мухитдина. Крупинки сухого, быстро летевшего снега резали и жгли лица, когда мы быстро скользили на лыжах, спускаясь с Кыркты. Проскрипели лыжи на мосту через р. Кизил, но самого моста мы уже не могли различить в темной воющей мгле разбушевавшегося бурана. Как Колумб земле, — так рады мы были показавшимся огням Казмаша, и через несколько минут отряхивали с себя снег на дворе у Хасана, слушая, как буйный ветер гудел на увалах и сопках. Незадолго до нас туда приехал и Филипп Леонович с другим рабочим, их послали из заповедника в Магнитогорск. «Ну и погода», — громко постукивая замерзшими валенками, сказал рабочий, входя в избу. «Так и жизнь — то красавица, а то трясавица», — добавил Филипп Леонович.

В январе 1941 года в заповедник должны были привезти маралов из Алтайского края. Когда-то эти олени жили на Южном Урале и в северо-западном Казахстане, но затем были истреблены. В наше время, начиная с 30-х годов, стали восстанавливать ценных зверей (особенно речного бобра и соболя) в тех местах, где они раньше водились. Кроме того, стали расселять некоторых зверей и рыб и там, где их раньше никогда не было. На Южном Урале выпустили не только маралов, живших здесь раньше, но и пятнистых оленей, сюда же завезли американскую норку, более ценную, чем местная европейская норка; в зауральских озерах успешно прижились рипус и чудской сиг.

Лишь в феврале, после того как перевезли из Магнитогорска (ближайшей от заповедника железнодорожной

Марал.

Фото Н. Н. Немнонова.

станции) маралов и выпустили их в загон, я мог уехать в Москву, где пробыл до конца мая. Мухитдин и Филипп Леонович часто писали мне письма, сообщая о том, что происходило в заповеднике. Письма Мухитдина сильно отличались от тех, что он когда-то писал из Сакмагуша. Два года он занимался русским языком в кружке, два года ему постоянно приходилось говорить по-русски. Все чаще он приходил в библиотеку заповедника. Вначале ему больше всего понравились русские народные сказки и «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого. Потом, уже больше овладев языком, он с увлечением читал «Страшную месть» и «Вия». «Прямо сердце замирает», — рассказывал он о конце Хомы Брута. Помню, как он был потрясен книжкой о путешествиях и трагической гибели Амундсена.

Филипп Леонович и Мухитдин уже к концу марта писали мне, что снега выпало очень много и пришлось наставлять обычные снегомерные рейки. Косули гибли по всему Южному Уралу. Они не могли уйти по такому глубокому снегу от волков и браконьеров и, свернув в сторону со своих тропинок, после каждого прыжка тонули в снегу и через 100—200 метров останавливались, тяжело дыша, и начинали реветь. Вскоре к волкам и браконьерам прибавились новые хищники — собаки. Сначала их брали с собой браконьеры, а затем собаки стали уходить одни. Найдя косуль, они быстро догоняли их и вырывали куски мяса у замученных, еще живых животных.

Вороны, питающиеся зимой (на Южном Урале) падалью, в этот год легко находили себе корм, доедая остатки косуль, зарезанных волками и собаками. Уезжая из заповедника, я просил Мухитдина наблюдать за гнездованьем этих птиц на Алакбаре, где было гнездо в прошлом году. В 1941 году вороны стали нестись в начале марта, когда в горнолесном Урале была еще зима.

14 марта, писал мне Мухитдин, в гнезде уже была полная кладка из пяти яиц. Несколько раз Мухитдин замечал в гнезде куски косульего мяса, принесенного вороном-самцом. 20 марта гнездо было застелено сухим ковылем; вороны, вероятно, наносили его из тех стогов, откуда рабочие возили сено в заповедник. 5 апреля вылупились первых два вороненка, а на другой день — третий.

Весна была поздней и затяжной. На 16 дней позже, чем в 1940 году, пошел лед на Узяне; на три недели позже сошел снег на полянах и на ровных местах в лесу; на

столько же времени запоздало появление первых цветов.

В заповедник я возвратился 29 мая. Никогда я не видел в зауральской степи так много воды в мае, как в том году. От Магнитогорска до Кур-Ятмаса вода стояла на всех низинах и стекала ручьями по лощинам. На Уралах повсюду хлюпала под ногами вода, и на еланиях сквозь пожелтевшую, старую ветошь только что начинала пробиваться молодая трава. На Узяне была еще большая вода и переехать вброд его было нельзя; пришлось подыматься вверх по крутой объездной дороге. Высоко вверху над Узяном, на молодых березках начали распускаться листья — на три недели позже, чем в прошлом году.

Лето было таким, что, как нельзя лучше, сбывалась народная примета «лето по зиме». Насколько часто и помногу выпадал снег зимой, настолько часто и обильно шли дожди летом. Влажные луговые елани раскисли, как топи, и по ним нельзя было проехать на телеге. Ненастье, продолжавшееся весь май и июнь, совпало с временем цветения многих растений, и в это лето не уродились ни клубника, ни черника. А на степном склоне Башартской горы, где в предыдущее знойное лето отливали серебром пушистые ости ковыля, в 1941 году ковыль не цвел совсем.

Резкие отклонения от обычного хода природных явлений, свойственных какому-либо времени года, оказываются губительными для одних видов животных и, наоборот, благоприятными для других. Так было и в зиму 1940/41 года. Под толстым слоем снега, выпавшего необычно рано, земля не промерзла совсем, и кроты без труда находили пищу. Летом 1941 года их стало значительно больше, чем в предыдущем году. Осматривая гнезда канюков, мы наряду с полевками часто находили в них и кротов.

Редко где на Южном Урале так много гадюк, как в Ю. Крака, но и здесь их никогда не было столько, как летом 1941 года. Они встречались повсюду — и на лесных полянах, и на лугах, и в лесу; больше всего было серых, нередко встречались совсем черные; иногда попадались и рыжие. Один из зоологов заповедника изучал питание и размножение змей и ящериц, и Мухитдин часто приносил гадюк в лабораторию. Он научился быстро схватывать гадюку за хвост и приносил ее живой, если ловил неподалеку от усадьбы. Гадюка пыталась изогнуться и укусить

его за руку, но Мухитдин внимательно следил за ее движениями и, как только голова змеи приближалась к его руке, он резко встряхивал гадюку, и она опять повисала, как плеть. Иногда он допускал ее настолько близко, что, по его словам, «слышно, как змея на руку дует». — «А помнишь, как ты веретенницы испугался на Явале? Говорил, что это стрела-змея, что она дуб пробивает», — сказал я ему. Мухитдин рассмеялся: «Глупый был».

Дожди и плохие дороги задержали наш выезд в нагорную южноуральскую тайгу — на Яман-тау и Иремель, куда я собирался в том году, а вскоре наши планы рухнули совсем.

ПИСЬМА МУХИТДИНА С ФРОНТА

22 июня прискакал нарочный из района с вестью о войне. Месяца через два пришла телефонограмма о мобилизации Филиппа Леоновича. Помню тот тихий солнечный день, когда мы с Мухитдином провожали нашего спутника по уральским путешествиям. По-осеннему тихи были светлые березовые рощи; среди зеленой листвы уже кое-где показались первые золотые пряди. На расстанях¹ старых дорог, за речкой Сангильды, где когда-то втроем охотились на рябчиков, мы простились с Филиппом Леоновичем.

Спустя полтора месяца призвали Мухитдина. Вернувшись с призывной комиссии из Стерлитамака, он рассказывал об испытаниях, которым подвергались те, кого намечали в воздушный десант. «Мне ребята, которые раньше вышли с комиссии, сказали: тебя в темноте будут вести и незаметно подведут к погребнице; если крикнешь, когда в яму будешь падать, — в десантники не возьмут. Я молчал, не крикнул».

Мухитдин уже в феврале 1942 года писал, что пятнадцать раз прыгал с парашютом; три из них — в тылу врага. «Нам дали валенки, теплые меховые брюки, теплое белье. Можно вытерпеть, — неделю в снегу лежать». И в этом же письме Мухитдин спрашивал о том, что он наблюдал бы в заповеднике, если бы был там. «Очень хочется знать, на Алакбаре нынче было гнездо ворона или нет. Начали ли глухари чертить? И косулей много ли? И волков?» Не получая вестей от Филиппа Леоновича, он

¹ Росстани — скрещение дорог.

спрашивал: «От Филиппа Леоновича есть слух или нет?» А Филиппа Леоновича уже не было: он погиб в первый же месяц на Брянском фронте.

Целых три месяца, всю весну не было писем от Мухитдина, и только в июне я получил от него весть и узнал, что он шел по Белоруссии и смоленской земле, пробиваясь из окружения. Ему, выросшему в сухом и знойном южном Присакмарье, не понравилась сырая и дождливая западная весна. «Нахожусь на западе, — писал Мухитдин, — близко от твоей родины. Она мне не нравится; здесь дождь идет каждый день; место болотистое. Был в Ельне; от нее ничего не осталось, только торчат одни трубы. Был в Вязьме, был недалеко от Смоленска. Шли мы к востоку около 400 километров».

Урал — то Шайтан-тау, где Мухитдин родился и вырос, то Башкирский заповедник, где он работал и откуда мы путешествовали, — неотступно стоял перед глазами Мухитдина, и он просил напомнить, в каком месяце мы ездили из заповедника на Шайтан-тау, «...и сколько дён проехали... и когда к вершине Сакмары ездили и сколько глухарей убили».

В августе Мухитдина перебросили на Сталинградский фронт. В пути он написал короткую записку: «Пишу письмо на ст. Тамбов. Жди письмо с новым адресом. Да, Сергей Васильевич, придется ли нам с тобой опять ходить на охоту... Поехали дальше». С этого фронта пришли только две записки. В первой было: «Нахожусь на фронте. Бьем немцев, чтоб скорей уничтожить проклятого Гитлера. Может откроется филиал заповедника на Шайтан-тау. Хочу опять ходить с тобой. На летних токах сколько глухарей было?» Следующая открытка пришла из Сызрани: «Ранен. Нахожусь в госпитале в Сызрани». Более подробно о ранении Мухитдин написал в следующем письме: «Сильно ранен в правую ногу под Клетской. Пулевое ранение сквозное... За выполнение боевой задачи присвоили мне звание старшего сержанта. Был командиром отделения на фронте».

Из Сызрани Мухитдина отправили в Омский госпиталь. Мухитдин знал, что по делам заповедника мне приходилось бывать в Уфе, проезжая туда через Магнитогорск и Челябинск. Вот почему, приехав в Омск, он написал: «Ехали через Куйбышев, через Уфу. Там смотрел тебя, думал — может, ты приехал в Уфу. Никого не встре-

тил. Приехали в Челябинск, и там смотрел — тоже никого не видел».

Из Омска Мухитдин прислал несколько писем. В одном из них он писал: «Выздоровливаю, уже начал ходить. Очень хочется посмотреть заповедник. Уже время охотиться на рябчиков. Сегодня выписали моего товарища. С ним был 10 месяцев вместе и вместе прыгали с парашютом, вместе вышли из окружения. Когда его выписывали из госпиталя, я просил, чтобы меня вместе с ним отправили в часть. Но дело не вышло. Так жалко мне было расставаться с товарищем».

Последнее письмо из госпиталя: «Пишу, стало быть, последнее письмо из Омска. Скоро декабрь, время кататься на лыжах и охотиться на зайцев. Когда придет время охотиться? Подлый Гитлер заставил меня бросить заповедник. Если б эти гитлеровские мерзавцы не пошли на нашу землю, я бы ездил опять по Уралу, книжки бы читал, учился. Ну, Сергей Васильевич, еще раз собираюсь на фронт защищать родину. Очень хочется встретиться с тобой, ездить на Шайтан-тау, в Капову пещеру, на Кыркты, Ирендык. Пожелай успеха мне на фронте. И я желаю тебе успеха. Пиши чаще».

Третий фронт, где сражался Мухитдин, был Ленинградский. Только три письма пришло оттуда. На первом из них была дата 16 февраля 1943 года: «Выехали на фронт из Ногинска 7 февраля. Теперь идем пешком. Я пока жив, здоров. Ничего не случилось, только немного мучает раненая нога».

«Я жив, здоров, — писал Мухитдин и во втором письме от 2 марта. — Третий раз приехал защищать родину. Уже полтора года, как уехал из заповедника. Очень хочется встретиться с тобой. Пиши письмо». 7 марта Мухитдин писал: «Получил от тебя письмо, которое ты писал 31 января. Так радостно читал. Да, скоро настанет время ходить на охоту, на глухарей. Помню, как мы с тобой ходили на Явал. Я до того ни разу не слышал, как поют глухари. Придет время, когда-нибудь встретимся опять мы с тобой, будем ходить на охоту. Сейчас нахожусь на фронте. Эх, еще б ехать в Кувандык, Зилаир. Не дали в 41 году ехать в отпуск из заповедника в Сакмагуш Гитлер холера, подлый Риббентроп; навязали войну против нас. Пиши, какие новости в заповеднике. Привет всем знакомым». Это было последнее письмо от моего друга.

15 марта 1943 года Мухитдин был тяжело ранен под д. Сосновкой Ленинградской области и спустя два дня умер в госпитале. Умер за то, чтоб жила и была свободной и независимой родная земля.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД В ГОРНЫХ ЛЕСАХ

В годы войны мне пришлось вести в заповеднике другие работы, вызванные военным временем, а зверями и птицами я занимался лишь попутно и только в районе заповедника и ближайших окрестностях его.

После исключительно многоснежной зимы 1940/41 года особенно сильно выделялась своей необычностью зима 1944/45 года. Конец лета и вся осень 1944 года были засушливыми. С середины августа до половины сентября, целый месяц, стояла жаркая, сухая погода; еще 11 сентября было 30° тепла. В середине сентября лето резко сменилось осенью, начались сильные утренники, но по-прежнему было сухо. В октябре глубокие трещины избороздили землю, как морщины старческое лицо. Обмелели реки, пересохли совсем такие ручьи, где в прошлые годы всегда была проточная вода. Начиная с ноября, на всю зиму установилась сухая морозная погода. Правда, морозы свыше 35° были редки, но также редки были морозы и меньше 20 градусов. А снега выпало так мало, что в самом конце декабря он был не глубже, чем в четверть. Не стало его больше ни в январе, ни в феврале; на безлесных склонах под действием ветра и солнца снега стало даже меньше, и серые головки полыней качались поверх него.

Большинство речек и ручьев промерзло до дна. Вода по трещинам выступала на лед и, разливаясь по нему, застывала; наледи, затопив все русло реки, нарастали в большие ледяные бугры и растекались по пойме, превращая ее в ледяные разливы. Трудно было найти место, где можно было бы сделать прорубь и набрать воды. Из Кулганина, стоящего на р. Узяне, за водой ходили за полкилометра; с кордона Янги-Юл, расположенного на берегу р. Каги, за водой приходилось ходить за целый километр. Как только делали прорубь, в ней появлялись хариусы, пескари, гольяны, мелкие голавли; на дне виднелась снулая рыба.

Наледи и отсутствие корма заставили норок делать

большие перекочевки, искать вместо рыбы мышей и полевков. Перекочевывая, они нередко попадали в лапы беркутов.

Весной после спада воды по берегам речек и ручьев всюду валялась снулая рыба; ее подбирали канюки, и их погадки были наполнены рыбьей чешуей и костями. После этой зимы рыба на Южном Урале осталась главным образом в Белой (эта большая река, конечно, не промерзала) и в некоторых речках, питающихся преимущественно родниками, где даже зимой 1944/45 года оставались «тепловоды» — незамерзающие зимой участки.

Эта зима принесла смерть не только водным животным. Кроты всю свою жизнь проводят под землей и добывают пищу в почве. Зимой 1944/45 года земля в лесах Ю. Крака даже в середине марта оказалась промерзшей на глубину больше метра. На Ю. Крака слой почвы неглубок и обычно на глубине около метра подстиляется горной породой или землей, перемешанной с камнями и щебнем. Можно было заранее предположить, что после этой зимы в Ю. Крака переживут редкие, единичные кроты, оказавшиеся в тех, очень немногих, участках, где почва по каким-либо причинам промерзла на меньшую глубину или ее слой был толще 120 сантиметров. Так и случилось в действительности: весной я исходил Ю. Крака по всем направлениям и на пространстве, занимавшем около 400 кв. километров, нашел лишь три свежих кротовых хода.

Многие птицы из года в год гнездятся в одних и тех же местах, иногда даже занимают по нескольку лет подряд одни и те же гнезда. К таким птицам принадлежит и оляпка. Башкиры называют ее хау-тургай — «водяная птичка», потому что и летом и зимой она добывает пищу под водой (летом она кормится иногда и у воды, на берегу). Прежде оляпки круглый год жили на речках и ключах Ю. Крака. Я знал их гнезда на Б. Башарте, на Саргае и в Даниловском логу. Зимой, когда Б. Башарт и Даниловский лог замерзали, оляпки перемещались на Узян и Кагу к незамерзающим стрежам и перекатам, на «тепловоды». На Саргае они жили и зимой и летом. Но вот пришла зима 1944/45 года и во всем Ю. Крака не осталось нигде, ни на одной речке или ключе, таких мест, которые бы не были покрыты льдом или наледью. У оляпок был один только выбор: или погибнуть, или покинуть род-

ные, знакомые им места и отправиться на поиски таких рек или речек, где даже зимой 1944/45 года оставались незамерзшие участки (такие места были кое-где на Белой и на родниковом Апшаке).

В конце ноября и в начале декабря 1940 года я прошел по всем речкам и ключам Ю. Крака и подсчитал всех оляпок; их было 19. В конце марта 1945 года оляпок не было ни одной. Оставшиеся в живых оляпки возвратились на родину в начале апреля; возвратились только три пары.

Холодную малоснежную зиму сменила весна, тоже более холодная и затяжная, чем обычно. В апреле снега выпало столько же, сколько за всю зиму — с ноября по март; до 25 апреля ходили на лыжах и ездили на санях. А на другой день подул теплый южный ветер; два следующих дня, не переставая, лил теплый тихий дождь, забурлили речки, понеслась вода по наледи, как по огромным лоткам. Но в середине и конце мая опять возвращались холода, дула северка, шел снег. Холода и ненастье так сильно задерживали развитие растительности, что в середине мая на полянах еще не было видно зеленой травы; лес зазеленел только 5 июня.

Медведи жили впроголодь и разметали в лесу все муравейники, доставая муравьев, ставших в эту весну их главной пищей. Чаше, чем в прошлые весны, они нападали на домашний скот. В конце мая я приехал на кордон Хаметово к наблюдателю Г. И. Желнину, возвратившемуся зимой из армии с перебитой правой рукой. Его шестилетняя дочка Дуня, с серьезным видом помогавшая матери мыть пол в сенях, недовольно посмотрела на наши сапоги и набросилась на большого пушистого кота, носившего не по росту имя «Мальчишка», за то, что он испачкал лапы и наследил на полу: «У, змей, Мальчишка, опять с грязными ногами идешь. Я тебе дам». — «Расстроена дочка, — сказал Григорий Иванович, — медведь-то в понедельник дедову кобылу задрал, — и он стал рассказывать, как это произошло. — Весна нынче, сам знаешь, какая: травы нет, сено все вышло. Отец и пустил кобылицу с жеребенком на зады на ночь. Я ему говорил — не пускай, — не послушал. А утром только солнце всходить стало, он встал и видит: жеребенок один у ворот стоит и дрожит весь, словно перемерз. Побежал отец за баню, а чуть подальше за ней в лесу

лежала кобыла, — теплая, еще не успела застыть. Медведь разбил у нее голову и содрал с черепа кожу. Кобыла бросилась, видно, к медведю защищать жеребенка и погибла. А жеребенок ко двору прибежал».

В 1946 году я покидал навсегда Башкирский заповедник, где пробыл семь лет. В последний раз прошуршали колеса на широкой полосе гальки в устье Саргаи, в последний раз напоил меня ключевой водой прозрачный Шалтран. Не ночевать мне больше ни под старой лиственицей на Карагас Юрте, ни у шувала в Коркобарских кошах. Не увидеть больше, как засинеются мохнатые сонцеты по склонам гор, как станет пробиваться сквозь старую желтую ветошь молодая трава на еланях. Не закинуть удочки под нависшие кусты черемухи на родниковом быстром Апшаке... На восточном склоне Урал-тау, близ Черной Зимовки, я снимаю с телеги клетку со степной сеноставкой, жившей у меня в комнате целый год, и выпускаю ее на волю, в ту самую заросль чилиги, где когда-то я поймал этого зверька. Я открываю дверку клетки и отхожу от нее, но сеноставка не выходит из клетки. Тогда я осторожно вынимаю ее и пускаю в траву. Она боязливо обнюхивает полынь и ковыль и бежит следом за мной. «Иди, иди на свободу», — направляю я ее в вишенник... С вершины Кыркты-тау, откуда уже виден черный дым над Магнитогорском, я смотрю в последний раз на лесные чащи Урал-тау. Видно, не поставит мне больше шалаш под тремя лиственицами в вершине Сакмары, где когда-то мы были с Мухитдином и Филиппом Леоновичем; не слушать, как пересвистываются на косянике рябчики... «Хош, Урал-тау!», — по-башкирски прощаюсь я с ним, как с лучшим своим другом.

В ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ДУБРАВНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

ВЕСНОЙ НА ШАЙТАН-ТАУ

С запада и юга к горнолесному Уралу примыкает дубравная лесостепь — та лесостепь, что тянется от карпатских предгорий до южной оконечности Урала, где она вклинивается в степи четырьмя массивами. Лучше всего мне известен тот из них, который носит название Шайтан-тау; на нем я вел наблюдения в течение нескольких лет.

Многое меня привлекало в нем. Высоким нагорно-лесостепным полуостровом вклинивается Шайтан-тау в южноуральские степи. Свое название¹ он получил недаром: высоко поднятый над долинами рек Сакмары и Куруила, между которыми он расположен, он так изрезан многочисленными ущельеобразными каменистыми балками, что ровное место на нем можно найти лишь внизу — по долинам Сакмары и Куруила и впадающих в них речек, да на самом верху. Сыртовая водораздельная вершина Шайтан-тау занята степью. Весной на ней среди седовато-зеленых пучков типчака, плотно, как кисточка, сжатых у земли, среди ковылей и сочного кумызлыка (башкирской кислицы) синеют мохнатые крупные колокольчики сон-травы.

¹ В переводе на русский язык Шайтан-тау означает Чертов хребет.

Часты здесь и куртины степных кустарников. Во время цветения их можно узнать издалека: словно осыпанные снегом, белеют вишенники, розовеют куртины бобовника, ярко желтеет чилига. Эта водораздельная сыртовая степь неширока — от нескольких десятков метров до километра. Местами на ней высятся большие курганы.

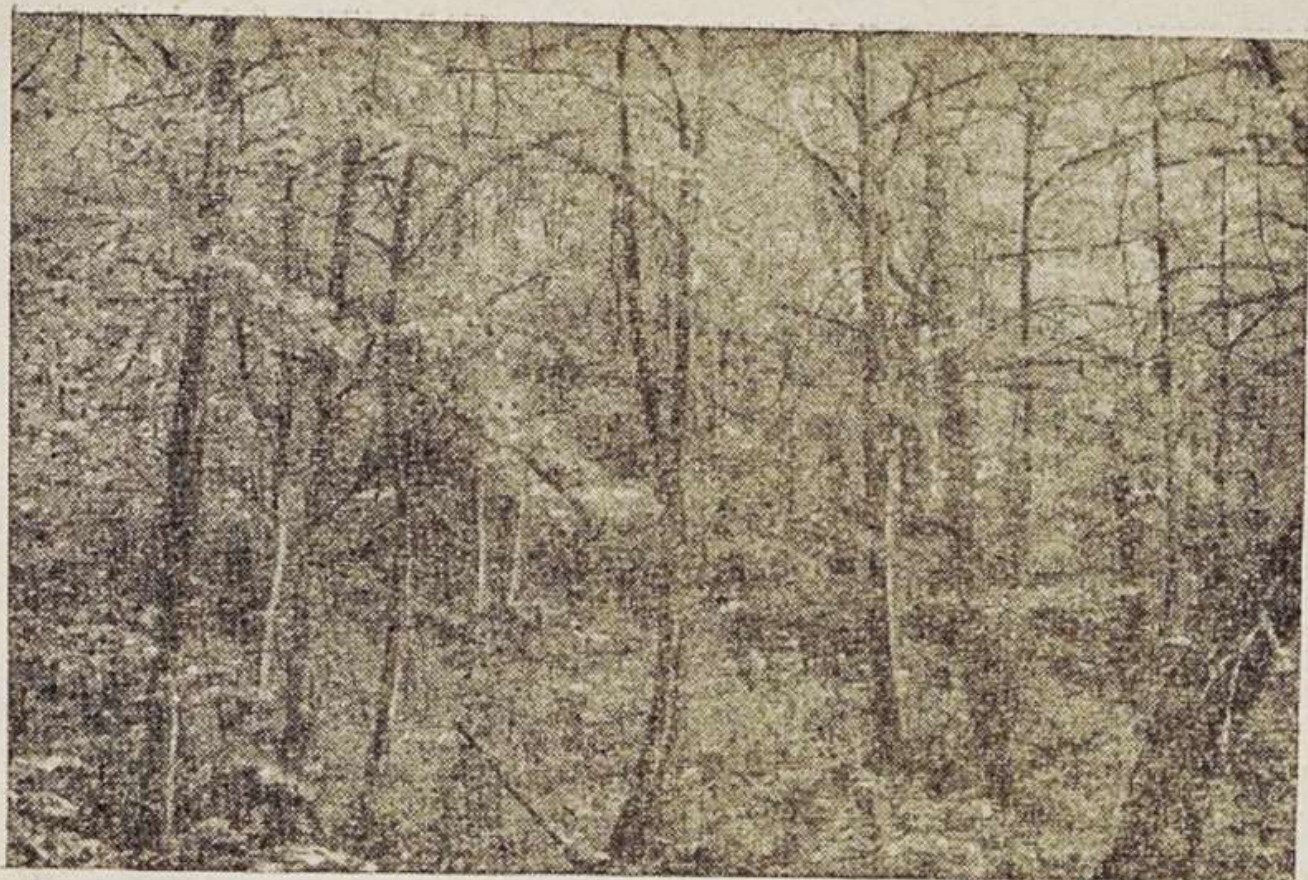
Вниз от сыртовой степи, и по склону к Сакмару, и по склонам к Куруилу и Бухарче, тянется лес, но на сакмарском склоне леса гораздо больше, чем на западном. Сплошная полоса леса, тянущаяся по Шайтан-тау, узка, — лишь немногим шире сыртовой степи, но от нее отходят многочисленные лесные языки по тем склонам балок, которые обращены главным образом на север. Лес на Шайтан-тау почти сплошь лиственный. Особенно густ смешанный лес из липы, осины, ильма и березы, растущий по узким и глубоким северным распадкам, отходящим от главных оврагов. Липовый подлесок, придавленный к земле навалами снега, разрастается в такую густую поросль, переплетенную между собой, что сквозь нее местами нельзя пройти и приходится проползать у самой земли, под стволиками лип. Западные и южные¹ склоны глубоких распадков заняты светлыми дубняками. Но южные склоны крупных балок и высокие увалы, разделяющие балки, заняты каменистой степью, где заросли кустарников (бобовника, вишенника, чилижника) перемежаются с участками, занятыми типчаком, полынью, горным очитком, диким луком, оносмой и другими.

Восточное подножье Шайтан-тау — надпойменная терраса. Сакмары — было занято ковыльно-разнотравной степью и кустарниковыми зарослями; в настоящее время эта терраса почти всюду распахана и лишь кое-где сохранились целинные участки.

С Шайтан-тау стекает в Сакмару много ручьев и речка Азям, но летом все они пересыхают в нижнем течении, и их днища, беспорядочно устеленные крупными камнями, кажутся развороченной мостовой. А сто с лишним лет назад наиболее крупные ручьи, входя в луговую долину Сакмары, терялись в болотистой местности.

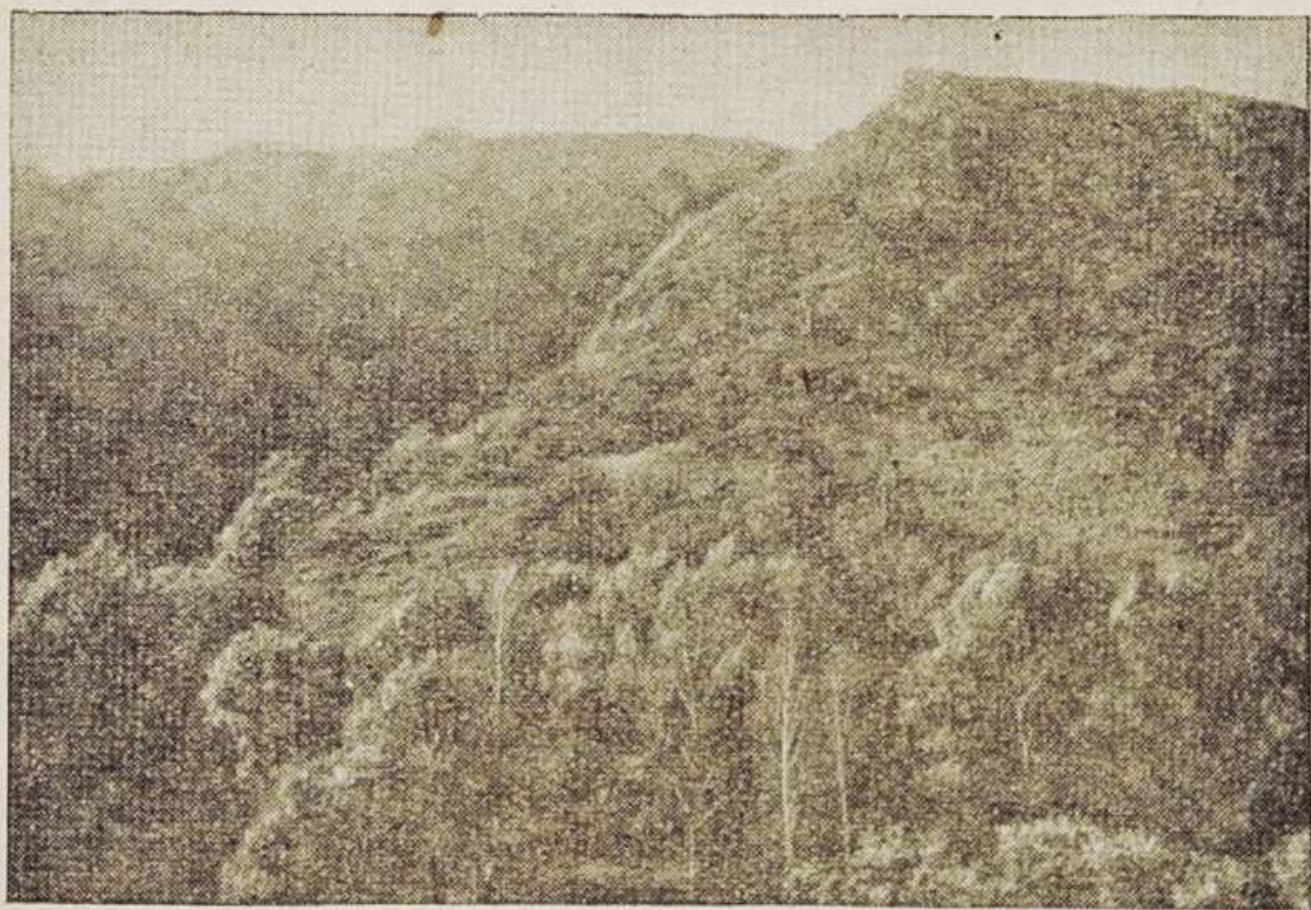
На Шайтан-тау я был в разные годы, начиная с 1932 и кончая 1951. В 1939 году я выехал из Ленинграда в

¹ Северными и южными я называю склоны, обращенные на север и юг.

Лес на северном склоне Шайтан-тау.

Фото автора.

Южный склон Шайтан-тау.

Фото автора.

конце февраля, чтобы застать на Шайтан-тау зимнюю жизнь зверей и птиц. Общий Сырт встретил меня бурным: навстречу поезду мчались колонны снежных хлопьев, гонимые ураганным ветром. Казалось, что снег летит на одной линии с поездом, не опускаясь на землю. Гул метели был слышен всю ночь по пути из Оренбурга в Кувандык — станцию, откуда мне надо было ехать на лошадях на Шайтан-тау. Но еще в Оренбурге я заболел, и жестокая ангина душила меня целую неделю в Кувандыке. А за это время стих буран, подул теплый ветер с юга, потемнели и осели сугробы у домов, почернели вершины вытаявших сопок, и вечером оттуда донесся металлически резкий свист «чив-чив-чив» — то свистела степная сеноставка, встречая весну.

В тот вечер из Сакмагуша — той деревни, где я собирался остановиться, — приехал мой знакомый Хайбулла, и мы уехали с ним из Кувандыка.

По улицам поселка ходили галки. «Тепло к нам приносят савке»¹ напомнил мне Хайбулла башкирскую примету о том, что галки прилетают, когда начинается весна.

Как волчья шерсть, серели чащи молодого осокорника по Сакмаре. Чернели крутые обрывы, и кое-где на припеках по ним стекали маленькие струйки холодной снеговой воды, но дорога была еще сплошь белая, не почерневшая от конского навоза.

После оттепели пришли сильные утренники, и наст держал без лыж. Я хотел воспользоваться этим временем и обойти глухариные тока, найденные прошлой весной. На следующее утро после приезда я вышел еще до рассвета, держа путь на Явал и Сики, в вершинах которых было три токовища неподалеку друг от друга. Далеко слышно, как хрустела шероховатая кора наста под ногами. Непроницаемая темень легла на лес по крутым склонам гор, но от звезд и снега на поляне было видно шагов на 30 вокруг. Внизу у ручья кто-то быстро промчался по насту; вслед за этим впереди захрустел наст, но вскоре шорох стал слабей и переместился в сторону, в лес, а затем стих совсем. Я уже пересек поляну и шел по долине Явала. И вдруг вверху на косогоре протяжно и гулко завыл волк. Я остановился и стал слушать, меняя патроны с глухариной дробью на картечь. Вой стих, а минут через

¹ Галка.

десять он послышался уже с другого места, в направлении к Бал-Тапкану.

Возвращаясь назад, когда уже было светло, я разглядел по следам, что произошло этой ночью. Две косули пришли кормиться на остожье, в устье Бал-Тапкана. Наста еще не было: косули проваливались в снег, и копытца были видны, как печатные, на застывших к утру следах. Позднее к этому же месту по Явалу спустились три волка. Ровная цепочка прямых следов сразу разорвалась, и вся тройка кинулась за косулями. Те бросились в гору, но там наст еще не держал их, и они понеслись вниз, пересекли Бал-Тапкан и выскочили на косогор. За ними мчался старый большой волк, а два других, поменьше, побежали вниз по Явалу, но не успели перехватить косуль, когда те соскочили с косогора. Косули и волки мчались теперь по Явалу, где наст окреп раньше и держал и тех и других. Косули бежали, широко расставив копытца и делая прыжки по четыре с лишним метра. На поляне косули промчались шагах в ста от меня. Гнавшиеся за ними волки, услышав мои шаги, остановились, а затем свернули в лес на косогор, где один из них потом и завыл.

В вершину Явала я пришел, когда стало светать. Кое-где на снегу чернели скорлупки желудей, а рядом с ними — обледеневшие за ночь следы белок и их норки в снегу. В прошлом году был неурожай желудей, и белки голодали. Редко где они причуивали сквозь снег желуди и доставали их. В поисках корма они спускались в ольшаники по Явалу и ели лишайники на черных ольхах, перебежали через безлесные склоны из одной балки в другую, но валявшиеся на снегу остатки их шерсти показывали, что такие путешествия часто заканчивались гибелью и белки попадали в лапы хищных птиц.

К концу марта я обошел по два-три раза все пять известных мне токовищ. Глухарей не было ни на одном, но в отвершках Сакмагуша я дважды наткнулся на глухариные следы. Следовательно, там оставался на зимовку по крайней мере один глухарь. Сакмагушцы, ездившие зимой за сеном, тоже говорили, что видели в вершине Сакмагуша то одного, то двух глухарей. Но почему же зимовавший глухарь не начинал петь на току? Ведь в борах, расположенных значительно северней Шайтан-тау, они уже поют в это время.

Ранним утром, когда наст держал лыжи, я ходил по лесным отвершкам балок, а днем — по южным склонам и по уреме недалеко от деревни. На тугае, где я ставил ловушки на полевки и мышей, еще лежал такой глубокий снег, что приходилось брести по нему по колено. В одном месте на снегу были видны грязные следы хомяка, недавно вылезшего из норы. Из уремы хомяк пошел к скату надпойменной террасы и обшаривал там круговые проталины у деревьев, отыскивая липовые орешки и ягоды черемухи. Мне хотелось узнать, остались ли у него зимние запасы. Пришлось принести из деревни лопату и раскопать нору. «Кладовая» была почти пустой: в ней лежали две свежие шкурки и остатки костей обыкновенных серых полевок, шкурка водяной полевки и несколько корневищ какого-то растения, которое я не мог определить.

Неподалеку от хомячьей норки, у мочажины, заросшей густым ивняком, на снегу лежали сучья вяза, кем-то срубленного. Тонкие ветви на сучьях были очищены от коры и белели, как косточки. Кому понравилась вязовая кора? Цепочки мелких следов тянулись от места кормежки к двум норкам; вход в них был выглажен и загрязнен. Это показывало, что норки жилые. На следующий день в одну из ловушек, поставленных у норок, попала полевка-экономка — самый редкий и малочисленный грызун в дубравной лесостепи.

В конце марта галки разбились на пары и сновали по дуплам, готовя в них гнезда. Все больше и больше разрастались проталины на южных склонах гор. На верхней окраине большой каменной россыпи, у опушки густой заросли из казацкого можжевельника, на вытаявших камнях и земле валялось много чешуек от изгрызенного дикого лука. «Карга юва», — сказали ребята, учившие меня башкирским названиям и съедобным свойствам диких луков. У «карга ювы» (вонючего лука) едят только толстые продолговатые луковицы — листья у него невкусны. У низкого мелколистного «апасык» (Стеллерова лука), наоборот, вкусны перья, а не луковицы. «Наш народ скоро мешками будет носить апасык с гор», — говорили они мне. Есть еще «харык-юва» (овечий лук), есть «кул-юва»; очень редко попадается «ускун» — широкоперый самый вкусный лук с большой луковицей. Он растет не на каменистых склонах, а по полянам и по луговым днищам балок.

Хомяк.

На следующий день в ловушки с приманкой из вонючего лука попались три сибирские красные полевки; они жили под густо переплетавшимися лежащими стволами казацкого можжевельника и выходили оттуда кормиться на соседние каменистые проталины, где было много лука.

На Шайтан-тау, как и в других крайних южных выступах дубравной лесостепи, проходит южная граница распространения красной сибирской полевки, и поэтому было интересно выяснить, где она живет еще, кроме зарослей казацкого можжевельника, и чем отличается ее образ жизни от жизни довольно близкого к ней вида — европейской рыжей полевки.

Оказалось, что сибирских красных полевок гораздо меньше, чем европейских: на десять последних приходилась только одна сибирская. Чаще всего сибирские полевки попадались в нагорных дубняках и смешанных липово-дубово-ильмовых лесах; крайне редко они ловились в пойменной уреме, где европейские полевки были особенно многочисленны. Оказалось также, что сибирские полевки изредка размножались и зимой, а у европейских этого не замечалось.

Показывались первые бутоны тюльпанов, но многие из них так и не успели расцвести, так как полевки — на этот раз не сибирские, а обыкновенные серые — приходили пастись на тюльпаны площадки и объедали бутоны, оставляя одни цветочные стрелки, торчавшие, как жнивье.

У вершины южного склона, где он смыкался с опушкой дубняка, начали протавить сугробы снега, скопившегося в бобовнике и чилиге. Под сугробами и внутри них шли туннели; раскопав их, я добрался до небольшого стожка из почерневших веточек и листьев бобовника. Сенокосилка, повидимому, поставила стожок очень поздно осенью, когда уже стали чернеть листья, — и сено оказалось негодным, поэтому ей пришлось кормиться зимой на подножном корме; под снегом она находила пучки типчака и подстригала под корень его молодые зеленые листочки или обгрызала кору на кустиках степной вишни и чилиги и на пригнутых снегом ветвях молодых дубков.

Еще дальше я наткнулся на свежую тропку, протоптанную на снежнике грязными барсучьими лапами. Нора была вырыта среди густой чилиги и жимолости на наветренном склоне хребта, где еще лежал глубокий снег. Но в 15 шагах от нее, на южном склоне, снега уже не было, и барсуки ходили туда за сухой травой; вероятно, они утепляли нору для барсучат, которые должны были появиться на свет. Носить сено во рту неудобно, и по обе стороны барсучьей тропинки, как на зимней дороге, по которой возят сено, лежали пучки типчака, степного овсеца и полыни.

В последний день марта, выйдя рано утром на вершину хребтика, отделяющего Сакмагушскую балку от Тыин-Уткана, в первый раз я услышал глухариную песню. Глухарь пел на опушке леса, недалеко от токовища. Вероятно, это был тот одиночный глухарь, следы которого я видел раньше. В продолжение десяти дней через каждые сутки я ходил на этот гребень, но глухарь больше не появлялся ни возле него, ни на прошлогоднем токовище. В остальные дни я посещал токовище на Явале и Сики, но там попрежнему не было глухарей.

А весна все больше набирала силы. В первый из апрельских дней по берегам Сакмары и окраинам разводий забегали, покачивая хвостиками, белые трясогузки. Загорелись на припеке огоньки горицвета, и в тот же день из деревни погнали скот на большую сопку Бурлюк-тау.

Сначала пустили лошадей, чтобы они проторили дорогу через подножье, где еще лежал глубокий снег, а за ними потянулись и коровы. В один и тот же день запели жаворонки и певчие дрозды. Уже несколько дней тянули на север мохноногие канюки. Пролетая, они нападали на тетеревов и разогнали все их тока.

12 апреля, на том же самом месте, где и 31 марта, после долгого перерыва снова запел глухарь. Вероятно, я подошел бы к нему, но вороны, заметив меня, подняли такой крик, что он стал петь осторожней и вскоре улетел на прошлогоднее токовище, где запел опять. В это же утро протянул в первый раз вальдшнеп. 12 апреля с полудня до вечера шел дождь — тот первый весенний дождь, что башкиры называют «ляйсен». Ненадежно весеннее тепло, и недаром пятидневка в середине апреля носит название «биш-кунак» (пять гостей) ¹.

На другой день почти не таяло; часов с трех крупными шапками повалил снег. За ночь он закрыл сплошь вытаявшие южные склоны, а на следующий день с утра поползла по полю белая поземка, закурились верхушки увалов и сопок; вершина Шайтан-тау шумела так, словно там один за другим проносились экспрессы; вскоре ветер и снег слились в мутный воющий буран, стихший вечером 15 апреля. Утром на следующий день близ токовища в вершине Сакмагуша пели два глухаря. На другом токовище в вершине Тын-Уткана токовал один глухарь, и оттуда же я видел, как два глухаря пролетели к вершине Сакмагуша. 17 апреля на сакмагушском току пели три глухаря и вылетела глухарка. Настоящие тока начались и на всех остальных токовищах.

Что же дали мне наблюдения за глухарями, которые я вел почти каждую зорю в продолжение месяца?

Люди давно уже изучают перелеты птиц, как одно из интереснейших периодических сезонных явлений в жизни животных. В южноуральских горных борах глухарь круглый год живет в пределах сравнительно небольшого участка. Но на южной окраине дубравной лесостепи он ведет

¹ За Яиком когда-то, рассказывали мне башкиры, объясняя примету, в эти дни пять казахов, только что выехавших на кочевки, поехали в гости к своим соседям и замерзли, застигнутые неожиданно поднявшимся бураном. Отсюда и возникла примета, перешедшая от западных казахов к башкирам, что на кочевки надо выезжать после 19 апреля.

себя по-другому. Только малая часть глухарей, живущих весной и летом на Шайтан-тау, остается здесь на зимовку; большинство же их откочевывает в боры. Глухари, остающиеся зимовать на Шайтан-тау изредка и нерегулярно, — не на постоянных токовищах, а где попало, — пробуют петь в конце марта и начале апреля, но настоящий ток начинается с возвращением на Шайтан-тау улетающих отсюда птиц, причем самцы и самки прилетают одновременно.

Каждый день приносила весна новые вести. Несколько дней в воздухе висела мгла («помха»), принесенная юго-восточным ветром. Вместе с суховеем пришли знойные дни, но по утрам еще нередко бывали заморозки. Словно синяя даль опустилась на южные склоны, где зацвели мохнатые сон-цветы. Вслед за ними зазолотились куртины тюльпанов, зеленой дымкой окутывалась таволга.

По склонам гор и на надпойменной террасе с каждым днем все больше становилось свежих кучек земли, выброшенной слепушонками. Во время подземных поисков «новых земель» они попадали иногда на картофельное поле, где было легко прокладывать ходы, но нечего есть. В таких случаях через поле шла линия земляных выбросов, показывающих путь слепушонки, нечаянно попавшей в голодное место.

На прогалах, среди кустарниковых зарослей, я ловил слепушонок, и еще в конце апреля поймал двух молодых зверьков, только что начавших вести самостоятельную жизнь. Их зарождение должно было произойти в начале марта, когда на Шайтан-тау стоит зима и лежит глубокий снег. Это давало право думать, что у слепушонок зимние условия жизни благоприятны.

Поднялась вода в балках и на Сакмаре, все могучей становился шум полной воды. 20 апреля целый день шел лед с Урман Зилаира — самого крупного горнолесного притока Сакмары, а через два дня на ближнее поле из деревни выехали сеять пшеницу.

Больше недели я не был в вершинах балок Явала и Сики. Лесной объездчик С. П. Пономаренко, у которого я остановился в Сакмагуше, и коренной сакмагушский житель Гатият ушли туда на несколько дней на лесные работы. Дня через три после их ухода, рано утром, когда мороз подсушил дорогу и за ночь стянуло воду из оврагов, пошел туда и я. Бурный поток мчался по дну Явала, —

там, где летом лежат лишь сухие камни, — и перейти его можно было только по кладям. День был тихий и теплый, и в полдень хотелось укрыться в тени от знойного солнца, но тени почти не было в голом лесу. На опушках и в лесу лежала ослепительно яркая пелена снега, но поляны уже зеленели от пробивавшейся молодой травы. Сквозь старую посеревшую ветошь пробивались туго свернутые и заостренные, как гвозди, листья вейника и сборной ежи; краснели полураспустившиеся листья конского щавеля; толстыми зелеными сигарами вылезала черемица. «Ду-ду-ду», — запели в воздухе крылья поднявшегося с мочажины бекаса. Торопясь поспеть за дружно хлынувшим весенним теплом, стая за стаяй летели журавли; только затихало вдали курлыканье одной стаи, как немного погодя слышался клич другой, и треугольник крупных, мерно машущих птиц проплывал в вышине. Со степной вершины Шайтан-тау доносился звонкий свист остановившихся там кроншнепов. «Куюльды», — сказал Гатият их башкирское название и, вспомнив, как трудно подойти на выстрел к этому кулику, добавил: «Куюльды — большой обманщик».

Вынув из заплечного мешка лишние вещи и оставив их на стане, я пошел через лес на степную вершину Шайтана. Густой осинник, попавшийся на дороге, белел свежими лосиными заедями. Вскоре я наткнулся и на свежие следы сохатых; они прошли с вершины Сики на сыртовую степь, а оттуда свернули в лес.

Вечерело, когда я возвращался к месту ночевки. Жаворонки уже смолкли. Не было слышно и кроншнепов. Чернели конусы земли, выброшенной слепушонками. На колее старой сыртовой дороги, по которой ездят только летом, да и то очень редко, четко отпечатались волчьи следы. Скоро смолкли последние песни дроздов, протянули последние вальдшнепы. Пора было итти назад — к ночевке, к костру.

С полуночи над поляной поползла, как поземка, сырая мутно-белесая мгла. Перед рассветом туман окутал Шайтан-тау до самой сыртовой вершины; костер светил тускло, словно в дыму. Время было итти. «Мабудь заране», — сказал проснувшийся Степан Петрович. «Нет, пора: это от тумана темно». Медленно, стараясь не сбиться с дорожки, дошел я до токовища. Глухари уже пели — два за поляной, на косогоре, а два уже слетели на землю и

пели на самой поляне. Рассветало, но из-за тумана видимость прекращалась в 10—12 шагах. Глухари пели неподалеку друг от друга, и поэтому к ним было трудно подходить: надо было ждать, когда запоют оба, и ступать под песню обоих, а не одного, как обычно. Но раззадоренные глухари пели почти без передышки и то и дело, шумно хлопая крыльями, подпрыгивали и приближались один к другому.

Прошло еще несколько минут. Вдруг песни глухарей оборвались, и через мгновение послышался грохот крыльев — начался бой.

Сосредоточенная, рвущаяся вперед осторожность, с которой подходишь под песню, покинула меня, и я уже бежал к ним, не останавливаясь, стараясь только ступать как можно тише и легче. Туман был таким густым, что я наскочил на куртину ивняка; обогнув ее, оказался перед драчунами не дальше, чем в 12—15 шагах. Вцепившись клювами в шею друг другу, они с ожесточением били крыльями один другого. Я выстрелил; было так близко, что дробь летела очень кучно, и заряд попал лишь в одного. Мне показалось в тумане, что оставшийся в живых приподнялся над упавшим, словно готовясь наброситься на него, но через мгновение, сваленный вторым выстрелом, он забил в агонии крыльями по мокрой траве.

Степан Петрович и Гатият закончили работу в лесу, и мы вместе пошли в Сакмагуш. Уже бледнели лепестки сон-цветов на южных склонах Явала. «Чиловичий вик як сон — скоро отцветает», — сказал, посмотрев на них, старый украинец. У самого верха крутого хребтика, разделяющего балки Явал и Сики, паслись три косули. Недалеко от них бормотали тетерева. У Гатията возле устья Явала стояла морда¹, и мы зашли посмотреть, что в нее попало. Как только по Сакмаре пойдет полая вода, местные жители начинают ставить морды на протоках и на впадающих в Сакмару ручьях. Стоя по пояс в ледяной воде, они вбивают колья, заплетают их прутьями, оставляя проход, в котором ставят морду горлом против течения. Гатият не смотрел морды уже несколько дней; ста-

¹ Морда плетется из длинных ивовых прутьев; по форме она напоминает четырехугольную корзину, резко суживающуюся на конце и переходящую в «хвост». В переднюю часть морды вплетается горло («устенок»), через которое рыба входит в морду и остается внутри нее.

рые листья и мусор набились между прутьями, и в приподнятой из воды морде не было видно рыбы, но по усилиям Гатията и по всплескиванию было заметно, что попалось ее много. С трудом вытащил Гатият на берег морду и, развязав ее хвост, вытряхнул с полсотни крупных хариусов.

Каждую весну идут эти рыбы метать икру в Явале, и каждый год вся икра и вылупившиеся мальки поголовно гибнут, так как Явал летом высыхает, и вода остается лишь в самой вершине, куда хариусы не заходят.

Весна шла бурно; теплели ночи; все жарче становились дни. 1 мая затеплились, как огоньки на тонких желтых свечках, цветы «баранчиков» (первоцвет); загудели пчелы на склонах в порозовевших куртинах бобовника. Вечером по деревне со всех ног пробежал малайка, выкрикивая одно и то же слово «бурена, бурена». Услыхав его зов, бросали игры остальные ребята и бежали за ним. «Куда это они?», — спросил я Гатията. «Бурена пошел», — подтвердил и он, и только тогда я догадался, что на Сакмаре показались первые сплавные бревна.

5 мая в пойме Сакмары зацвела черемуха, а на следующий день утром, когда я шел к реке, меня остановил душистый запах распускавшихся осокорей. В тот день я ушел ночевать в вершину Явала, на ток, недавно найденный мною. Глухари (их было только два) прилетели поздно, после захода солнца, и сели неподалеку, шагах в 300 от костра. Они пели недолго и вскоре смолкли. Вершина отрога, отделяющего Явал от другого ручья Бал-Тапкана¹, стала светлеть; по ней разливался мягкий голубовато-серебряный свет. Потом из-за гребня выдвинулся блестящий краешек месяца, через несколько минут превратившийся в полный круг.

Чернели низины и днища балок; отраженным серебряным светом блестели недавно распустившиеся листья, и в неясной, словно тающей дымке белела лента цветущей черемухи по ключу. Не смолкая пели соловьи; пересвистывались сплюшки, с безлесного склона из-за Явала до-

¹ Названия урочищ очень часто даются башкирами по какому-нибудь событию, случившемуся в том или ином месте. Бал-Тапкан в переводе на русский язык означает «Мед нашел». Неподалеку от него есть балка Тын Уткан («Белка пробежала»). Есть и более длинные названия, например Аю Юсуп ат ашаган («Медведь юсупова коня съел»).

носился резкий свист сеноставки. Обманутые лунным светом, закуковали кукушки. Вслед за тем мне послышалось, будто щелкнул глухарь. Я насторожился — о ночном токованье я нигде не читал и не слышал ни от кого из охотников. Снова «ка-ду», и вскоре глухарь запел по-настоящему. Я стал подходить к нему, стараясь не выходить из темной тени деревьев. Оставалось не более 100 шагов, как он стал засыпать. Щелкнет раза два — и замолчит, дремлет. Опять короткое «ка-ду», «ка-ду», и снова еще более продолжительное молчание. Наконец, он смолк совсем, и я возвратился к костру.

Поздние весенние заморозки, столь обычные в южно-уральских горных лесах, захватывают почти каждый год и южную окраину дубравной лесостепи. Чем позднее они здесь бывают, тем больше приносят вреда. В 1939 году последние весенние заморозки наступили в середине мая и длились целую неделю (с 10 по 16 мая). Самый большой утренник был 13 мая; на сакмарской террасе он достигал почти 7 градусов. Только что распустившиеся листья дуба превратились в леденцы; днем они почернели и покоробились, словно от пожара. Завяли и стали осыпаться цветы черемухи и степной вишни. На вершинах гор выпал снег и пролежал несколько дней.

ЛЕТО

Во второй половине лета я бывал на Шайтан-тау не раз (1934, 1936, 1938), но все лето, от начала до конца, мне удалось провести лишь в 1948 году. В самом начале июня приехал я в Сакмагуш. Прошло 9 лет, как я был здесь в последний раз. По берегу Сакмары, как и прежде, стояли колоннами высокие осокори и, как шатры, широко раскинулись серебристые ивы.

Лето в 1948 году было очень знойным и сухим. Таким оно часто бывает на южной окраине уральской дубравной лесостепи. Когда я приехал, уже стали вылетать из гнезд галчата ранних выводков, а в середине июня покинули гнезда почти все молодые галки.

Все знают, что большинство птиц, населяющих наши леса, тундры и степи, улетают отсюда на зимовки в более теплые и богатые пищей местности. Но в разных частях одной и той же природной зоны некоторые птицы ведут себя по-разному. Такова и галка: в Средней России (и в

Лес по р. Сакмаре.

Фото автора.

лесной зоне, и в лесостепи) она живет круглый год; на Южном Урале она не остается на зиму и улетает отсюда в октябре.

Но еще более замечательно другое. Южноуральскую дубравную лесостепь галки покидают не один раз в году, а дважды — не только осенью, но и летом. В середине июня галки стали сбиваться в большие стаи, а в самом начале следующего месяца они покинули Шайтан-тау. После их отлета в течение нескольких дней еще встречались изредка отдельные небольшие группы галок (по 4—5 птиц в каждой). Это были, повидимому, самые поздние выводки. Отставшие от стаи галки вели себя беспокойно, с криком перелетали с одного места на другое. Вскоре улетели и они.

Уже в начале июля липовые листья стали сохнуть и коробиться, словно опаленные огнем, и дорожка в густом липняке пожелтела от опавших листьев. Словно побитые морозом, поникли и свернулись лапчатые листья лесного аконита. Цвели липы, но пчелы не брали с них меду; цвет был сухой, без нектара.

На дне Сакмагуша, Явала и других балок недавно обсохшие камни, белевшие под налетом высохших водорослей, показывали путь отступления воды. В оставшихся кое-где колдобинах с водой собирались стайки гольянов, обреченных на гибель. Больше всего их ловили вороны; компанией в несколько штук они входили в обмелевшие ямки и били рыбу клювом, как острогой. В глубокие колдобины вороны не лезли, но там шныряли юркие куторы, без труда ловившие гольянов. Лягушки целыми днями сидели в реке под камнями и только поздно вечером вылезали на берег.

Сухая мгла застилала вершины гор, и было трудно дышать горячим воздухом суховея; жара доходила до 38° в тени. Даже ночь не приносила прохлады; особенно душны были те ночи, когда дул южный ветер.

Но зной был тягостным не для всех: в это лето во множестве расплодились осы. Они налетали сотнями к тушке полевки или мыши, с которой приходилось снимать шкурку, и выхватывали кусочки мяса прямо из-под скальпеля. На самом рассвете, как только начинала белеть заря, лес наполнялся стонущим гудением ос. С конца июля все чаще и чаще — и на прогалах в лесу, и среди кустарников по южным склонам — стали попадаться разрытые гнезда ос. Рано утром после разгрома отдельные уцелевшие осы вяло ползали по стенкам бывшего жилья, собирались кучками у остатков гнезда. Осиные гнезда разорялись барсуками. Для этих зверей осы, а особенно их личинки, — самый лакомый корм. Вкуснее их только личинки жука-носорога.

В конце июля прошел дождь. Его ждали, наверное, так, как в полярных странах ждут солнца после зимней ночи. Но затем опять надолго установилась сухмень¹. В это лето посохли ягоды. Малинники по Тыин-Уткану и Сакмагушу, куда каждое лето приходили на кормежку глухари, были пусты. Из-за неурожая ягод глухари стали

¹ Сухмень — знойная, засушливая погода.

кормиться осиновыми листьями и сережками берез на целый месяц раньше, чем обычно.

Лишь черемухи уродилось так много, что плоские крыши башкирских дворов чернели под слоем черемуховых ягод, рассыпанных для просушки. Не только люди собирали ее. Урема была наполнена тетеревами, слетевшими сюда из соседних колжов. Барсуки протоптали к уреме торные тропинки. Желудки желтогорлых мышей и рыжих полевок были наполнены фиолетовой массой измельченных ягод черемухи. Несколько ягод ее нашлось в кладовой хомяка, но эти зверьки помногу черемухи не запасают: непросушенные ягоды ее быстро портятся, а сушить их хомяки не умеют. Они предпочитают собирать в свои кладовые зерна пшеницы или овса, если живут близ поля.

Заходили на поля и сенокосы, особенно там, где пашни примыкали к зарослям степных кустарников. «Покажи нам дом и шлях саркильдак», — попросили меня Галимьян и Ильдар — сыновья Хайбуллы, помогавшие мне расставлять ловушки на грызунов. Я пошел с ними на Короман, где часто слышал свист сенокосов, и в первой же крупной куртине бобовника нашел их норки. Найти «дом» сенокосы нетрудно: близ него, у дорожек, протоптанных этими зверьками, лежали кучки «орешков», схожих по форме с «орешками» зайцев, но более мелких, величиной с нулевую дробь. «А вот и шлях», — показал я ребятам тропку сенокосы.

Густая степная трава, окружавшая заросли бобовника и чилиги, прикрывала тропинку сенокосы сверху и с боков; это был как бы туннель, проложенный в траве. Он привел нас на пшеничное поле, где через каждые 3—4 шага валялись колосья с выеденными полуналившимися зернами. «Здесь ирлян и сыскан¹ были, — сказал я Галимьяну и Ильдари. — Саркильдак так не ест». Вскоре мы нашли и места кормежки сенокосы: она ест не столько зерна, сколько сочные части стеблей, оставляя кучки мелко изгрызенных соломинок. Такие же кучки мы нашли и на залежи, где сенокосы грызли пырей.

Летом сенокосы откочевывали из степных кустарниковых зарослей не только на поля и залежи, но и на соседние пойменные луга. Они заходили даже в вязовый лес

¹ Хомяк и полевки.

по поемным сакмарским гривам, а одна пищуха несколько ночей подряд свистела на острове между двумя протоками Сакмары. Она перешла туда по мосту, а потом, повидимому, долго не могла попасть на него, но переплывать реку не решалась.

Пока не скошена трава и не убран хлеб, сеноставкам легко укрываться от хищников. Но как только скосили пшеницу на Коромане, тотчас же началось истребление сеноставок, особенно молодых: днем их ловили степные луни, а ночью на них охотились «болотные» совы и филины.

В один из августовских дней я лазил по крутым каменистым склонам Бурлюк-тау, отыскивая барсучьи норы, и наткнулся на «столовую» филина, расположенную под навесом скалы. Среди множества накопленных там костей преобладали остатки хомяков и степных сеноставок. Отойдя от навеса и пробираясь по россыпи, я вспугнул филина, поднявшегося с груды крупных камней. Он перелетел на другую сторону ущелья и уселся на каменистом гребне, но ему не пришлось там спокойно посидеть, так как его заметили галки. Поднявшись высоко вверх, то одна, то другая из них стремительно снижалась к филину, и он то и дело пригибал голову к камню, когда галочки когти прорезали воздух, чуть не касаясь его перьев. Сорока поспешила усесться шагах в трех от филина и с любопытством наблюдала атаку...

Из-за нападения галок филин не заметил, как я подошел к нему на выстрел. Сняв с него шкурку, я вскрыл желудок и рассмотрел, что там было: остатки кузнечиков, сеноставки и двух обыкновенных серых полевок.

В начале августа возвратились галки, откочевавшие с Шайтан-тау в начале июля. Где они были целый месяц? Должно быть, в сухих степях, потому что там в июле я часто встречал огромные стаи галок и грачей, широким фронтом передвигавшихся по степи. Чем же привлекают сухие степи галок? Об этом я расскажу дальше, в главе, посвященной описанию южноуральских степей.

Весь август был знойным и сухим. В нагорной степи от подмаренника, душицы, волосистого ковыля остались лишь сухие ломкие былинки, но все еще были мягки листочки шелковистой полыни, зелены и сочны мясистые листья горного очитка, цвел тимьян, желтели свечи «козых репок». По берегам глухих стариц и пойменных

Лось.

Фото И. С. Турова.

озерок, скрытых в чаще уремы, замечались следы лосей. Сохатые ходили так часто, что скоро обозначились торные тропинки.

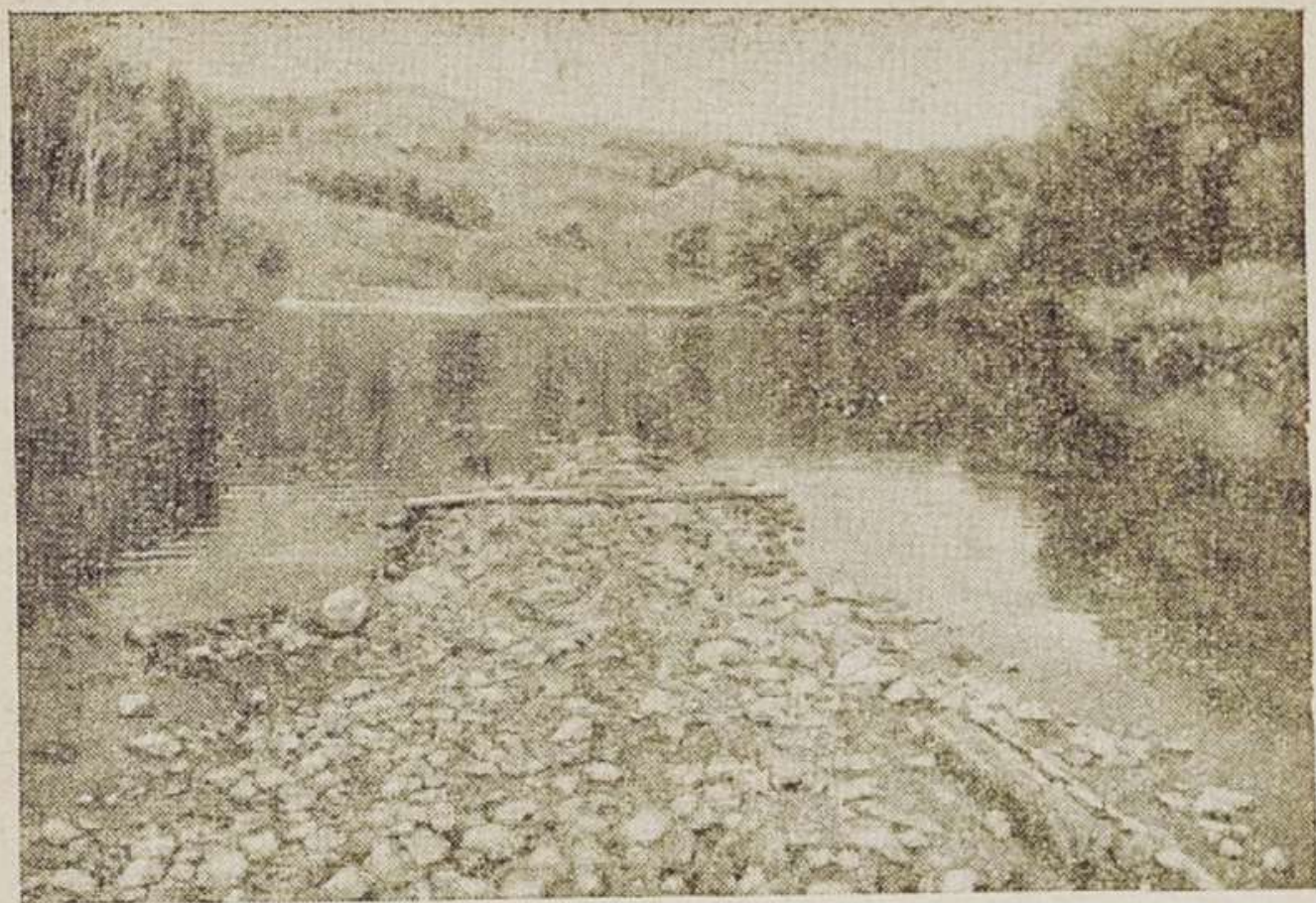
Мне давно хотелось увидеть, как кормятся лоси на озерках, и я ушел ночевать к той старице, куда лоси ходили особенно часто. Хотя была уже середина августа, но комары и мокрец изрядно донимали меня весь вечер; ночью их стало меньше, и я задремал под свист сеноставок, перекликавшихся по косогору в чилижнике и бобовнике, и не слышал, как лось пришел к старице. Меня разбудили шумные всплески воды — то лось шагал по озерку. Слышело было, как он опускал морду в воду и вытаскивал оттуда пук водных растений, с которых струйками стекала вода. В одном месте он набрел на серых уток (стая их кормилась весь вечер неподалеку от моей засидки), но те только закрякали и отплыли немного в сторону, нисколько не испугавшись лося. Со мной был электрический фонарь, которым я хотел осветить лося, если бы он подошел

близко, но он ходил по дальнему краю озера, и я опять задремал. Незадолго до рассвета громкое бултыханье разбудило меня: лось шел через старицу по направлению ко мне, но затем свернул и побрел вдоль кромки густого ивняка, окружавшего озерцо. Прожурчали струйки воды, стекавшие с лося на отмель; застучали камушки, столкнутые зверем с крутой тропинки, и сохатый ушел.

Возвращаясь в деревню, я решил зайти по дороге на другое озерцо и посмотреть, приходили ли туда лоси этой ночью; накануне я затоптал там все следы, и новые были бы ясно видны.

Урема из вяза, черемухи и черной ольхи окружает Бурлюк-куль, а под уремой, словно конопляник, разрослась густая крапива. Издалека, шагов за 300, слышались всплески воды. Осторожно и бесшумно подошел я к озерцу и остановился шагах в 40 от него. Густая кромка ивняка скрывала от меня лосей, и прошло несколько минут, пока я сквозь прогал увидел молодого лосенка, стоявшего на берегу. Вскоре лосиха, повидимому учуявшая или заметившая меня, фыркнула и побежала вместе с лосенком, но второй не последовал за ней и остался на озерце, где продолжала бродить крупная прошлогодняя лосиха-нетель. Вскоре слышались топот вернувшейся лосихи и тревожные зовущие звуки «мэ-мэ-мэ» — мать звала непослушного детеныша. Лосиха увела обоих лосят, и нетель осталась одна. Было уже позднее утро — 7 часов; покинула озерцо и молодая лосиха и, выйдя на берег, остановилась шагах в двадцати от меня. Вот она вытянула шею и стала чесаться об иву. Потом она приблизилась ко мне шагов на двенадцать и остановилась. Большие глаза пристально смотрели на меня, но я стоял, не шевелясь, и лосиха подошла к наклонившейся черной ольхе и стала есть ветки, набивая ими полный рот и звучно жуя. «Хватит тебе есть; пойдём по домам», — промолвил я, вдоволь насмотревшись в это утро на сохатых. Лосиха кинулась в чащу и мгновенно пропала в ней.

В книгах часто пишут, что лоси заходят летом в реки и озера, чтобы спастись от гнуса. К лосям, живущим на Шайтан-тау, это объяснение неприменимо. Летом в нагорных лесах комаров и мошек гораздо меньше, чем в пойме Сакмары, в августе и сентябре в нагорных дубравах гнуса нет совсем, а сохатые все же почти каждую ночь приходят из леса на старицы и пойменные озерки. Что же

Речная заводь близ Бурлюк-куля.

Фото автора.

привлекает их туда? Отчасти — вода, так как к концу лета большинство ручьев, стекающих с Шайтан-тау, пересыхает совсем. Еще больше — лакомые водные растения, особенно маленький рдест и темнозеленый роголистник. В некоторых озерках эти растения выедались лосями почти нацело. Вероятно, они привлекают лосей не только как корм, а как растения, богатые солями.

Засуха не прекращалась. Все сквозистей становился лес. Липняк, стоявший в начале лета как зеленая непросвечивающая стена, превратился в сквозистую голую чащу искривленных стволиков, под которыми лежал светлосерый ковер из опавших листьев. В середине августа наполовину пожелтели вязы по дну оврагов и в сакмарской пойме. Дорога на сыртовую вершину Шайтан-тау была устлана осиновыми листьями, сухими и зелеными, как хорошо убранный сено. Позднее всего стали желтеть и сохнуть листья дубов и ильмов; с шумным шуршаньем, словно листы разорванной и брошенной сверху книги, падали они с деревьев на землю.

В один из таких августовских дней, прохладив с раннего утра до полудня по балкам и отрогам Шайтана, я присел отдохнуть. Не прошло и десяти минут, как послышался

стук камушка, покотившегося по крутому склону. «Не барсук ли?», — мелькнула у меня мысль, и я вложил в стволы патроны с картечью, всматриваясь туда, где слышался шорох. В узком просвете между скалой и молодым раскидистым дубом мелькнула большая светлосерая фигура. В первое мгновение мне показалось, что это теленок, и я стал опускать ружье, но через секунду, когда фигура появилась на прогале за дубом, я увидел светлого, белесого волка. Следом за ним выскочил второй, более крупный и темный, чем первый. Я выстрелил в первого; волк припал на передние лапы, но тотчас выправился; из второго ствола я выстрелил в другого волка, бежавшего шагах в двух за первым. Волк покачнулся и, повернувшись под прямым углом, на махах понесся вниз по россыпи, мелькнул шагах в пяти от меня и поднялся на другую сторону балки. Все это произошло мгновенно, и я успел только опустить стволы, чтобы переменить патроны. Видно было, что второй волк ранен так тяжело, что пробежит немного. Не прошел я и ста метров, как увидел его: он лежал на тропинке, перед смертью повернувшись мордой в пятю, чтобы встретиться лицом к лицу с врагом. Первый же волк был ранен несмертельно и ушел.

Вскоре мне пришлось опять встретиться с волками. Ночью они напали на коня, пасшегося за Сакмарой. Конь был спутан и смог добежать лишь до половины сакмарского староречья, где и упал зарезанный волками, не добежав метров 200 до деревни.

«Пойдем ночью сторожить волков, они придут есть коня», — сказал мне Хайбулла. Место для засидки было не вполне удачное. Конская туша лежала на галечном мелководье посреди старого русла Сакмары, которое она покинула год назад. Ямы для засидок можно было сделать лишь на галечной террасе, не ближе 50 шагов от привады.

Мы пришли на засидки, когда начало смеркаться. Месяц то и дело закрывался пронесившимися облаками. Постепенно стихала деревня; последними звуками, донесшимися оттуда, было скрипение телеги — то привез сено Фатхислам, живший в крайней избе. Прошло часа три. И вдруг шагах в 200 выше засидок послышался всплеск воды: кто-то, один за другим, переходил через старую протоку. То шла волчья семья. Но старики, видно, зачуяли нас и не подошли к приваде. Поскулили волчата в осе-

корях на противоположном берегу Сакмары, прошуршали шаги по опавшим листьям, взвизгнул волчонок, видно попытавшийся послушаться стариков и подойти к туше. Затем звуки скуливших волчат послышались уже дальше, и опять все стихло. «Пойдем, что ль, домой; не придут, видно, больше», — потихоньку сказал Хайбулла, приподнявшись из ямы. «Посидим еще, если дождь не разойдется», — ответил я ему; мелкий дождь то переставал, то вновь начинал моросить, и несколько раз мне пришлось вытирать ружье.

Мы остались, и незаметно дремота одолела меня. Часа за два до рассвета сквозь сон мне послышался громкий хруст, доносившийся оттуда, где лежала привада. Я проснулся и стал всматриваться, но облака нависли еще гуще, и я ничего не мог разглядеть, кроме смутного очертания конской туши. Помимо громкого хруста костей, сокрушаемых железными челюстями матерого волка, временами слышались всплески воды, когда волк менял положение, да на берегу потихоньку взвизгивали два волчонка, не смевшие приблизиться к старику. Как ни напрягал я глаза, а волка все не было видно. И эту ночь не хватило у меня выдержки, и когда мне показалось, что перед конской тушей шевелится другая темная фигура поменьше, я навел на нее ружье и выстрелил сразу из обоих стволов. Помню, что было вслед за этим, — прыжки по воде, красная полоса огня, вспыхнувшего из ямы, где сидел Хайбулла, вдогонку по уходившему волку, стук гальки, вылетавшей из-под лап мчавшегося волка, и досада неудачи, глодавшая меня весь день.

О С Е Н Ь

Засуха простояла почти и весь сентябрь; рожь, посеянная в начале августа, не всходила полтора месяца. Но все короче становились дни, все меньше испаряли влаги леса и степи, и по балкам Шайтан-тау вновь заструилась вода, с каждым днем продвигаясь вниз по несколько метров и наполняя высохшие колдобины, засыпанные ольховыми и вязовыми листьями.

Днем было жарко, но по утрам уже бывали заморозки. В середине сентября горная круча Казя Ускан, обращенная стеной прямо на север, казалась огромным разноцветным занавесом. Среди золотисто-желтых липовых чаш,

обрамленных темной зеленью дубняков, как маяки, ярким багрянцем горели осины; сизая дымка стлалась над казацким можжевельником, засевающим куртинами по темносерым россыпям. Последние дни сентября, перед тем как покинуть Шайтан, мне хотелось провести на Сакмаре. Галимьян и Ильдар давно уже ждали того дня, когда поедут со мной и будут жить в палатке и ловить рыбу.

Дни стояли очень теплые — до 22—25° в тени. Вдоль пыльной полевой дороги, по которой мы ехали к Сакмаре, желтели обочины из соломы и мякины, падавших при перевозке с гумна. Поле, расположенное на надпойменной террасе Сакмары, пахали под зябь, хороня колкое жнивье под сухими пластами чернозема.

Палатку мы поставили на высоком берегу Сакмары, выкопав ступеньки в галечном обрыве, чтобы можно было спуститься к реке. Ночью меня разбудил стонущий рев лося, доносившийся из уремы за Сакмарой. На следующий день, идя по водоразделу между балками Явал и Сики, я насчитал около сорока недавних лежек лосей; лежки попадались и в лесу, и в густых зарослях чилиги на безлесных склонах. В одном из отвершков Явала лоси, словно домашний скот, размесили берега родничка и выели соленую землю. На водоразделе между Явалом и Сики люди бывают редко, и сохатые пасутся здесь зимой в молодых осинниках по седловинам и склонам. Местами осинник сплошь объеден лосями и превращен в корявое мелколесье; немало осинок, засохших совсем.

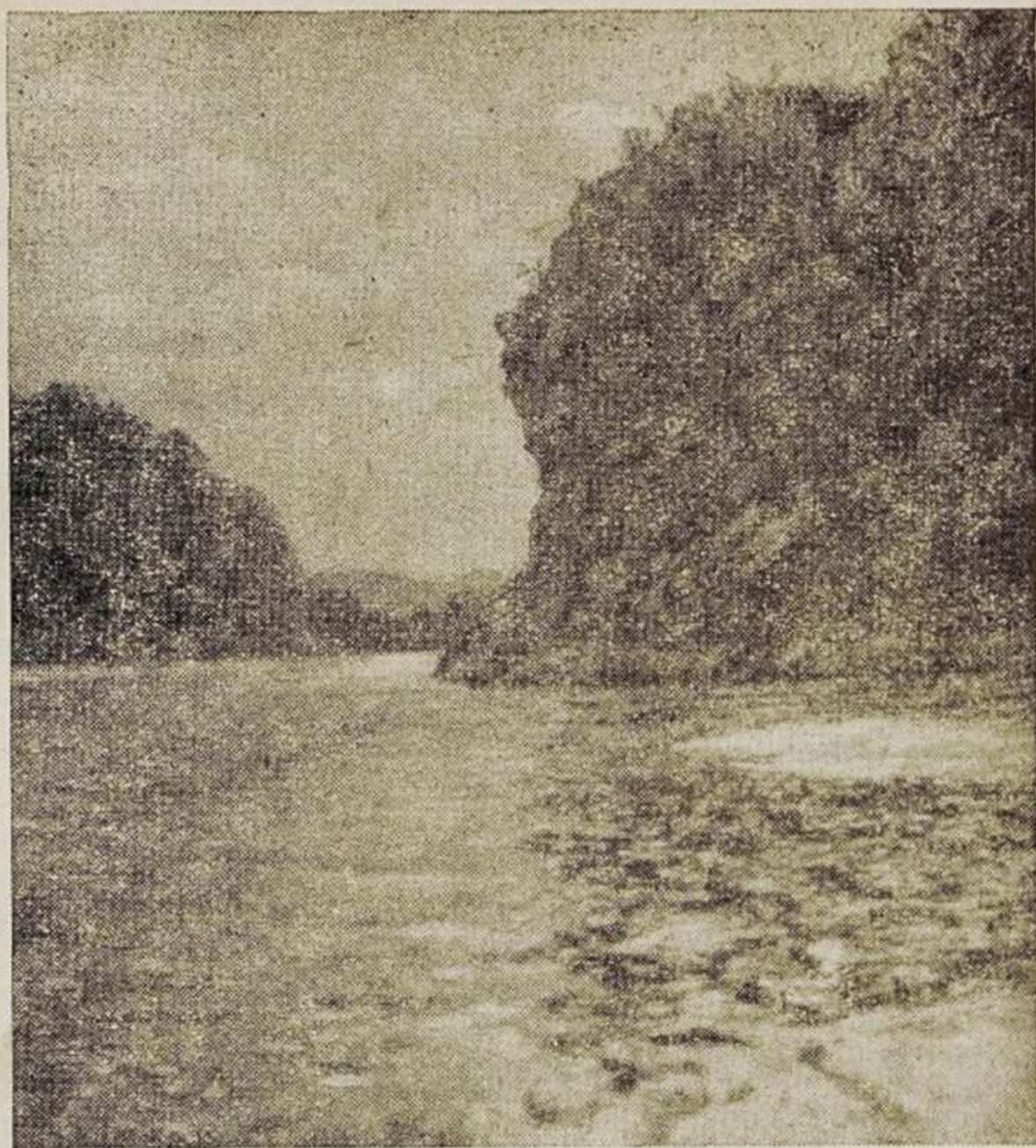
Спускаясь с отрога по безлесному склону, я наткнулся на утопанную тропинку. Она привела меня к барсучьей норе, уходившей под камень. По сторонам тропки лежали сухие травинки, а в норе виднелась куча сена; барсуки запасали его для долгого зимнего сна.

Вечером у палатки меня встретил Ильдар и рассказал об уженье рыбы. «Один опыты¹ вот такой поймал, — Ильдар показал его длину — от плеча до кончиков пальцев. — Два алантай² вот такой поймал», — мера была покорооче, от локтя до пальцев.

На другой день пошел с ними и я. Сакмара, скатываясь с крутого переката, била прямо в скалу. Толстый слой пены плавал на реке, заполняя пространство от наклонив-

¹ Голавль.

² Окунь.

Река Сакмара.

Фото автора.

шегося над водой вяза до поворота от скалы. Я закинул под пену удочку, насадив на крючок самую крупную личинку жука-носорога. Не прошло и пяти минут, как поплавок дрогнул и быстро пошел сначала по воде, а затем скрылся под ней. Я подсек и не сразу мог завернуть крупную рыбу, рвавшуюся вниз, к скале. Удилище сгибалось в дугу, жилковая леска разрезала воду; большой толстолобый голавль вылетел из глубины на поверхность и, изогнувшись полукольцом и широко раскрыв рот, сильно и резко ударился о воду. Через несколько минут рыба утомилась настолько, что я мог подвести ее к берегу, но она еще не раз бросалась в глубину, пока совсем не выбилась из сил. Напуганные голавли больше не брали. Я переменял насадку и закинул удочку на кусок пескаря, пойманного

Ильдаром. Один за другим попало несколько небольших окуней, потом поплавок опять резко пошел вглубь. После подсечки я не сразу мог оттащить от дна огромную рыбу. Она поднималась с трудом, словно я тащил корягу, и, не дойдя с аршин до поверхности, резко бросилась в сторону. Сразу стало легко, и я выбросил на берег окуня с глубокими ранами, словно порезанного ножом. Окунь взялся на кусочек пескаря, а затем был схвачен крупной щукой, но крючок был внутри окуня, и щука выбросила окуня изо рта, когда я тащил ее.

Напуганная щукой рыба перестала клевать, и мы с Галимьяном перешли вброд на другую сторону Сакмары, а Ильдар остался на прежнем месте. Прошло около получаса. Вдруг Ильдар закричал, что у него взялась большая рыба, но через минуту леска опустилась, и он скорбно промолвил, что рыба перекусила жилку и ушла.

Днем мне некогда было ловить рыбу, и я сказал Ильдару и Галимьяну, что к скале мы пойдем опять вечером. На этот раз я взял еще одну удочку с самой толстой жилковой леской. Мы быстро поймали несколько пескарей, и, насадив самого крупного из них, я забросил удочку под пену. Щука, у которой так неудачно складывалась в этот день охота, не замедлила схватить наживку. Я подсек и тотчас почувствовал по тяжести, что, должно быть, попала та самая рыба, которая бралась утром. Не раз она бросалась вглубь, и я с трудом отводил ее в сторону, но, наконец, рыба утомилась, и я вытащил ее на гальку. «Вот мой кармак»¹, — закричал Ильдар, заметив конец жилки, торчавший из огромной щучьей пасти.

Зимой я получал иногда от Галимьяна и Ильдара письма, написанные по-башкирски. Письма были короткие, в них сообщалось о волках, лисицах, глухарях — где их видели, или кто их убил, а в конце обычно стояло два слова: «бульш нит». Это означало, что новости описаны все, больше их нет.

ЗИМА

Давно уж мне хотелось увидеть, как приходит зима на Шайтан-тау, но только в декабре 1951 года мне удалось приехать туда. После трехдневной сильной оттепели, бывшей в конце ноября, снега осталось очень мало, и сани

¹ Крючок.

тяжело тащились по улицам Кувандыка, царапая полозьями камни и застывшую грязь. На улицах и дворах вертелось множество сорок, прикочевавших в поселок на зимовку, но галок уже не было видно: они улетели из приуральской лесостепи. За Кувандыком дорога пошла по долине Сакмары — то по надпойменной террасе, где чернели гребни вспаханной под зябь земли, то по пойменному лесу. Темная туча, двигавшаяся с северо-запада, закрыла заходившее красноватое солнце, а потом и весь остальной небосвод. Посыпались редкие крупные снежинки, медленно опускавшиеся хрупкими звездочками на тулупы. Но вскоре потянул ветер, снег пошел гуще, обломанные ветром лучи снежинок завертелись, как пыль. Быстро стемнело... Близ Сакмагуша, всего в трех километрах от деревни, лошадь сбилась с дороги, и полозья стали задевать за комья земли на вспаханном поле. «В большой снег, в такую погоду и пропадали люди», — сказал Хайбулла, поворачивая лошадь с поля туда, где должна была идти дорога. Вскоре мы нашли ее и через час сидели у жарко натопленной печки. Поджидая нас, Галимьян и Ильдар играли в шахматы. «Раньше в ауле никто не знал, что такая игра есть, — сказал Хайбулла, — а теперь малайки научились». — «Кто из вас лучше играет?» — спросил я у Ильдара (Галимьяна в это время не было; он распрягал лошадь и давал ей сено). «Она середняк играет», — снисходительно оценил игру своего старшего брата Ильдар.

Возвратился Галимьян, и они опять принялись играть. Я разбирал свои вещи и не следил за их игрой. «Я у него лошадку взял», — вдруг послышался торжествующий голос Галимьяна. «Вот тебе и середняк», — заметил я Ильдару, когда он потерял еще фигуру, но все еще пытался обороняться.

Потом они стали учить уроки. В книжке по родному языку я увидел портрет Салавата. «Салават-батыр», — с глубоким почтением произнес это имя Ильдар. Я вспомнил старую книжку об Оренбургской губернии¹, где в перечне наиболее важных событий было написано, что в 1775 году Салавата возили по всем местам, где он сражался, и били кнутом. Он вынес 175 ударов, остался жив и был сослан на пожизненную каторгу в Рогервик.

¹ Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губ., вып. 1, Оренбург, 1877.

«Башкиры складывают о Салавате песни, в которых воспевают его подвиги», — говорилось в этой книжке...

Всю ночь бушевал буран; время от времени гулко стучала по стене створка ставня, раскрытая ветром. К утру метель стихла, и я пошел на Таш Узьяк (Каменистый овраг). На днище и крутых склонах этого дола, под рыхлым пушистым снегом, выпавшим за ночь, лежал слой старого, более плотного снега. Его здесь сохранилось больше, чем в открытой степи. Снег лежал ровно; не было ни выдувов, ни сугробов. В метель звери почти не ходят, и на пороше не было видно ничьих следов, кроме беляка, вышедшего утром на кормежку.

Мало было видно и птиц. Комочек снега, упавший с вершины дуба, указал на сойку, перелетевшую с сучка на сучок. Дальше, бойко пересвистываясь, спускалась вниз головой по стволу ильма парочка поползней, плотно прижавшись на цепких лапках к дереву и внимательно осматривая трещины коры, где могли быть яйца и куколки насекомых.

На безлесных склонах, в противоположность лесу, снег лежал очень неравномерно. Открытые сдувы были лишь чуть-чуть прикрыты снегом. Такие места были исхожены и раскопаны серыми куропатками. Снежное кружево, сотканное их следами, вдруг разорвалось: прикрываясь густыми зарослями чилиги, к птицам подкрадывалась лисица, но неудачно: птицы заметили ее и улетели. В зарослях степных кустарников — чилиги, бобовника и вишни — толщина снега в среднем была такой же, как и в лесу, но чаще встречались большие надувы и совсем мелко-снежные места.

Лисьи следы искрестили также и пойменные вязовые и осокоревые леса. Цепочка лисьих следов тянулась по краю нового русла Сакмары, где река текла так быстро, что не замерзала, и оляпки ныряли на перекатах, доставая со дна личинки ручейников. Летом этих птиц не бывает на Сакмаре (как не бывает их и на других крупных реках Южного Урала); они появляются здесь зимой, прикочевывая с мелких речек и ручьев.

Декабрьская погода и дальше была необычной. Дней через пять после нашего приезда в Сакмагуш повалил густой мокрый снег; он шел двое суток и затем сменился дождем, лившим, почти не переставая, полтора дня. Как только прекратилась непогода, сакмагушцы стали соби-

ратся в дорогу за сеном, накошенным на вершине Шайтан-тау. Я поехал вместе с ними, чтобы подняться на вершину Шайтан-тау, а оттуда спуститься на лыжах. Торить дорогу было трудно, и сакмагушцы несколько раз меняли уставших передовых лошадей. У скалы Кабан Ускан мы с Хайбуллой увидели следы крупного зверя, перешедшего дорогу. «Хиляухин шлях» (дорога рыси), — сказал Хайбулла, и мы пошли с ним к скале, откуда вышел след. Шагов через тридцать мы наткнулись на расщелину в скале, где рысь лежала в непогоду. «Нынче хиляухин много, — говорил Хайбулла. — Его шлях в разных местах люди видали — и на Таш-Узяке, и на Тыин-Уткане, и на Бал Тапкане, а больше всего он Явал-баш гуляет».

Еще в 1947 году мне писали из Башкирского заповедника, что там и в окрестных районах появились и стали нередкими рыси. За четыре года они спустились еще дальше к югу и в 1951 году стали нередкими на Шайтан-тау вплоть до его южной окраины, то есть до границы со степной зоной.

К истоку Явала обоз вышел только к полудню. Раскачиваемые ветром, звякали одна о другую обледеневшие в ожеледь длинные ветви берез, свисавшие, как плети. Ожеледь насела таким толстым слоем, что часть опушечных деревьев вверху была разодрана надвое под тяжестью нависшего льда; со многих деревьев свисали надломленные сучья.

На степной выравненной вершине Шайтан-тау снег был так уплотнен ветром и дождем, что местами держал меня без лыж, и снегомерную рейку приходилось с размаху вбивать в снег, как в крепкий наст, чтобы она дошла до земли. От верхушек высоких трав (порезника, волосистого ковыля) отходили широкие тонкие пластинки обледеневшего снега. Словно флюгеры, они были вытянуты в одном направлении — туда, куда во время мокрого снега и ожеледи дул ветер.

На сыртовой степи и по опушкам колков не было видно ничьих следов. Даже тетерева, обычно зимующие у вершины Шайтан-тау (там больше березы, чем внизу), и те покинули обледеневшие березники. Но как только я спустился с сыртовой вершины Шайтан-тау в лес по склону, лыжи стали глубоко тонуть в снегу: здесь, под густыми дубняками и осинниками, он был гораздо рыхлее и глубже.

Торные тропинки зайцев-беляков перекрещивали лес,

а затем, пока я спускался к днищу дола, трижды на моем пути встретились следы куниц. Одна из них дошла до рябины, на которой было еще много ягод, наелась их и повернула обратно. Следы двух других то пересекали заячьи тропы, то шли прямо по ним, но по крутому косогору было трудно ходить на лыжах, и я перестал тропить и спустился вниз, на днище Тыин-Уткана.

Страхнув снежную навесь с ветки, вспорхнул с ольхи рябчик, за ним другой, третий... Рябчики на Шайтан-тау появились лишь в 1949 году. Раньше, несмотря на тщательные поиски (а бывал я там в течение 6 лет), я ни разу не встречал их в этом районе. Летом 1949 года, проходя по балке Таш-Узяку, я оторопел от изумления, увидев, как из малинника поднялся выводок рябчиков и как мать стала тревожно сзывать детей. «Мы никогда не видели такой птицы», — сказали мне сакмагушские башкиры, когда я показал им убитого рябчика. Через два года (летом 1951 года) я нашел уже четыре выводка: один опять на Таш-Узяке, а три других — на Сакмагуше и Тыин-Уткане.

Многие птицы из года в год гнездятся в одних и тех же местах, иногда даже по несколько лет подряд занимают одни и те же гнезда. Поэтому многие ученые стали говорить о том, что птицы, благодаря их способности к перелету, больше, чем всякие другие животные, стремятся сохранить в течение всей своей жизни одни и те же места гнездования. Это явление было названо «гнездовым консерватизмом» птиц. Но инстинкт дома не есть что-то неизменное, установившееся бесповоротно и навсегда. Было замечено, что некоторые птицы, гнездившиеся в одной местности, на следующий год гнездились в другом месте, далеко оттуда, где они жили раньше. Внезапное появление рябчиков на Шайтан-тау показывает, что временами по неизвестным еще нам причинам птицы покидают «родные» места и переселяются в новые.

В КАТРАЛИНСКО-КУРАГАНСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ МАССИВЕ

Кроме Шайтан-тау, я посетил и другие районы южной окраины дубравной лесостепи, но подолгу там не бывал. Из них лучше других мне известен Катралинско-Кураганский район, примыкающий к Шайтан-тау с востока

и занимающий пространство по верхнему течению рек Катралы и Кураганки. Это последний, самый восточный выступ европейской лесостепи. Мое знакомство с ним началось в 1949 году, когда я посетил северо-западную часть этого района, расположенную в бассейне верхнего течения р. Катралы.

Уже шла вторая половина мая, но на опушках колков еще лежали высокие сугробы уплотненного снега. Особенно большой снежник тянулся по опушке дубового леса, граничащего с полем. Снежный вал заполнял узкую и длинную приопушечную западину, где дубов почти не было и росли одни березки с искривленными стволами. Над снежной пеленой, ослепительно ярко блестевшей на солнце, как нежный зеленый туман, подымалась дымка только что распутившихся березовых листочков. Там, где снежные сугробы не окружали деревьев, березки зазеленели почти на полмесяца раньше.

В катралинских, сплошь лиственных лесах¹ больше всего дуба и березы, но дубняки и березники размещены в этом массиве по-разному. На окраинах массива, особенно на опушках, господствует береза; местами нередки и чистые березники, характерные для более восточных и северных частей зауральской лесостепи. Повидимому, береза лучше, чем дуб, выдерживает атаки буранов и долгий весенний холод снежников.

Под березниками густая трава; среди нее особенно много узколистного вейника, и лишь кое-где в тенистых местах преобладает сныть.

Внутри от березовой лесной кромки, в срединной части Катралинского массива господство переходит к дубу. В дубняках тоже густой травяной покров; более всего сныти и узколистного вейника; кроме них, обычны коротконожка, сочевичник, мягкая легочница, борщевник; по бугоркам и верхним частям склонов примешивается «курай» (*Pleurospermatum uralense*); на более влажных участках появляется аконит.

Как в дубняках, так и в березниках нередко примесь осины. Липы очень мало; она видна лишь по краям оврагов. Клена нет совсем. Днища речек и ручьев заросли черной ольхой и черемухой; на самой Катрале — там, где она

¹ Очень редко здесь встречаются единичные сосны; две из них я видел у вершины ручья Кусей.

выходит из лесостепного массива в Присакмарский степной мелкосопочник, кроме ольхи и черемухи, растут осокорь и серебристая ива.

В Катралинско-Кураганском районе, как и на Шайтан-тау, нередко поздневесенние заморозки. Иногда они бывают и в самом начале лета. 2 июня 1949 г. ночью и утром прошел дождь; днем стало прохладно, а к вечеру жительницы Ольгопольки¹ потащили на огороды дерюги и одеяла и стали укрывать огурцы и капустную рассаду. На следующий день рано утром седой иней покрыл огороды и луга по речке, лег на западины, проник на днища и склоны оврагов. Утренник повторился и на второй, и на третий день. Несмотря на укрывание, почернели ольгопольские огороды, поникли и свалились всходы подсолнуха на полях, побелели всходы пшеницы. Результаты трех утренников сказались также на лесных и степных растениях. На степных склонах почернели и засохли листья земляных орешков, солодки; менее сильно, но все же частично оказались побитыми полынь и клубненосный зопник. В лесу по глубоким оврагам сплошь почернели листья на дубах; побурели листья легочницы, побледнел и пожелтел узколистный горошек.

Катралинско-Кураганский район изменен людьми гораздо больше, чем Шайтан-тау, и это отразилось на животных.

До конца прошлого столетия вся южная окраина Сакмаро-Уральского пространства (в их меридиональном течении) была малонаселенной местностью. На старой десятиверстной карте в пределах Катралинского массива показаны были только две деревни Назаргуловы (теперь они называются Верхним и Нижним Бурляром).

Не было оседлого населения и в степях, граничащих с катралинскими лесами.

В конце прошлого и начале текущего столетия в южно-уральские степи и лесостепь хлынули переселенцы; Катралинский массив оказался окруженным поселками (Чукари, Поим, Ново-Михайловка, Ольгополька, Верхняя и Нижняя Григорьевка), и его леса стали усиленно вырубаться. По словам старожилов из деревень Чукари и Поим, еще

¹ Поселок, где я остановился. Он населен украинцами, переселившимися сюда из б. Ольгопольского уезда в начале нынешнего столетия.

в конце прошлого столетия, то есть во время возникновения этих поселков, в катралинских лесах жили медведи, рыси и куницы, были обычны лоси, глухари и белки.

Вырубание лесов и превращение их в мелколесье были главными причинами того, что медведи и рыси исчезли совсем из этого района. Не осталось и лосей, но по другой причине: их истребили в те годы, когда эти звери не охранялись.

Начиная с 1930 года беспорядочное вырубание лесов прекратилось; мелколесье сменилось густыми 30—40-летними лесами. Вновь появились лоси, но, в противоположность Шайтан-тау, лоси крайне редко остаются на зиму в катралинских лесах; большинство их откочевывает отсюда на зиму на Шайтан-тау. В его многочисленных глубоких балках, которые лишь опытный лыжник может пересечь зимой, да и то с большим трудом, лоси находят более надежное убежище, чем на выравненных водоразделах между отвершками Катралы или на их пологих склонах, заросших светлыми дубняками и березниками.

К началу 30-х годов остались как исключительная редкость и глухари в тех очень немногих участках, где уцелел 30—40-летний лес. Лесной объездчик Степан Петрович, хорошо знавший катралинские леса, сообщал мне, что он в 1934—1939 годах встретил там всего лишь несколько холостых глухарок. Ни глухариных выводков, ни глухарей-самцов в эти годы ему не пришлось видеть ни разу.

Очень интересно, что сходные наблюдения были сделаны в Шотландии. И там при расселении глухарей по новым участкам сначала появлялись самки (иногда они спаривались с тетеревами и даже фазанами), а потом уже, через несколько лет, — самцы.

По мере того как вновь подымались и разрастались катралинские леса, их опять заселяли глухари. В первый же день, проведенный мною летом 1951 года в урочище Алак, я поднял там в 30—40-летнем дубняке глухаря и двух глухарок и затем поднимал этих птиц каждый день. Но в молодых, 15—25-летних, дубняках и березниках по обоим берегам р. Тангаурки (в 10—12 км от урочища Алак) глухарей я не видел ни разу.

В животном мире Шайтан-тау и Катралинско-Кураганского района, кроме различий, которые вызваны и созданы деятельностью человека, есть и исконные различия, причины которых лежат в различии естественных условий жизни. Вот один из примеров. На Шайтан-тау нет речек и ручьев, которые бы зимой не замерзали сплошь, а в связи с этим нет здесь и оляпок. На р. Катрале и ее притоке Тангаурке нередко никогда не замерзающие участки, и я видел там несколько выводков оляпок.

В ПРИУРАЛЬСКИХ СТЕПЯХ

В южноуральских нагорных лесах и лесостепи я жил подолгу и видел их во все времена года. В степях же я бывал только наездом, работая в экспедиции. Ни зимы, ни ранней весны мне совсем не пришлось наблюдать. В экспедиционном отряде была машина, и я в 1949 и 1951 годах проехал на ней по всем природным районам, расположенным на южной окраине Сакмаро-Уральского междуречья. Трижды замыкалось кольцо моих путешествий по предгорным степям: начинаясь у Чкалова, мои пути уходили к горе Вишневой и поселкам Акъяру и Таналыку и возвращались оттуда снова на запад.

ОСЕНЬЮ В ГУБЕРЛИНСКИХ СОПКАХ

Широк и горек осенний простор приуральских степей. В первый раз я увидел их осенью 1934 года. Полынью пахло в воздухе, полынью горчило молоко; ее седоватый налет, как пепел, прикрывал каменистые сопки и увалы, стоявшие по обеим сторонам дороги, по которой я подъезжал к Казачьей Губерле. Казачья Губерля была впервые построена в 1736—1738 годах как крепость, входившая в Оренбургскую пограничную линию, тянувшуюся по р. Уралу. Ханыков — автор «Географического обозрения Оренбургского края» — еще в 1839 году писал: «Урал есть

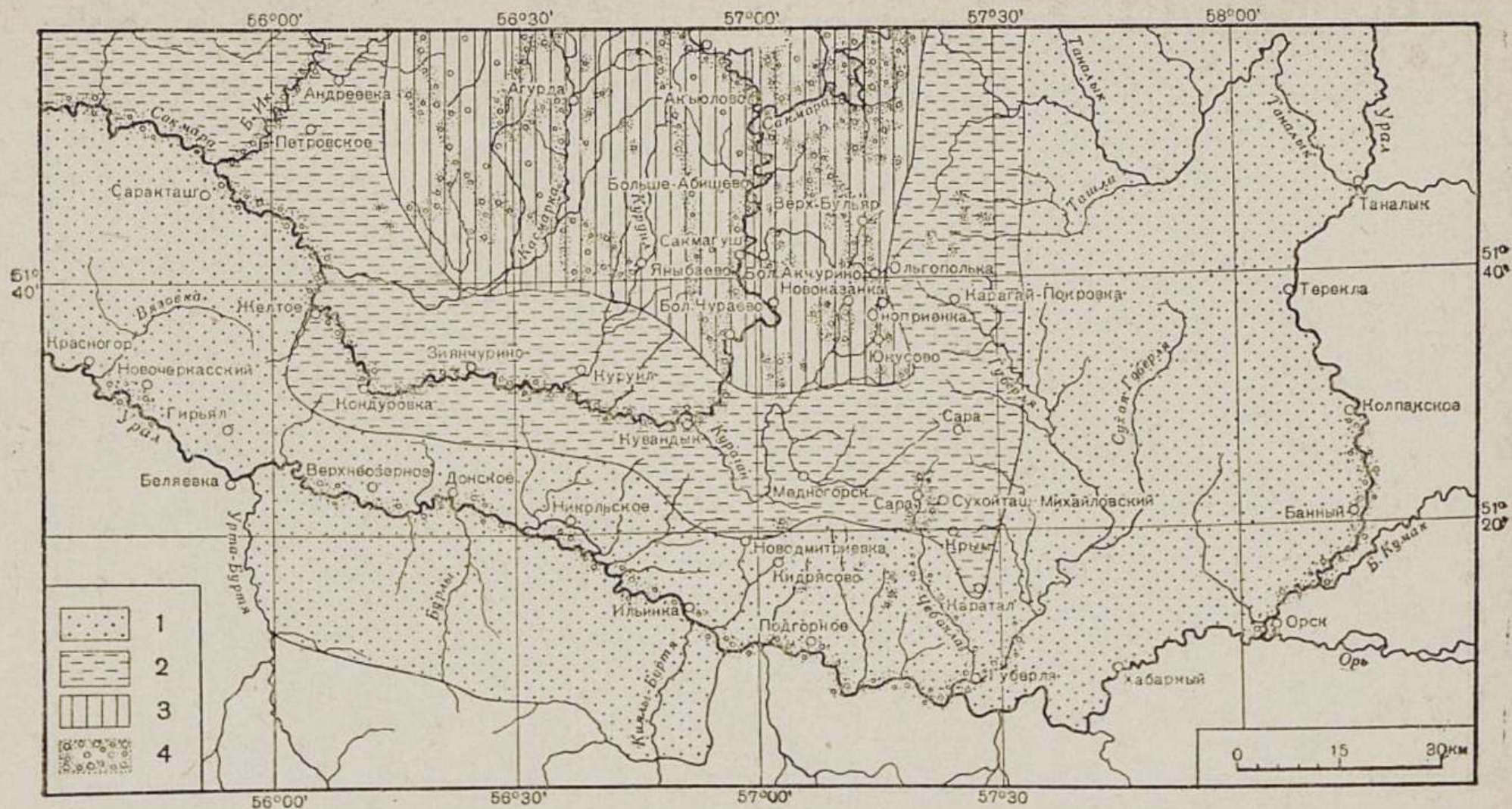
предел русского населения, и страны, за ним лежащие, остаются для нас почти совершенно неизвестными». От поселка Хабарного на востоке до поселка Гирьяла на западе по правобережью р. Урала тянется мелкосопочник. В нем можно выделить два района — Губерлинский (восточный) и Подгорно-Гирьяльский (западный). В наиболее возвышенной северной части Губерлинского мелкосопочника, на стыке его с Саринским плато, узкие выравненные языки возвышенной степи чередуются с глубокими отвершками речек и долов. По мере приближения к р. Уралу местность все больше расчленяется, и ровного места почти не остается.

Через несколько дней по приезде в Казачью Губерлю я пошел оттуда на Сухую Речку. «По самому сердцу наших гор пройдешь», — сказал мне старый казак, объясняя дорогу.

Далеко внизу протянулась длинная лента осоковых и вязовых лесов по берегам Урала; на прогалах — там, где урема прерывалась, — ярко блестела на солнце полоса воды. Словно застеленные льном, желтели луга по высокой пойме Урала. В тихом прозрачном воздухе плыли белые тонкие паутинки, и высоко над ними клекотали орлы-могильники.

Вскоре на пути попался глубокий овраг; обходить его было бы долго, и я пошел напрямик. Крутые стенки оврага заросли чилижником, вишенником и бобовником. Резкий металлический свист сеноставок пронесся невдалеке. Многие сеноставки уже поставили стожки зеленого, душистого сена из веточек бобовника и вишенника с небольшой примесью полыни, клубники и горицвета. Стожки были поставлены или под камнями, или в густых зарослях кустарников. Долго стоял я за скалой, стараясь заметить самих зверьков. Наконец, свист стал слышен совсем близко, и под камнем у стожка показалась сеноставка. Присев на задние лапки и слегка приподняв над землей передние, она пронзительно резко засвистела, затем спустилась и стала подгрызать веточку бобовника. Не все сеноставки кормятся зимой собственным сеном; часть их зимует под стогами, поставленными человеком, и поэтому местные жители зовут их «подстожными зайчиками».

Миновав один овраг, я через сотню шагов попал в другой, такой же крутой и глубокий. Цепкая чилига

Ландшафты и природные районы южной окраины Приуралья.

1. Ландшафт предгорных типчаково-ковыльных и каменистых степей.
2. Ландшафт предгорных ковыльно-разнотравных и каменистых степей.
3. Ландшафт нагорной лесостепи с широколиственными колками.
4. Лес.

заплетала ноги и мешала идти; ее колючки кололи и царапали руки. Один за другим пришлось мне перейти около десятка таких оврагов. То были, как я узнал после от чабанов, губерлинские «Пиленые овраги», которые называются так потому, что они словно пропилили горы на узкие глубокие щели.

Солнце уже низко склонилось над вершинами увалов, а до чабанской сторожки было еще далеко, и я решил заночевать в горах.

Тихи сентябрьские ночи... С резким свистом пролетели утки, направляясь на просо за Уралом. «Пу-гу, пу-гу, пу-гу» — перекликались в горах филины; в разных сторонах рывкали косули; перед рассветом в вершине Сухой Речки завыл волк, вслед за ним залиvisto подхватили переярки, по-щенячьи завизжали прибылые¹.

Утром у сухореченской кошары я застал большое смятение. Ночью под нее подкопались волки и бросились на овец. «Хорошо, что я скоро услышал топот и шум, — рассказывал старый чабан. — Прибежали мы в кошару, видим: сбились овцы к одной стороне, лезут дружка на дружку, давят одна другую. Пять овец успели все-таки волки порвать да шесть штук задохлось в куче».

Чабан вскипятил чайник, угощал лепешками на барсучьем сале. «Где это вы барсуков настреляли?», — спросил я у него. «Не стрелял — в капканы попались. У кошары в назёме живет много белых червей²; барсукам они лакомы, как медведю мед. Барсуки еще с весны стали сюда ходить и рыться в назёме. Какие они ямы и траншеи выкопали!.. А нас тут летом никого не было; мы недавно сюда овец перепнали. Тут я и увидел, что барсуки понаделали. Капканы у меня есть — я лисиц в них зимой ловлю, — поставил я их в назёме, около нор, и трех барсуков, одного за другим, поймал».

На Сухой Речке, как и в других небольших речках и ручьях, текущих в Губерлинских сопках, вода бывает только весной да в начале лета. Потом она пересыхает, и только в верховьях, в глубоких и узких оврагах, остаются непересыхающие ручейки. По днищам таких долов тянулись узкие ленты вяза и черемухи. В тот год был

¹ Прибылые — молодые волчата, переярки — волки прошлогоднего выводка.

² Белыми червями здесь называют личинки жуков-носорогов.

шагала через старые дороги, взбиралась по склонам к водоразделам. Я пробирался по осиннику вниз, к Сухой Речке, и вдруг остановился: на осинах белели, словно затески, лосиные заеди. Таких осин было много: лоси здесь стояли зимой. Осинки помоложе, макушки которых могли достать сохатые, были подстрижены кругом, словно липы на городских скверах. Когда появились лоси в Губерлинских сопках? Их не видел здесь не только я, когда был пятнадцать лет назад. Не видел их и Паллас, посетивший Губерлинский мелкосопочник в 1769 году; не упоминали о лосях ни Эверсманн, ни М. Ружский, исследовавший животный мир Губерлинских гор в 1895 году.

По словам охотников из Казачьей Губерли, лоси были впервые замечены в 1937 году, а теперь следы и места кормежки сохатых, а иногда и их самих, видят и летом, и зимой.

ВЕСНА В ПРИУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ

Мне не пришлось видеть, как приходит зима в приуральские степи и как она уходит из них. Не видел я полностью и всей весны, а лишь ее конец. В начале мая 1951 года наш отряд приехал в Губерлинские сопки, и мы поставили палатки близ истока р. Коноплянки.

Повсюду — и в лесных колках, одетых в нежную зелень, и в горных степях, быстро сменявших один наряд на другой, — цвела и пела весна. На вершинах и крутых склонах сопки и увалов, где серели или бурели выходы горных пород, могли укорениться только такие «камнелюбы», как «репки», вонючий лук, горный очиток, кузьмичева трава.

На камнях грелись прыткие ящерицы, вспорхнула парочка каменок-плешанок. Зимой на сдувах здесь кормились тетерева, и кучи их помета были рассыпаны по камням. Там, где камни были покрыты более мощным слоем земли, развевались по ветру пушистые нити ковылей, выметались метелки пустынного овсеца и типчака, сидели листья седой вероники. Растения не везде были сомкнуты; нередко между ними темнели пятна голой земли и щебня. На степных склонах сопки не было слышно песен жаворонков; эти птички здесь не живут, но то тут, то там, треща крылышками, с песенкой поднимались вверх степные коньки, устраивающие гнезда под укрытием ковыля и типчака.

урожаем черемухи, и поэтому в уреме то и дело подымались тетерева, прилетавшие кормиться ее ягодами.

В вершине же одного из долов, по которому протекал ручей, впадавший в р. Чебаклу, на расширенном, ровном участке долины оказалось небольшое поле. Скошенная пшеница была еще не убрана и лежала в рядах. Осторожно осматриваясь, на поле кормились нарядные, щеголеватые косачи и чересчур часто, без нужды, вертелись и прыгали сороки. Мне хотелось понаблюдать за повадками тетеревов, и я устроил небольшой малозаметный шалаш из соломы и засел в него во второй половине дня. Первыми прилетели на поле тетерки и молодые тетерева. Потом на склоне увала появилась особая, державшаяся отдельно от них, стайка косачей. Довольно долго, с полчаса, они ходили по склону, отыскивая последние ягоды степной вишни; потом дружно поднялись, но перелетели не прямо на поле, а расселись по вязам на его окраине и стали склевывать почки. Прошло еще с полчаса, и они опять сразу, всей стайкой, слетели с деревьев и опустились на пшеницу. Тетерева ходили в нескольких шагах от шалаша, и было видно, что все они, как один, были взрослыми синевато-черными косачами. Старые тетерева собираются в стаи раньше, чем молодые отобьются от матки.

Кое-где в отвершках Сухой Речки виднелось березовое и осиновое мелколесье; редко где можно было найти дерево, толщиной в кол. Густая и высокая трава, росшая в перелесках, была примята косулями, забиравшимися сюда на отдых...

В 1949 году в погожий день золотой осени я ехал опять в Губерлинские сопки. Вот околица Казачьей Губерли и р. Чебакла, где я когда-то смотрел, как казачата вытряхивали из морд трепетавших ельцов и пескарей, обмазывали тестом горла морд и ставили их опять в воду. Вот поле, где я сторожил на пшенице тетеревов. Их стало еще больше, и косачи то и дело вылетали перед машиной, тихо пробиравшейся по глухой дороге вдоль ручья. А как выросли черные ольхи, как раскинулись вязы!..

Мы стали неподалеку от водораздела между вершинами Сухой Речки и Казачьей Вязовки; дальше на машине нельзя было проехать. Пятнадцать лет назад в отвершках этих речек я видел лишь мелколесье, еле возвышавшееся над высокой буйной травой. А сейчас по отвершкам стояли густые молодые березники и осинники; осиновая поросль

Среди каменистой степи темнозелеными пятнами выделялись куртины степных кустарников. Вишня и бобовник уже отцвели, но чилига была в разгаре цветения и золотилась на солнце. Розовые цветы усыпали татарскую жимолость, белели кусты другой, более редкой здесь пушистой жимолости. Пахло медом от душистых зонтиков таволги. Взобравшись на макушки чилиги, распевали песни маленькие юркие кустарниковые камышовки; стоило им заметить опасность, и они тотчас же ныряли в густую чащу чилижника и бобовника. Поблизости от них пели нарядные варакушки. Из темнозеленых, густо разросшихся кустов жимолости доносились песенки серых славок. Но звонче и сильнее всех птичьих голосов был резкий свист степных сенокосов.

Перевалив несколько сопок и увалов, перебравшись почти через столько же долов, я вышел на ровную, как стол, возвышенную степь, лежавшую, как остров, среди всхолмленных вершин Коноплянки и Сухой Речки. В этой степи преобладал типчак; самыми обычными после него растениями был ковылок, мохнатая грудница и седая вероника. В отличие от сопочных склонов воздух был наполнен трелями многочисленных здесь жаворонков. Развалясь на солнце, за камнем лежала лисица.

По днищам отвершков, поднимаясь оттуда на ближайšie части склонов, зеленели лесные колки из березы, осины и чернотала; кое-где изредка к ним примешан и вяз. Травяной покров под лесом резко менялся на незначительном расстоянии в зависимости от степени увлажнения и силы солнечного освещения. Местами по сырым днищам отвершков под березником тянулись узкие полоски тростника и лабазника; на менее сырых, но достаточно влажных участках разросся буйный покров из сныти, скерды, коротконожки, сборной ежи. На опушках и под разреженным пологом леса на сухих склонах росла клубника, земляные орешки или густые куртины чилиги, таволги и бобовника. Днище самой Коноплянки, где струился ручей, заросло черной ольхой и черемухой; местами, где застаивалась вода и рос тростник, черная ольха была смешана с березой.

Вечером я поднялся на одну из сопок, вытянутых в ряд между двумя отвершками Коноплянки, надеясь услышать тетеревиное бормотанье и найти ток. Солнце наполовину зашло за вершину увала, и низкие лучи падали прямо

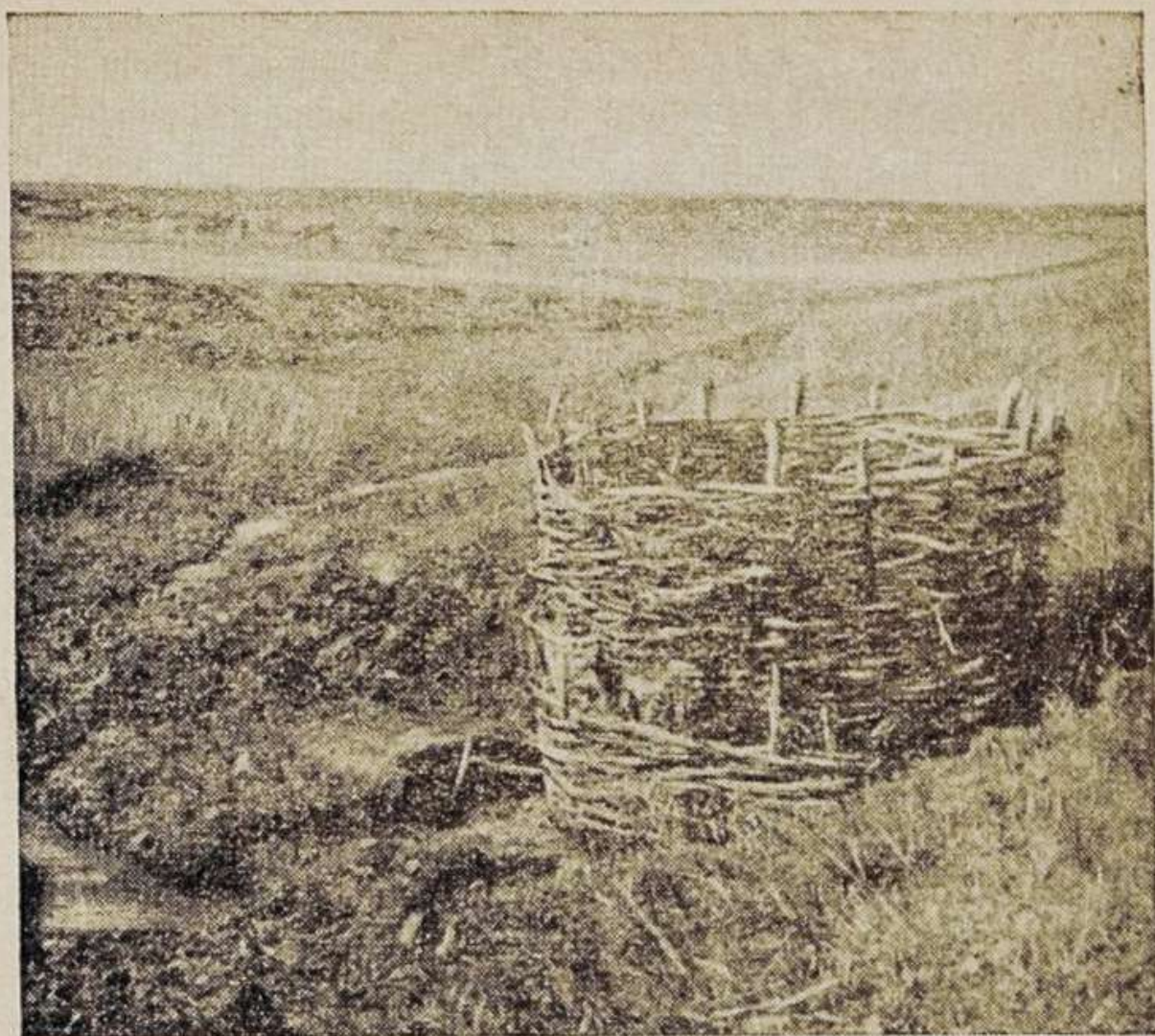
в глаза. Дневное тепло быстро сменялось прохладой; стих ветер, не шевелились даже перистые нити ковылей. У подножья сопки, в березово-осиновом колке чуфыкнул тетерев, вдали, из чилижника, ему отозвался другой, потом третий, и вскоре пять косачей один за другим слетели на токовище. Оно было расположено у подножья сопки, на выравненном степном прилавке, поросшем типчаком, мохнатой грудницей, седой вероникой; кое-где, кроме этих растений, росли пустынный овсец, ковыль и низенькие кустики чилиги. По токовищу, среди пучков типчака и ковыля, шли торные тропинки, протоптанные тетеревами; в нескольких местах тропинки сходились вместе на утоптанной площадке с примятой, словно прикатанной травой и рассыпанной и утрамбованной землей из слепушонковых холмиков.

Ночью, перед рассветом, я ушел на ток. Подгорная степь была безмолвна, но на склонах свистели сенокосы и неумолчно заливались в уреме соловьи. Чернели, как уголь, сопки и увалы. Прошло около часа, когда на востоке появилась нежная оранжевая полоска зари; забелелся ковыль перед шалашом; из типчака поднялся и запел жаворонок. Вслед за ним, неожиданно для меня (я не думал, что вальдшнеп может жить так далеко к югу, в мелких колках леса среди степи), протянул через степь вальдшнеп, направляясь от одного перелеска к другому. «Еще один лесной житель», — подумал я, вспомнив о лосях.

Начиная с этой зари и до конца мая я наблюдал тягу вальдшнепов. Несомненно, что здесь они и гнездятся, и прежние указания зоологов о местах гнездования вальдшнепов в пределах Чкаловской области неточны. «Встречается у нас только на пролете, как и следовало ожидать по местности», — писал, например, о вальдшнепе Н. А. Зарудный в «Орнитологической фауне Оренбургского края» (1888). Да и по более поздним данным, в пределах современной Чкаловской области гнездование вальдшнепа указывалось только в Бузулукском бору и в лесах по хребту Наказ.

Пользуясь тем, что в отряде была машина, я уезжал весной на несколько дней из Губерлинских сопки на Саринское плато и в Гирьяльскую степь.

На Саринском плато, в какую сторону ни глянь, — все поля и поля, ровные, как футбольная площадка, уходящие за горизонт. Местами поля сменяются залежами; их осо-

Степь у Солонцеватого оврага.

Фото автора.

бенно много у верховья р. Б. Губерли. В пути нас застал сильный теплый дождь, поливавший, словно из шланга, окна кабинки. Намокшие стрепеты выбегали на глухую степную дорогу и неохотно взлетали, настигаемые машиной. Таких обширных залежей я еще не видел и поэтому весь следующий день провел на этом участке. Вытянувшей шею, настороженно следили за мной степные красавцы — стрепеты, приподняв голову над пырейно-мятликовой зеленью; с звонким криком налетали кроншнепы; пронеслись тиркушки, похожие на больших ласточек.

Целинных степей у истока Губерли было гораздо меньше, чем залежей. Они сохранились здесь лишь кое-где по каменистым окраинам отвершков, где свистели сенокосы и золотистые куртины чилиги поднимались среди зацветающего ковыля.

Расставляя по чилижнику ловушки, я вспугнул «болотную» сову, бесшумно поднявшуюся с гнезда, где лежали яйца и два совенка. Через неделю совиное семейство вы-

росло и в гнезде уже было 6 совят. Два совенка, вылупившиеся последними, были еще в пуху, а первые уже начали оперяться; у гнезда лежал недоеденный корм — две молодые сеноставки и три серые полевки. Одна из них слегка отличалась по окраске от других: светлые и темные кончики волос сливались в пестринки. Такая окраска свойственна полевке, которую называют узкочерепной, или стадной. Но одной окраски для точного определения мало; надо было исследовать череп. Как только я очистил его, сразу же бросилась в глаза его форма: череп был узкий и вытянутый, особенно узко было пространство между глазницами. Полевка оказалась действительно узкочерепной. Всего несколько лет назад она была обнаружена впервые на восточном склоне Южного Урала зоологом К. С. Никифоруком. Он нашел ее в юго-восточной Башкирии. Сова помогла мне найти ее еще дальше к юго-западу. Эта полевка местами приносит много вреда человеку, и поэтому надо следить за тем, не продвигается ли она из западно-сибирских и казахстанских степей на запад.

А самый конец весны мы провели на западной окраине приуральского мелкосопочника, неподалеку от поселка Гирьяла. Для жизни в палатках необходимы вода и топливо. Гирьяльцы сказали нам, что воду мы найдем в Солонцеватом овраге и там же много сухого коровьего навоза, что горит, как кизяк: стадо каждый день приходит туда на водопой. Солонцеватый овраг лежит посреди обширного гирьяльского выпаса, и казаки каждый год весной расчищают родник, пробившийся сквозь гальку на дне оврага, и окружают ключ плетушкой из толстых ивовых прутьев, охраняя криницу от затаптывания скотом. Незадолго до захода солнца большая отара овец, возвращавшаяся с выпаса, сгрудилась на водопое, обступив с двух сторон ручеек, вытекавший из плетушки.

Солнце садилось. Низкие лучи его наложили светло-фиолетовый оттенок на серые каменистые склоны Гирьяльского хребтика; узкие, как желоба, ложбины, покрытые цветущим ковылком, казались осыпанными солью. Спустились тени на красную глину по размытым крутым стенкам оврага.

Два раза в году прекрасна степь — золотой осенью и весной. Как легко дышалось изумительно чистым и прозрачным воздухом! Как четки и ясны были очертания степных холмов! Стадо ушло. Стих ветер, дувший весь

день. В сумерки на выбитой скотом степи у ручейка послышались тихие, словно приглушенные звуки «крэк-крэк» — то пара кречеток проворно шныряла по скотосбою, отыскивая проволочных червей и жучков. Степные тиркушки — их зовут еще красноустиками за кирпично-красную оторочку разреза клюва, — стараясь отвести меня от детей, опускались на землю чуть не у самых ног и начинали купаться в сухой земле, разгребая ее длинными, как у ласточки, крыльями. Несколько тиркушек бегало по вспаханному пару, то скрываясь между пластами земли, то вновь показываясь на гребнях. Высоко подпрыгивая над землей, проскакал большой тушканчик по вытоптанной скотом залежи.

Быстро стемнело. Как бриллианты на черном бархате, загорелись звезды на широком степном небосклоне.

На другой день утром я пошел к вершине Гирьяльского хребтика. Местные жители называют его Гирьял-тау. В переводе с татарского языка это означает «Конская грива». Степь была густо усеяна холмами; местами их было так много, как стогов сена на заливных лугах в урожайный год. Тропинки, протоптанные скотом по ложбинам между холмами, были застелены пушистыми остями ковылей: налегая друг на друга, перекрывая одна другую, нити словно сплетались в «паутинки» — тонкие кружевные платки, что вяжут из козьего пуха и шелка казачки в Гирьяле.

На вершинах холмов много щебня и камня; зеленовато-серая полынь, типчак и ковылки встречались здесь чаще всего. В ложбинах между увалами были обычны растения ковыльно-разнотравной степи — перистые ковыли, земляные орешки, горный клевер, клубника, клубненосный зопник и другие. Многочисленные кучки земли, похожие на опрокинутые кверху темные воронки, показывали, что под землей жило много слепушонок. Между ковыльно-разнотравной степью по ложбинам и каменистой степью по вершинам холмов был ясно заметен и промежуточный пояс, где были смешаны растения той и другой степи.

На седовато-серых солонцеватых участках, залежавших на выравненных понижениях между холмами, кормились парочками и поодиночке белокрылые жаворонки. Они не прятались в траве, как полевые жаворонки, а стояли открыто. Изредка с солонцов слетали тиркушки.

У края широкой большой лощины, протянувшейся среди холмов, я наткнулся на колонию кречеток — птиц,

свойственных сухим степям с редкой растительностью. Здесь среди типчака, седой вероники и мохнатой грудницы бурели плешины сухой земли и мелкого щебня. Как только я стал приближаться к колонии, кречетки сорвались с гнезд и со сторожевых пунктов и разом кинулись ко мне, стараясь отвести меня в сторону. Яйца кречеток лежат прямо на земле, в чуть заметном углублении; окраска их подходит к окраске почвы. Обнаружить их очень трудно, но помогали сами птицы: близ гнезда они начинали метаться особенно отчаянно. Еще трудней заметить птенцов: их оперение так сливается с цветом сухой степи и почвы, что скорее наступишь на неподвижно притаившуюся кречеточку, испещренную коричнево-песочными пятнами, чем увидишь ее.

ПРИУРАЛЬСКОЕ СТЕПНОЕ ЛЕТО

Зной и засуха в южной приуральской лесостепи начинаются рано. В 1951 году уже в начале июня на целинной гирьяльской степи старая пересохшая трава ломалась под ногами; ветер разнес пушистые ости ковыля, и он серебрился лишь на ложбинах стока, где в почве было больше влаги.

За целинной степью шла старая типчаково-пырейно-ковыльная залежь. Там я наткнулся на гнездо большого кроншнепа. Распустив крылья, самка поднялась с гнезда и побежала, затем вспорхнула и, пролетев несколько шагов, опустилась, пытаясь отвести меня от яиц. С звонким криком подлетел самец и закружился над головой. Я ушел поскорей от гнезда, чтобы не остыли яйца, но кроншнепы еще долго провожали меня, то садясь впереди и бегая с опущенными крыльями, то снова поднимаясь и отлетая...

В то лето мне нужно было побывать во всех природных районах южной окраины Урало-Сакмарского степного междуречья, и из гирьяльской степи мы снова направились на восток. По дороге мы остановились возле устья небольшой степной речки, впадающей в Урал. Высокая пойма Урала была здесь занята полями и степной целиной, где преобладали типчак, полыни и ковыли; местами виднелись низенькие кустики чилиги. На одном из целинных участков меня остановило мелодичное тихое посвистывание. Начинаешь подходить, — свист впереди затихает, но слышится с боков; идешь туда, — происходит то же самое. Свист не-

видимок доносился и из травы, и из прямых, отвесно уходивших в почву норок, но не из глубины их, а из входа, — словно пела поверхность земли. Поющие невидимки были молодыми сурликами, недавно начавшими вести самостоятельную жизнь.

Более длительную остановку мы сделали в сопках, расположенных неподалеку от поселка Подгорного. Там, по склонам большого дола, сохранилось поселение сурков. На вершине увала, где выходили наружу каменные гребни, на щебнистой мелкой почве росли вонючий лук, молочай, полынь, «репки», кузьмичева трава, типчак. В этой части склона сурки не жили. Сурчины показались с полсклона. Здесь было больше земли, меньше щебня и камней. «Камнелюбивые» растения — «репки», кузьмичева трава, солянковидная полынь — попадались здесь реже, чем вверху. Их сменили куртины ковыля, пустынного овсеца, гребенчука, сон-цветов, порезника. Еще ниже господствовала ковылково-овсецовая степь с рассеянными по ней кустиками вишни. С одного склона на другой шли прямые, как большаки, тропки сурков, а на них, отделенные приблизительно равными промежутками, виднелись сурчины.

Под вечер, спускаясь с увала, я наткнулся на семью сурков, живших на окраине колонии. Сурчата кормились в степи, обкусывая листья типчака и ковыля, отойдя от нор на 30—50 шагов. Заметив меня, они бросились к норам и спрятались в них; лишь один сурчонок стал столбиком у входа в нору и начал свистеть. Я сидел неподвижно, и сурчонок не уходил и продолжал тревожно свистеть. Обеспокоенная сурчиха то выскакивала из норы и становилась на задние лапы, то скрывалась под землей и глухо кричала. Ее зов походил на кашель: «ках-ках-ках». Возвращаясь к палатке, я увидел старого светлого сурка, жившего в пяти шагах от дороги. Он кормился по днищу промоины, где росли мятлик и птичья гречиха, и далеко (метров на 100) отошел от норы. Заметив меня, сурок устремился назад, к норе, и, подбежав к ней, остановился.

Перед закатом солнца, стоя у палатки, мы по очереди стали наблюдать за сурками в бинокль. Взрослые сурки лежали близ нор на солнце и посматривали на молодых сурчат, все еще продолжавших кормиться.

У самого верха суркового поселения, на полсклоне сопки, у норы было слишком большое оживление, не свой-

ственное суркам. Внимательно приглядевшись, я увидел, что это были не сурки, а лисята. Они то бегали взапуски один за другим по тропинке, вправо и влево от норы, то разбивались по-двое и вступали в борьбу. Вдвоем со спутником, у которого был фотографический аппарат, мы стали осторожно подходить к лисятам. Лисята были одни, без старших, и сгорали от любопытства. Их длинноухие головки с блестящими живыми глазами были устремлены на невиданный еще предмет — фотографический аппарат, поставленный перед норой. Но осторожность, приобретенная многими поколениями предков, была присуща и им: лисята юркнули в нору. Двое там и остались, но пара других оказалась смелей. Они вышли опять из норы и стали разглядывать треногу с черной коробкой фотографического аппарата. Когда мой спутник менял пластинки, они прятались в нору, но через две-три минуты оттуда опять показывались уши, просвечивавшиеся на солнце, а потом — вся мордочка или сразу две. Вылезали и неподвижно смотрели то на нас, то на аппарат.

Спустившись назад, к палатке, мы рассказали о лисятах Хаджею — молодому рабочему, помогавшему мне ставить ловушки и раскапывать норы грызунов, и он решил поймать лисят, хоть я и уговаривал его не трудиться напрасну. Поднявшись по склону выше норы, он подполз к ней и прилег у входа, собираясь схватить лисенка, как только он покажется из норы. Но надежды его не сбылись. Вскоре в стороне от норы мы услышали хриплый лай матери-лисицы, возвращавшейся домой и предупреждавшей лисят о том, что нужно забиться как можно глубже в нору и сидеть неподвижно...

В Подгорно-Гирьяльском районе сопки подступают к уральской пойме постепенно, отлогими склонами, и лишь местами обрываются каменистой стеной. Особенно длинный обрыв тянется к востоку от Подгорного. Возле него мы простояли несколько следующих дней. Обеспокоенная нашим приездом, ночью у обрыва лаяла лисица. «Видно, там нора», — решил я и утром пошел по подножью обрыва.

Сложенный из конгломератов, он напоминал обрывистый берег горной реки, отличаясь тем, что галька была сцементирована, а не смешана с илом и песком, как в современных берегах. В конгломерате виднелись трещины и пустоты. В нишах у верхнего края обрыва валялись перья птиц — галок, голубей и тетерок; особенно много было

перьев галчат. Вскоре я нашел и норы, уходившие под обрыв и скрытые в кустарнике, окаймлявшем густой кромкой его подножье.

Кроме лисьих нор, была здесь и барсучья. От нее шла торная тропинка; сначала она привела меня в густую куртину жимолости, где отдыхали и играли барсуки, а затем, извиваясь по зарослям чилиги и бобовника, спустилась в пойме Урала к обмелевшей и обсохшей окраине старицы, где шуршали под ногами прошлогодние сухие стебли рогоза, камыша и манника, а незаросшие места были покрыты раковинами обсохших и погибших моллюсков. За обсохшей окраиной старицы начиналось мелководье. Оттуда поднялась малая выпь, зашныряли в тростнике утята, а на разводье, начинавшееся за широкой каймой из листьев кувшинки, выплыла камышница.

Между старицей и Уралом стоял старый пойменный лес. Огромные стволы (до 2—2½ метров в поперечнике) серебристых ив, осокорей и вязов, облепленные засохшей коркой ила, чернели над зарослями крапивы, ежевики и чистотела. Все старые деревья дуплисты, но птичьих гнезд в них немного, — может быть потому, что полая вода стоит долго и заполняет дупла, начинающиеся от самой земли. Гораздо больше птиц, которые гнездятся в кронах.

Уральский пойменный лес, стоящий у реки, летом издали очень красив. Светлосерые стволы стройных осокорей и ширококронные серебристые ивы отражаются, как в зеркале, в широких плесах. Над обрывами с звонким посвистом реют стайки нарядных щурок. Но стоит только вступить в лес, как высокая, в рост человека, чаща крапивы со всех сторон обступает вас, задевая за лицо и заслоняя глаза. Туча комаров и мошек поднимается с влажной земли и облепляет лицо и руки. Спотыкаясь о коряги, проваливаясь в промоины, искусанные гнусом и крапивой, обливаясь потом в душном застойном воздухе, вы торопитесь как можно скорее покинуть этот лес, манивший вас у реки.

Осокоревый лес на высокой пойме¹ более разрежен и сух и гуще заселен птицами. Весь день оттуда доносился непрерывный грачиный гомон. На окраине грачевника поселились кобчики и канюк, а у дупла старого осокоря то и дело попеременно появлялись малые пестрые дятлы, неся

¹ Она отделяется от низкой, ежегодно затопляемой поймы высоким, хорошо заметным уступом.

в клюве корм для птенцов. В кронах осокорей мелькали яркие иволги — самые обычные птицы крупного осокоревого леса. Планируя, спускались с деревьев чернолобые сорокопумы и, поймав на прогале кобылку, несли ее в гнездо. С тревожным пронзительным криком пролетали над рекой кулики-сороки. Стайки золотисто-зеленых щурок то кружились над деревьями, то спускались к обрыву и влетали с добычей в норы, где еще находились птенцы. При исследовании погадок этих птиц в них больше всего было найдено остатков шмелей; следующее место занимали пчелы; остатков других насекомых было мало, среди них нашлись и стрекозы, и кобылка, и даже шпанская мушка.

Зной нарастал с каждым днем. В двадцатых числах июня мы переехали в акъярские степи, расположенные по среднему течению р. Таналыка. Подняв пыль и мелкую высохшую траву, закружился вихревой столб, пронесся по сизовато-серым солонцам и пожелтевшим участкам типчаково-ковылковой степи и исчез так же внезапно, как появился. Мутная мгла закрывала горизонт. Дня два назад здесь пронеслись черные бури, что нередко бывают в акъярских степях.

С телеграфных придорожных столбов слетела пара канюков-курганников и уселась на каменистом холме, чуть прикрытом редкой травой. На Южном Урале этих птиц нет ни в лесостепи, ни в ковыльно-разнотравных степях. Да и в типчаково-ковылковых степях южной Башкирии и Чкаловской области они тоже редки. В основном область распространения этого вида лежит южнее — в полупустынях и пустынях.

Трепеща крыльями, висели над степью пустельги. То припадая к земле, то слегка приподнимаясь над степью, пролетали степные луни. Если в степи много хищных птиц, то наверняка много и мелких грызунов, которыми питаются хищники. Эта примета оправдалась и здесь. На высокой пойме Таналыка, заросшей пыреем и узколиственным мятликом, норки грызунов продырявили почву, как решето.

Таналыкская пойма издавна славится прекрасными лугами; даже в засушливое лето 1951 года трава на заливных местах стояла по пояс. Туда, где уже начался сенокос, налетело множество степных луней и пустельг: им легче было ловить полевок и кобылок на скошенном лугу, чем в траве.

Целинная степь тоже кишела грызунами. В типчаково-ковылковой степи было много и обыкновенных полевок и пеструшек, но типчаково-полынные солонцеватые места были заселены почти одними пеструшками. Пеструшки жили колониями, и от норки к норке были протоптаны торные тропинки; недоеденные веточки полыни и типчака валялись у входов в подземные убежища. Норки пеструшек шли неглубоко под землей (в 20—25 см от поверхности), и лишь гнезда были расположены на глубине в полметра. Гнездовые камеры обширны, величиной с большой арбуз, и были наполнены типчаковой трухой. На солонцах, затвердевших, как чугун, где росли одни солянки, норок грызунов не было.

В конце июня днем было так жарко, что в полуденный зной на таналыкских отмелях собирались кречетки, веретенники и чибисы; раскрыв клювы, там же потихоньку ходили вороны; прятались в тень по глинистым речным обрывам степные луны.

В акъярских степях я мог задержаться лишь на несколько дней, а затем уехал отсюда на восток к горе Вишневой. Мы остановились в нескольких километрах от нее, у подножья Джиль-тау (гора Ветра). С вершины ее, когда смотришь на запад, видно слегка взволнованное пространство, похожее на затихшее море. К востоку тянулись по склонам к р. Уралу сухие каменистые степи; среди типчака и ковылка темнел голый щебень, а местами вдоль склона вытянулись рядами остроробристые каменные валы. У подножья горы, где пологий склон постепенно переходил в надпойменную террасу, по степи серели пятна солонцов.

Степь у подножья Джиль-тау была очень похожа на акъярскую степь, откуда мы только что приехали, но хищных птиц было мало — так же, как и мелких грызунов. Последних было в десять раз меньше, чем в степях между Акъяром и Ново-Зирганом. Раскапывая норки, мы обнаруживали только обыкновенных серых полевок, а пеструшек не нашли ни одной. Вот один из примеров, как сильно может колебаться количество мелких грызунов в очень сходных естественных угодьях одного и того же природного района, но в разных его участках.

К началу июля пожелтела и высохла степь; от зноя и засухи стала растрескиваться земля. Ни одна из речек между Чкаловом и поселком Подгорным не доносила воды

до Урала, все они пересохли в нижнем течении, и только в верховьях еще оставалась вода, да и то не во всех.

В это лето расплодилось неисчислимое множество кобылок. Местами они съели посевы пшеницы и ячменя, угрожали всходам дубков. Туда, где кобылок было особенно много, налетали большие стаи галок и грачей. По одиночке эти птицы ловят кобылок с трудом; чтобы не потерять кобылку из виду, грач или галка скачет за нею боком. Двигаясь стаяй, птицы легко ловят этих насекомых, так как кобылка, подпрыгнув, чтобы уйти от одной птицы, опускается у самого клюва другой и достается ей в добычу.

Вот куда на весь июль отлетали галки из дубравной лесостепи, с Шайтан-тау! Их манило в степь обилие лакомого корма — кобылок.

Кое-где проходили грозовые дожди, но они обходили Ильинку, где был наш лагерь. На краю неба подымалась темносиняя туча, заволакивала его и, прорезаясь зигзагами молний, двигалась на степь. Грозовые удары сотрясали воздух; редкие капельки дождя падали на горячие полотнища палаток, тотчас же испаряясь. Казалось — вот-вот хлынет ливень, но темная синевая туча разрывалась и бледнела; вскоре опять палило солнце, и мутная дымка из мельчайшей пыли висела над степью; прячась от зноя, сороки забирались в дупла осокорей.

В последний вечер, проведенный нами на берегу Урала у Ильинки, запылали молнии, рассекая красную полосу заходящей зари ослепительными ломаными линиями. Стало темнеть, но не было слышно шороха лесных мышей, каждый вечер шнырявших у палаток. Я удивился этому и подумал, что они предчувствуют что-то необычное. В полночь я проснулся от сильного шума; ураганный горячий ветер раздувал, как паруса, кроны высоких осокорей, дрожавших до самых корней, и гудел, прорываясь между палаткой и стволами деревьев. Молнии полыхали одна за другой. Разрывалась темень над широким плесом Урала; озаренные ослепительно ярким, чуть-чуть голубоватым светом, вставали черные высокие волны, но тотчас же опять пропадали во тьме под грохот грозовых ударов. Степь освещалась, словно прожекторами, до самой станицы. До самого рассвета длилась сухая степная гроза, и за всю ночь выпало всего лишь несколько капель дождя.

Из Ильинки мы уехали на левобережье Урала, в бур-

тинские степи, что протянулись от р. Киялы-Бурти до р. Урта-Бурти. Только что мы переправились через Урал, как на горизонте, над увалами и холмами поднялись и повисли густые клубы дыма. В усадьбе совхоза нам сказали, что горит степь близ Кимперсая, и мы уехали туда вслед за местными жителями, торопившимися на пожар. Дорога отошла в сторону; агроном совхоза, ехавший на нашей машине, сказал, что здесь крутых подъемов не будет и можно проехать прямо по целине. Вскоре мы наткнулись на сенокосную бригаду. Казах-тракторист торопился угнать трактор с сенокоса, боясь, что сюда подойдет пожар.

Когда мы спустились с пригорка в солонцеватую ложину, дым уже виднелся не отдельными огромными клубами, а, словно туча в горах, сплошь закрывал стоявшие перед нами увалы. Пахло гарью. От дымовой завесы по направлению к нам с жалобным писком летели жаворонки. Шофер остановил машину, и мы пошли вперед пешком. Как только поднялись на перевал, перед нами по всему склону ближайшего увала, мутно краснея в густом дыму, как огромный сказочный змей, извивался огонь, пожирая степь. У края пожарища металась жаворонки и степные коньки, то отлетая в степь, то вновь приближаясь к пожарищу, где остались гнезда с птенцами.

Послышалось тарахтенье тракторов, шедших один за другим и вспахивавших целину, чтобы создать земляную полосу. Вдоль перевернутых пластов дернины шло около сорока человек, забивавших чилижными метлами прорывавшийся огонь. Ветер тянул вдоль широкой ложины между увалами; трава по низине была гуще, чем на склонах, и старая высохшая ветошь была смешана с зеленой осокой и вейником. Огонь здесь был сильнее, чем на ковылково-типчаковых склонах, и прорвался через заградительную полосу. В это время мы перебежали через ложину и попали в густой едкий дым, шедший впереди огня. Уже слышалось вблизи потрескивание горевшего бурьяна, мелькало в дыму красное пламя, стало трудно дышать, и мы еле-еле успели выбежать на склон и вырваться из ложины. Вновь завернули тракторы, подошел еще один мощный дизельный трактор с 9 плугами, да и ветер изменил направление, и пожар остановили.

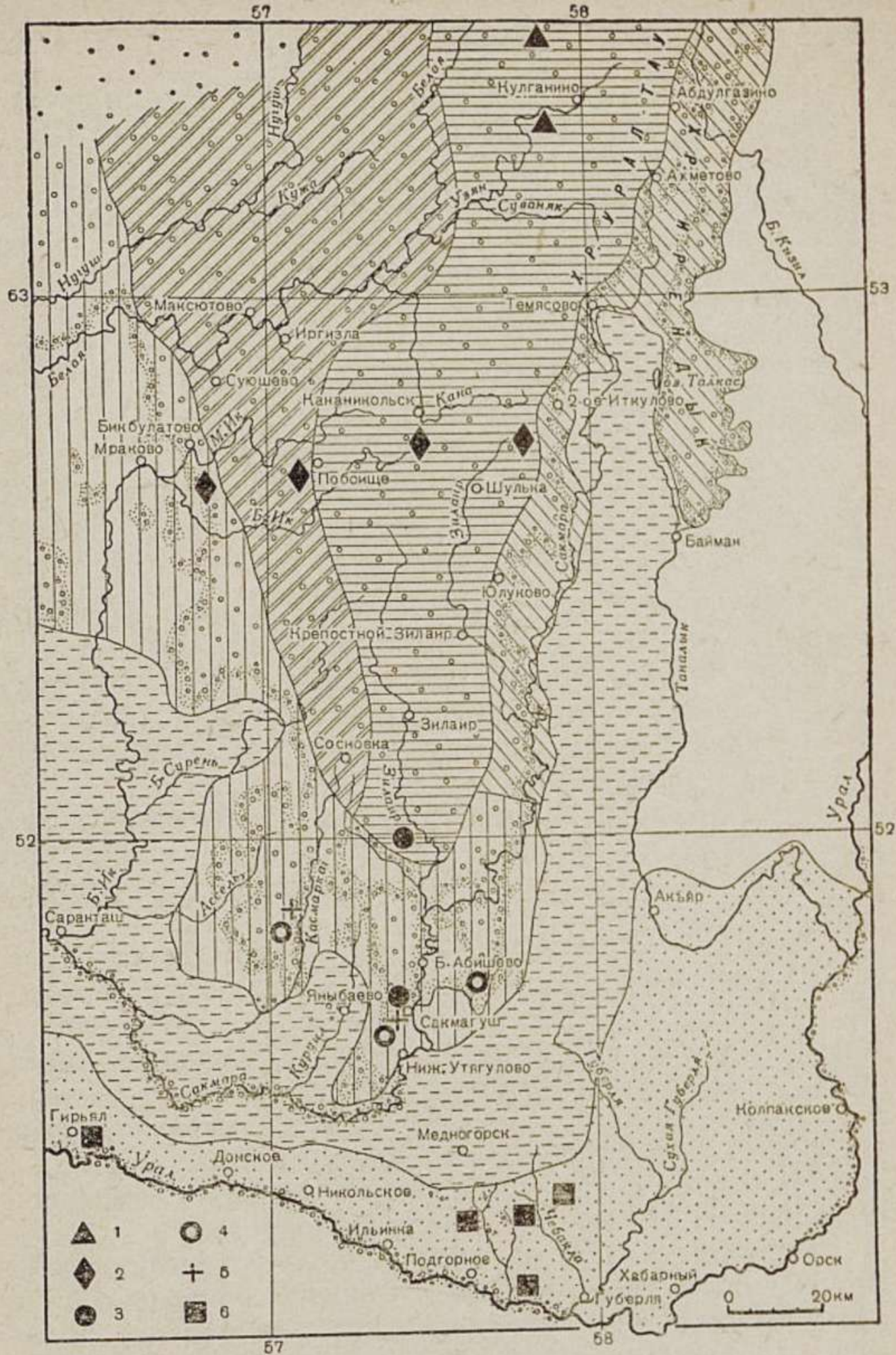
Уныло выглядела выгоревшая степь. На почерневшем, словно осыпанном сажеей пожарище серели кучки земли,

выброшенной слепушонками, светлели камни и земля, вынесенные сурками из глубинных слоев почвы; дымились догоравшие стога и муравейники. Среди черных обгоревших нитей ковылей и типчака выделялись светлые зольные остатки крупных стеблей порезника. Возвратившиеся жаворонки металась над пожарищем, отыскивая детей; у края выгоревшей степи топталась дрофа; кружился над дымившейся лощиной степной лунь. Мы стали раскапывать норки на теплом еще пожарище, желая узнать, кто в них схоронился от дыма и огня. Первой выкопали ящерицу, в других норках нашли обыкновенных серых полевок¹.

Назад к совхозу мы ехали другой дорогой, ближе к р. Киялы-Бурте. Вдоль дороги часто виднелись пепельно-сизые участки солонцов: кое-где с них подымались каниюки-курганники. Возле совхозной фермы переехали мелкий ручеек, еле перекатывавшийся по гальке, но долина его была очень широкой и незаметно сливалась со степью. «Это и есть Киялы-Буртя», — сказали возвращавшиеся с нами рабочие совхоза.

От Киялы-Бурти мы долго ехали по сухой ковылково-типчаковой степи, то совершенно ровной, то волнистой. Было уже поздно, и мы торопились доехать до р. Бурли и там остановиться. Эта речка напоминала Киялы-Буртю — и широкой, 5—6-километровой долиной, и высокой степной поймой, незаметно переходящей в надпойменную террасу, и цепочкой глубоких больших бочагов. На берегу одного из них мы остановились. В этом бочаге было так много родников, что вода была прозрачна, как в кринице. На глубине 1—1½ метров окуни и язи были видны, как в аквариуме. Но половина бочага была такой глубокой, что вода казалась черной, как в озерных бездонниках среди моховых болот и, купаясь, никто из нас не мог достать там дна. Отсюда-то время от времени выходила большая стая крупных язей. Бочаги соединялись между собой

¹ В недавнем прошлом в степных пожарах гибли иногда целые стада домашних животных. «Не далее, как в 1836 году, — писал В. Даль в примечании к первой части «Естественной истории Оренбургского края» Эверсманна (1840), — огромный пал, в 50 и более верст ширины, пробежал из глубины степи по направлению к Троицку, и, обхватив в одном месте столпившиеся аулы кайсаков, сжег более 300 кибиток, более 20 тысяч голов разного скота, причем сгорело более 70 человек, старых и малых, всякого пола и возраста».

Пределы распространения лесных животных.

1. Самые южные места гнездовья трехпалого дятла.
2. Самые южные местонахождения бурундука.
3. Самые южные места гнездовья глухаря.
4. Самые южные места гнездовья рябчика.
5. Самые южные местонахождения медведя.
6. Самые южные местонахождения лося.

извилистыми лентами мелководья, так густо заросшими камышом, что воды не было видно совсем.

По низкой пойме расстилались густые заросли кустарниковых ив, откуда, как только солнце начинало склоняться к горизонту, выбегали на прогалы зайцы-русаки. Их было так много, что не успел я пройти и километр, как поднял их целый десяток. На высокой пойме — и по целине, и по пшенице — были вырыты сусличьи норы. Здесь жили оба вида — и большой, и малый суслик, но размещались они по-разному. На самых сухих, выгоревших местах наблюдались лишь малые суслики, а по сырым глубоким котловинам на высокой пойме — только рыжеватые. Норы этих последних сусликов были устроены почти у самой воды, еще сохранившейся на дне западин.

* * *

*

Около двухсот лет тому назад была создана Оренбургская пограничная линия. Большая часть линии шла по р. Уралу, от самого почти его истока и до Каспийского моря. Росло население приуральских станиц и «отрядов»; разрастались города, особенно быстро рос Оренбург. Вырубались и редели приуральские леса.

Прошло сто лет после устройства Оренбургской пограничной линии, и в 1836 году тогдашний кабинет министров признал: «на сем огромном пространстве леса истреблены почти совершенно».

В связи с уничтожением лесов и кустарниковых зарослей склоны увалов и сопок превращались в бесплодные неудобья, где среди голой земли и щебня торчали крупные камни, как кости огромных допотопных животных. Слово огромная мутная завеса опускалась на горизонте, когда подымались черные бури в акъярских степях, сносившие с полей самую плодородную землю.

Изменяется строй общественной жизни, — изменяется и отношение человека к богатствам природы.

После Великой Октябрьской социалистической революции началось преобразование и охрана природы в государственном масштабе. Сейчас на степной окраине Урала, как и в других частях степной зоны, не только берегут и охраняют леса, но и создают новые.

«Су-ульган» (Умерла вода) — так называется одно из урочищ между степными поселками Крымом и Караталом.

Старый казах, пасший скот в Каратале, объяснил мне происхождение этого названия. Роща из ольх и осокорей окружала когда-то степной родник. Рощу вырубил, на вырубку пустили скот, и родник иссяк через несколько лет. Я видел уже только кочковатую поскотину, окруженную кромкой сырых солонцов, да грязную размешанную скотом мочажину.

«Умер лес — умерла вода, и стали это место звать Су-ульган», — закончил казах свой рассказ.

Прошло 16 лет, и мне опять довелось быть возле Крыма. Та же сухая и пыльная степь у околицы при въезде в поселок, но в противоположном конце его — новое, чего не было раньше. Молодые яблони зелеными линиями расчертили степь; колхозный садовник сказал мне, что саду уже шесть лет, и он ждет, не дождется, когда увидит его в цвету. А за садом, вдоль большой дороги, высоко поднялись мелколистный вяз и ясенелистный клен. Было раннее утро; нарядные синегрудые варакушки и пестро-серые ястребиные славки пели песню за песней, сидя у самых древесных макушек.

Видно, оживет Су-ульган, перестанет быть мертвой водой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В степях закончились мои южноуральские путешествия, что начались много лет назад в кананикольских борах. Путешествия помогли выяснить особенности размещения зверей и птиц на южной окраине Урала. Подробно об этом я писал в других работах и поэтому здесь кратко отмечу лишь основные особенности распространения некоторых наиболее характерных лесных и степных животных.

В той части Южного Урала, которая мною обследована, нет еловых таежных лесов¹. Нет здесь и большинства птиц, которые тесно связаны с такими лесами и живут в горной южноуральской тайге, — нет сибирской ореховки, нет кукушки, нет щура, нет вьюрка. Лишь в самых северных из обследованных мною районов — на Ю. Крака и на Урал-тау — были найдены на гнездовье трехпалый дятел и синица-московка.

Южнее этих границ проходит рубеж распространения бурундука. Этот зверек был найден в верховьях рек Ялан-Зилаира и Б. Ика, но южнее я его не встречал и не могу понять, почему его нет у Зилаира или у Крепостного — в самых южных горнолесных районах. Еще дальше к югу проходит граница гнездования обыкновенного клеста. Она совпадает с южной границей сосново-лиственничных лесов. Но эти птицы живут и гнездятся в южноуральских борах не каждый год, а лишь в годы урожая семян сосны или лиственницы. Не уродились они — клестам нечего есть²,

¹ За исключением трех маленьких островков ели по Белой.

² Основная пища обыкновенного клеста — семена ели, сосны и лиственницы.

и птицы покидают южноуральские боры. Южная граница распространения рябчика выходит за пределы горнолесных районов в дубравную лесостепь; но рябчик там редок и лишь совсем недавно он появился и на Шайтан-тау. Этой птице, повидимому, зимой нужны защита и убежище в виде хвойного леса.

Глухарь, белка, рысь, медведь живут как в хвойных, так и в широколиственных лесах и заходят на юг до Шайтан-тау и лесов по р. Идяш. В байрачных лесных колках, расположенных среди южноуральских степей, нет ни одного из только что перечисленных видов. В мелких лесных колках, разъединенных между собой и расположенных вдали от крупных лесных и лесостепных массивов, было бы трудно и укрываться и добывать пищу медведю, рыси и глухарю. Да и белке там нечего есть: лес мелкий, желудей нет, орешков липы очень мало. Кроме того, все эти виды обычно избегают переходить через безлесные степные пространства¹, а рябчик крайне неохотно перелетает через лесные поляны.

Но некоторые виды животных, тесно и неразрывно связанных с лесом, населяют и небольшие лесные колки среди степей. Таковы, например, лось и вальдшнеп.

Все только что перечисленные виды лесных животных живут и в Европе, и в Азии. Но среди лесных зверей есть и такие, которые распространены лишь в европейских лесах. Из них на южную оконечность Урала заходят лишь садовая соня и желтогорлая мышь, причем последняя населяет крайние юго-восточные колки с дубом и липой, но ни разу не найдена восточней границы распространения дуба.

Пределы распространения лесных животных выклиниваются далеко к югу по южноуральским горным лесам и предгорной лесостепи. Естественно, что границы распространения степных животных окаймляют этот выступ. Одни из степняков подходят вплотную к горнолесным районам и кое-где даже проникают на их окраины. Я видел, например, поселения слепушонок у с. Зилаира, у д. Анновки и у Крепостного. Степная сеноставка встречена однажды в Ю. Крака. Байбак и рыжеватый суслик нигде не подступают так близко к горнолесным районам, как слепушонка и сеноставка, а стрепет и золотистая щурка не

¹ В сравнительно недавнем прошлом (в конце XVIII в.) медведи встречались даже в степных кустарниковых зарослях Заволжья по рекам Самаре и Кинелю.

проникают даже и в предгорную лесостепь. Еще дальше от нее расположены границы таких видов, как кречетка, малый суслик.

Границы распространения животных не остаются неизменными. За последние несколько сот лет у ряда видов (особенно у промысловых зверей и птиц) они изменились очень сильно. Эти изменения произошли главным образом в результате хозяйственной деятельности человеческого общества, причем изменялись не только пределы распространения, но и количество населения животных.

О речном бобре теперь осталась лишь память в старых башкирских сказках и песнях да в названиях урочищ. А еще в начале XVIII столетия бобры водились во многих местах Южного Урала.

Принимая на свои вотчинные земли «припущенников», башкиры особо оговаривали право на ловлю бобров. В одних случаях новосельцы пользовались правом ловли бобров наравне со старожильцами. «И им, Курмею и Акметю, в той вотчине с нами, Якупом и Оркой, поселитца усадьбою, и пашня пахать, и сено косить, зверя и птицу, и рыбу, и бобров ловить вечно», — сказано, например, в записи башкир Дуванейской волости. Но нередко право добычи бобров оставалось исключительно за вотчинниками: «Пустил я, Калы, их, Сеита и Аитмамбетя и Баймурата, в вотчину свою, в свое повытья... и в той моей вотчине в лесу борти делать, зверя всякого и птицу ловить. А бобров им, Сеиту с братьями, в той вотчине не ловить... Только ловить мне, Калью, бобров».

Древние акты говорят о том; что еще в XVII и первой половине XVIII в. бобры жили и в бассейне р. Белой (на реках Уфимке, Деме, Уршаке, Черемшане, Кундуруше, Явбазе, Иняке, Осиновой и других), и в бассейне р. Урала (на реках Сакмаре, Большом и Малом Иках и т. д.).

Во время путешествия И. Лепехина (в 1770 г.) бобры на Южном Урале встречались уже очень редко, а к настоящему времени их не осталось совсем.

Кроме бобров, на Южном Урале были нацело истреблены маралы и соболи; куда меньше стало других зверей и птиц. Около ста лет назад в степях левобережья Урала, неподалеку от р. Киялы-Бурти, А. К. Толстой¹ охотился

¹ «Два дня в Киргизской степи». Эта статья впервые напечатана в «Журнале коннозаводства и охоты» за 1842 г.

на сайгаков: «Вся степь, исключая какого-нибудь десятиверстного пространства вокруг нас, была ими покрыта. Я думаю, тут было несколько тысяч». Так было тогда. Сейчас сайгаков в южноуральских степях нет совсем. О том, сколько было в то время кроншнепов — самых крупных степных куликов, писал С. Т. Аксаков¹: «Плавно и беззаботно налетала на меня огромнейшая станица степных куликов всех трех пород; не только шум, — ветер слышал я от их тяжелого полета, надо мной неслась темная туча, вся составленная из длинных крыльев, ног, шей и кривых носов». Сейчас редко-редко и лишь кое-где встретишь этих птиц в южноуральских степях. Такими же редкими птицами стали стрепеты, дрофы, кречетки, еще недавно бывшие многочисленными.

Возникают вопросы: Можно ли восстановить былое обилие охотничьих птиц и зверей? Стоит ли делать это при современных условиях? Ответ на это таков. Нужно умножать все в природе, что приносит пользу человеческому обществу и украшает жизнь людей. Но не стоит восстанавливать прежнее обилие и распространение тех зверей или птиц, которые при современных условиях могут принести значительный вред. Сайгаки, например, в южноуральских степях могли бы изрядно повредить полям, и польза от них, вероятно, была бы сейчас меньшей, чем вред.

Но нужно заселить бобрами те реки, где они жили раньше и могут жить и теперь. Нужно охранять и беречь маралов. Нужно увеличить в сотни раз количество таких птиц, как стрепет, дрофа, серая куропатка, уничтожающих множество вредных насекомых. И сделать это можно, потому что травопольная система земледелия улучшит условия гнездования и жизни этих птиц. Кроме того, в степном Приуралье еще много целинных степей и старых залежей, а степным сообществам, как стало известно в последнее время², нужен отдых от выпаса скота. Отдых необходим для того, чтобы происходило семенное возобновление злаков: без этого злаковая степь вырождается. Вот эта-то «отдыхающая степь» и должна стать убежищем и местом размножения для степных птиц.

¹ С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, М., 1852.

² В. И. Евсеев. Степная растительность Чкаловской области. Очерки физической географии Чкаловской области, Чкалов, 1951.

* *
*

Отошли от Урала мои пути и пролегли в другие края, но редкий день не вспоминаю его. Подойдет весна, побегут ручейки по трамвайным путям на Ленинградском шоссе, примывая к рельсам желтые песчинки, и память уведет туда, где шумит Белая, заливая тугай, где трещат льдины, разбиваясь о скалы. Протают под Москвой откосы Рязанской железной дороги, уходящей на юго-восток; запоют жаворонки над платформами электрички... И еще сильнее тянет туда, где белыми чайками машет весна над разливами Сакмары и высоко над рекой, на отрогах Шайгантау, среди ковыля и сон-цветов, на утренних зорях бормочут на токах косачи... Отошли от Урала мои пути, но сердце мое с ним, и ни один край из виденных и не виденных мною не манит к себе так, как южноуральские леса и степи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Названия животных, упоминаемых в тексте

(в скобках — башкирские названия)

Звери

Барсук	<i>Meles meles arenarius</i> Sat.
Белка (тыин)	<i>Sciurus vulgaris</i> L.
Бурундук	<i>Eutamias sibiricus</i> Laxm.
Волк (бурю)	<i>Canis lupus</i> L.
Горноста́й (ас)	<i>Mustela erminea</i> L.
Заяц-беляк (ак куян)	<i>Lepus timidus</i> L.
Заяц-русак (ур куян)	<i>Lepus europaeus</i> Pall.
Кожан двуцветный	<i>Vespertilio murinus</i> L.
Косуля (илик)	<i>Capreolus capreolus pygargus</i> Pall.
Крот	<i>Talpa europaea</i> L.
Крыса водяная (кошуль)	<i>Microtus terrestris</i> L.
Куница лесная (хаухар)	<i>Martes martes</i> L.
Кутора	<i>Neomys fod iens</i> Schreb.
Летяга (усар тыин)	<i>Pteromys volans</i> L.
Лисица (тюлькю)	<i>Vulpes vulpes</i> L.
Лось (булан)	<i>Alces alces</i> L.
Марал (богу)	<i>Cervus canadensis asiaticus</i> Sev.
Медведь (аю)	<i>Ursus arctos</i> L.
Мышевка степная	<i>Sicista subtilis</i> Pall.
Мышь желтогорлая	<i>Apodemus flavicollis samaricus</i> Ogn.
Мышь лесная	<i>Apodemus silvaticus</i> L.
Мышь полевая	<i>Apodemus agrarius</i> Pall.
Норка (шашке)	<i>Lutreola lutreola</i> L.
Ночница усатая	<i>Myotis mystacinus</i> Kuhl.
Олень северный (мыше)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Пеструшка	<i>Lagurus lagurus</i> Pall.
Полевка обыкновенная серая	<i>Microtus arvalis</i> Pall.
Полевка красная сибирская	<i>Clethrionomys rutilus</i> Pall.
Полевка рыжая европейская	<i>Clethrionomys glareolus</i> Schreb.
Рысь (хиляухин)	<i>Lynx lynx</i> L.

Сенокосовка степная (саркиль- дак)	<i>Ochotona pusilla</i> Pall.
Слепушонка (хукур сыскан)	<i>Ellobius talpinus</i> Pall.
Соня садовая	<i>Eliomys quercinus</i> L.
Сурок (хуур)	<i>Marmota bobac</i> Müll.
Суслик малый	<i>Citellus pygmaeus</i> Pall.
Суслик рыжеватый (юмуран)	<i>Citellus major</i> Pall.
Ушан	<i>Plecotus auritus</i> L.
Тушканчик большой (ялман)	<i>Alactaga jaculus</i> Pall.
Хомяк (ирлян)	<i>Cricetus cricetus</i> L.
Хомячок серый	<i>Cricetulus migratorius</i> Pall.

Птицы

Балобан (ительге)	<i>Falco cherrug cherrug</i> Gray.
Бекас	<i>Capella gallinago</i> L.
Беркут (беркүт)	<i>Aquila chrysaetus</i> L.
Вальдшнеп (курпасык)	<i>Scolopax rusticola</i> L.
Варакушка	<i>Cyanosylvia suecica pallidogularis</i> Zar.
Веретенник большой (казгатау)	<i>Limosa limosa</i> L.
Ворон (кузгун)	<i>Corvus corax</i> L.
Ворона (ала карга)	<i>Corvus cornix</i> L.
Вьюрок	<i>Fringilla montifringilla</i> L.
Гагара чернозобая	<i>Colymbus arcticus</i> L.
Гаичка лесная	<i>Poecile atricapilla</i> L.
Галка (савке)	<i>Coloeus monedula</i> L.
Гоголь	<i>Bucephala clangula</i> L.
Грач (кара карга)	<i>Corvus frugilegus</i> L.
Глухарь (хуир)	<i>Tetrao urogallus uralensis</i> Sev. et Menzb.
Дрозд-рябинник (баркалдак)	<i>Turdus pilaris</i> L.
Дрофа (тугадак)	<i>Otis tarda</i> L.
Дятел трехпалый	<i>Picoides tridactylus</i> L.
Жаворонок белокрылый	<i>Melanocorypha leucoptera</i> Pall.
Жаворонок полевой (тургай)	<i>Alauda arvensis</i> L.
Журавль (турна)	<i>Grus grus</i> L.
Зяблик	<i>Fringilla coelebs</i> L.
Канюк-зимняк	<i>Buteo lagopus</i> Pont.
Канюк-курганник	<i>Buteo rufinus</i> Czetschmar.
Каменка-плешанка	<i>Oenanthe pleschanka</i> Lepech.
Камышовка кустарниковая	<i>Acrocephalus palustris</i> Bechst.
Кедровка	<i>Nucifraga caryocatactes macro-rhynchos</i> Br.
Клинтух	<i>Columba oenas</i> L.
Кобчик	<i>Erythropus vespertinus</i> L.
Козодой	<i>Caprimulgus europaeus europaeus</i> L.
Конек степной	<i>Anthus campestris</i> L.
Коростель (тартай)	<i>Crex crex</i> L.

Кречетка (тагадык)
Кроншнеп (куюльды)
Крохаль (балыксы)
Кукушка глухая
Кукушка (какук)
Кулик-красноножка
Куропатка белая (агуна)
Куропатка серая (ялан сель)
Лунь степной (муктарге)
Неясыть уральская
Овсянка
Оляпка (хау тургай)
Орел-могильник (карагуж)
Перепелка (будинэ)
Плавунчик круглоносый
Поползень
Пуночка
Пустельга (сыскан аласын)
Рябчик (урман сель)
Сапсан (аласын)
Сизоворонка
Синица долгохвостая
Славка серая
Снегирь
Сова болотная
Сова полярная (ак япалак)
Совка-плюшка (хак-суп)
Сойка (урман хаихкан)
Сорока (хаихкан)
Сорокопуд чернолобый
Стрепет
Тетерев (кур)
Тиркушка степная
Трясогузка белая
Трясогузка желтая
Филин (окио)
Цапля серая (каузы)
Чайка речная (ак сардак)
Чечетка обыкновенная
Чибис

Vanellus gregarius Pall.
Numenius arquata L.
Mergus merganser L.
Cuculus saturatus Blyth.
Cuculus canorus L.
Tringa totanus L.
Lagopus lagopus major Lor.
Perdix perdix L.
Circus macrourus Gm.
Strix uralensis uralensis Pall.
Emberiza citrinella L.
Cinclus cinclus cinclus L.
Aquila beliaca Sav.
Coturnix coturnix L.
Phalaropus lobatus L.
Sitta europaea baicalensis Tacz.
Plectrophenax nivalis L.
Cerchneis tinnunculus L.
Tetrastes bonasia sibiricus Bu.
Falco peregrinus Tunst.
Coracias garrulus L.
Aegithalos caudatus L.
Sylvia communis Lath.
Pyrrhula pyrrhula L.
Asio flammeus Pont.
Nyctea scandiaca L.
Otus scops L.
Garrulus glandarius brandti E.
Pica pica L.
Lanius minor Gm.
Otis tetrax L.
Lyrurus tetrax viridanus Lor.
Glareola nordmanni Nordm.
Motacilla alba L.
Motacilla flava L.
Bubo bubo L.
Ardea cinerea L.
Larus ridibundus L.
Acanthis flammea L.
Vanellus vanellus L.

Гады

Anguis fragilis L.
Vipera berus L.

Рыбы

Leuciscus cephalus (L.)
Nemachilus barbatulus (L.)
Phoxinus phoxinus L.

Веретенница
Гадюка лесная (зилан)

Голавль (опты)
Голец
Гольян

Елец (сабак)
 Налим (шамбы)
 Окунь (ала-буга, алантай)
 Пескарь (ташпакà)
 Подуст (борыс)
 Сом (яин)
 Таймень (кызыл балык)
 Форель (багры)
 Хариус (бярды)
 Щука (суртан)
 Язь (кара опы)

Leuciscus leuciscus (L.)
Lota lota L.
Perca fluviatilis L.
Gobio gobio (L.)
Chondrostoma nasus (L.)
Siluris glanis L.
Hucho taimen (Pall.)
Salmo trutta caspius Kessler morpho
 fario
Thymallus thymallus (L.)
Esox lucius L.
Leuciscus idus (L.)

Названия растений, упоминаемых в тексте

(в скобках — башкирские названия)

Аконит северный
 Астра лесная
 Бобовник (нукут)
 Борщевник сибирский
 Брусника
 Бубенчик лилиелистный
 Василек сибирский
 Василистник простой
 Вейник лесной
 Вероника седая
 Вишня степная (сия)
 Володушка золотистая
 Вяз (коромà)
 Гвоздика горная
 Горицвет весенний
 Горошек узколиственный
 Гребенчук
 Грудница мохнатая
 Девясил иволистный
 Дуб (имян)
 Дудник лесной
 Душица (матрушка)
 Ежевика
 Ежа сборная
 Жимолость пушистая
 Жимолость татарская
 Земляные орешки
 Ильм (илим)
 Камыш озерный
 Канареечник тростниковый
 Кизыльник
 Кислица башкирская (кумыз-
 лык)

Aconitum excelsum Rchb.
Aster amellus L.
Amygdalus nana L.
Heracleum sibiricum L.
Vaccinium vitis idaea L.
Adenophora liliifolia Bess.
Centaurea sibirica L.
Thalictrum simplex L.
Calamagrostis arundinacea Roth.
Veronica incana L.
Prunus fruticosa Pall.
Bupleurum aureum Fisch.
Ulmus laevis Pall.
Dianthus acicularis
Adonis vernalis L.
Vicia tenuifolia Roth.
Agropyrum pectinatum Roshev.
Lynosyris villosa Rchb.
Inula salicina L.
Quercus robur L.
Angelica silvestris L.
Origanum vulgare L.
Rubus caesius L.
Dactylis glomerata L.
Lonicera xylosteum L.
Lonicera tatarica L.
Filipendula hexapetala Gilib.
Ulmus scabra Mill.
Scirpa lacustris L.
Phalaris arundinacea Trin.
Cotoneaster melanocarpa Lodd.
Polygonum alpinum All.

Клевер горный	<i>Trifolium montanum</i> L.
Клен	<i>Acer platanoides</i> L.
Клубника (гиляк)	<i>Fragaria collina</i> Ehrh.
Ковыль волосистый	<i>Stipa capillata</i> L.
Ковыли перистые (каулан)	<i>Stipa</i> (<i>Lessingiana</i> , <i>rubens</i> и др.)
«Козьи репки»	<i>Cotyledon spinosus</i> L.
Коротконожка	<i>Brachypodium pinnatum</i> P. B.
Костяника	<i>Rubus saxatilis</i> L.
Крапива	<i>Urtica dioica</i> L.
Кровохлебка	<i>Sanguisorba officinalis</i> L.
Кувшинка белая	<i>Nymphaea candida</i> Presl.
Кувшинка желтая	<i>Nuphar luteum</i> Sm.
Кузьмичева трава	<i>Ephedra distachya</i> L.
Лабазник вязолистный	<i>Filipendula ulmaria</i> Maxim.
Легочница мягкая	<i>Pulmonaria mollissima</i> Kern.
Лен кукушкин	<i>Polytrichum commune</i>
Лиственица сибирская (ка- рагас)	<i>Larix sibirica</i> Ledeb.
Липа (юка) ¹	<i>Tilia cordata</i> Mill.
Лук вонючий (карга юва)	<i>Allium globosum</i> Red.
Лук Стеллера (апасык)	<i>Allium stellarianum</i> Willd.
Малина (аю гиляк)	<i>Rubus idaeus</i> L.
Манник обыкновенный	<i>Glyceria fluitans</i> R. Br.
Можжевельник казацкий (артыш)	<i>Juniperus sabina</i> L.
Молочай Герарда	<i>Euphorbia gerardiana</i> Jacq.
Овсец пустынный	<i>Avenaster desertorum</i> Less.
Овсец Шелла	<i>Avenaster Schelliana</i> Hack.
Ольха серая (ирик)	<i>Alnus incana</i> Willd.
Ольха черная (ирик)	<i>Alnus glutinosa</i> Gârtn.
Оносма шершавая	<i>Onosma simplicissimum</i> L.
Осина (усак)	<i>Populus tremula</i> L.
Осокорь (терек)	<i>Populus nigra</i> L.
Очиток горный	<i>Sedum hybridum</i> L.
Плевроспермум уральский (курай)	<i>Pleurospermum uralense</i> Hoffm.
Первоцвет	<i>Primula macrocalyx</i> Bge.
Полынь солянковидная	<i>Artemisia salsoloides</i> Willd.
Полынь шелковистая	<i>Artemisia sericea</i> Web.
Порезник сибирский	<i>Libanotis sibirica</i> C. A. Mey.
Ракитник	<i>Cytisus ruthenicus</i>
Рогоз широколистный	<i>Typha latifolia</i> L.
Саранка (харанà)	<i>Lilium martagon</i> L.
Скерда сибирская	<i>Crepis sibirica</i> L.
Смолка	<i>Lychnis viscaria</i> L.
Сныть	<i>Aegopodium podagraria</i> L.
Сон-трава	<i>Pulsatilla patens</i> Mill.
Сосна (карагай)	<i>Pinus silvestris</i> L.
Сочевичник	<i>Orobus vernus</i> L.
Таволга (тувалга)	<i>Spiraea crenifolia</i> C. A. M.
Тимьян	<i>Thymus marschallianus</i>

Типчак
Тростник
Тысячелистник
Тюльпан Биберштейна (ка
магуа)
Чемерица
Черемуха (муил)
Черника
Чилига (силик)
Чистотел
Щучка
Ясколка

Festuca sulcata Hack.
Phragmites communis Trin.
Achillaea nobilis L.
Tulipa bibersteiniana Roem et
Schult
Veratrum lobelianum Bernh.
Prunus padus L.
Vaccinium myrtillus L.
Caragana frutex C. Koch.
Chelidonium majus L.
Deschampsia caespitosa P. B.
Cerastium caespitosum Gilib.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
В нагорных лесах и в зауральской лесостепи	11
В южноуральской дубравной лесостепи	97
В приуральских степях	131
Заключение	154
Приложения	160

Редактор *Н. Г. Фрадкин*
Художественный редактор *В. В. Щукина*
Технич. редактор *И. Н. Ривина*
Корректор *Е. Б. Сницарева*
Редактор карт *Г. Н. Мальчевский*

Т 05404. Сдано в производство 3/IV-53 г. Подписано к печати 22/VI-53 г. Формат 84×108/₃₂. Тираж 50 000. Бумажных листов 2⁵/₈. Печатных листов 8,61. Издательских листов 8,59. Цена 2 р. 60 к. Заказ 2052.

Набрано в 3-ей типографии «Красный пролетарий» Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР.

Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано в тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46. Зак. 1651

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Имеются в продаже:

- Д. Н. Анучин, А. А. Борзов. Рельеф европейской части СССР, 1948, ц. 9 руб.
- Н. В. Башенина. Происхождение рельефа Южного Урала, 1948, ц. 7 р. 05 к.
- В. И. Влодавец. Вулканы Советского Союза, 1949, ц. 2 р. 10 к.
- А. Г. Гаель. Облесение бугристых песков засушливых областей, 1952, ц. 8 р. 50 к.
- Ю. А. Ливеровский и Б. П. Колесников. Природа южной половины Советского Дальнего Востока, 1949, ц. 7 руб.
- В. В. Ламакин. Ушканьи острова и проблема происхождения Байкала, 1952, ц. 7 р. 15 к.
- Г. В. Лопатин. Наносы рек, 1952, ц. 13 р. 45 к.
- С. Морозов. Русские путешественники-фотографы, 1953 ц. 3 р. 65 к.
- В. А. Обручев. Избранные работы по географии Азии, 1951, т. I, ц. 17 р. 30 к.; т. II, ц. 13 р. 95 к.; т. III, ц. 12 р. 90 к.
- А. Д. Панади. Барабинская низменность, 1953, ц. 9 р. 70 к.
- Б. Б. Польнов. Географические работы, 1952, ц. 4 р. 50 к.
- И. В. Самойлов. Устья рек, 1952, ц. 19 р. 45 к.
- В. В. Сапожников. По Алтаю, 1949, ц. 19 р. 30 к.